

ПРЕКРАСНЫЙ

Наркотик

Сизон Вайнинг

https://vk.com/romantic_books_translate

*Перевод: Анастасия Мухина и
Марина Шиловская (1–5 (без 3) главы),
Юлия Федоркова (с 6 главы)
Сверщик: Анна Рорк
Вычитка: Анна Рорк,
Полина Киперина
Обложка: Надежда Ефимова*

Глава 1

Единение

Две планеты близки в небесах

— Эй, малышка, передай мне сигареты.

— Я тебе не малышка, — повторила Джосси уже в который раз.

— Отлично. Передай мне сигареты, сучка.

Она мрачно рассмеялась и сделала, что он просил. Отношения на одну ночь не предоставляли права на ласковые имена. А аккуратно рассыпанные полоски белого порошка означали, что он может называть её как угодно.

В то время как незнакомец прикурил сигарету, Джосси села и вытянула руки над головой. В воздухе витал аромат пота, секса и табака. Жужжащий вентилятор пару часов назад усыпил её, а сейчас раздражал последние нервы.

Обнаружив своё нижнее белье на противоположном конце комнаты, Джосси вылезла из-под простыни и натянула его на себя. То же самое она проделала с остальными частями одежды, находя их в разных частях помещения после прошлой ночи. Молодой парень, что внимательно следил за её перемещениями, искренне забавлялся, наблюдая за её техникой «найди-и-надень».

— А знаешь, ты просто супер, — произнес он.

Его голос был скрипучим, будто ему в горло забились пыль. В его голубых сияющих глазах она ясно видела желание. Однако сейчас ей было не до этого.

Джосси проигнорировала его и наклонилась к одной из дорожек, поднося к носу свернутый трубочкой доллар. Она закрыла глаза и улыбнулась, вдыхая наркотик, зная, что скоро он подарит ей блаженное оцепенение. После последней затяжки она выпрямилась и позволила химикату раствориться в крови. Ей стало так легко, и казалось, будто она парит в небесах. Её тело приближалось к длительному оргазму. Сейчас у неё не было имени, не было прошлого, не было будущего. Существовало только настоящее. И оно было прекрасным.

— Дашь мне свой номер? Сэм Бредли играет в среду. Брательник пропустит нас бесплатно.

Его слова ударились о её стену забвения. Раздраженно она перекинула сумку через плечо и налепила улыбку. Утренний свет пробился через вертикальные жалюзи, золотом отражаясь на его теле. Он улыбнулся, и она опять почувствовала его желание. Но для Джосси он был только парнем — парнем с теплой постелью, доставляющими удовольствие руками и с большим количеством кокса.

— Мы хорошо провели время. Давай закончим на этом.

Она обула свои каблуки и направилась к двери.

— Ладно, как хочешь. Я тебя найду, — прокричал он.

— Маловероятно. — Она ответила и вышла в ослепительный свет утра.

Джосси сидела в темном углу привычного бара. Компанию ей составляли лишь стены, разрисованные граффити да пустые стулья. На коленях лежала открытая тетрадь. Грязными, испачканными грифелем пальцами она сжимала карандаш над страницей. Сотни слов крутились в её мозгу, но она не могла остановиться ни на одном. Первое слово предложения, основа идеи удерживали её в своей власти, не давая продолжить. Поэтому она предпочитала рисовать — изогнутые линии и пятна теней легче принять.

Посетители бара не обращали на неё внимания. Они были слишком заняты алкоголем и поисками партнеров для секса. Она же приходила сюда каждую ночь с одной целью. Чтобы увидеть его.

Это уже вошло у неё в привычку — ждать его. Джосси всегда приходила за час до его смены и уходила после его последнего перерыва. Она пыталась убедить себя, что эта одержимость нормальна.

Светящимися глазами она посмотрела поверх листа бумаги, ожидая прибытия своей музы. Она вздохнула и прикрыла глаза, жалея, что не выкурила что-нибудь перед прибытием сюда, чтобы ожидание не резало её как острая бритва.

Джосси Бенкс вступила на этот путь в четырнадцать лет. Она летала так высоко, как могла, опасаясь, что реальность внизу никогда не отпустит её вновь. У неё не было физической зависимости от наркотиков. Она никогда не принимала ничего так долго, чтобы к нему пристраститься. Это делалось исключительно для того, чтобы оставаться в блаженном оцепенении, на вершине равнодушия. Её спасали не только наркотики и секс с незнакомцами. Временами её карандаши, чистая бумага и тихая комната могли принести больше удовольствия, чем экстази. Скрипящие звуки карандаша и запах краски успокаивали гораздо лучше, чем попытки врачей.

— Привет.

Джосси подняла голову и увидела незнакомца, наблюдающего за ней сверху. Он стоял слишком близко, тревожа её личное пространство, со странной, светящейся улыбкой. Она не отреагировала на приветствие, но нетерпеливо ждала следующего его шага.

— Не хорошо такой красивой девушке сидеть одной. Можно мне присоединиться?

Она ответила молчанием. Мужчина развернулся и вернулся туда, откуда пришёл. Джосси не смотрела на него. В любом другом месте, в любое другое время она пошла бы за ним. Он был высоким и симпатичным, и ей приятно, что она его заинтересовала. Но нет, не здесь.

Многие говорили, что она привлекательная, но Джосси никогда не придавала этим словам особого значения, так как считала это обычной фразой, чтобы получить её к себе в постель. Если только они не знают, что её не нужно соблазнять. Она могла отдаваться свободно и часто. Стыд не входил в её комплект эмоций; ему не было места в той жизни, которую она вела. Секс всегда приносил только удовольствие. Даже плохой секс. С тех пор, как лишилась девственности, она почувствовала влияние своей женской сущности. Ни мужчина, ни женщина, как бы весело с ними ни было, не могли удержать её внимание

дольше, чем требовалось ей самой.

До него.

Она откинулась на стуле, переплела пальцы вокруг почти пустого стакана и погрузилась в свои мысли.

Облака накрыли луну, ворую её свет. Джосси устроилась на пожарной лестнице и рисовала при свете из окна квартиры. Грязь и пыль на стекле отбрасывали причудливую тень. Внимательным взглядом скользя по листу, она старалась наладить связь со своим рисунком.

Фигура в толстовке с капюшоном появилась неподалеку, привлекая её внимание. Она резко оставила движения карандаша в своих руках. Его темная одежда терялась в ночи, как будто она размазала линии на рисунке.

— Глупец! — крикнул он. Его голос эхом отразился от стен, будто гром, ударивший в небесах.

Он откинул капюшон, пальцы пробежались по грязным волосам, которые будто сложились в корону из шипов. Тяжелые шаги отбивали ритм, в то время как Джосси наблюдала его гнев.

— Непростительно, — произнес он. Он повторял это слово снова и снова, так что оно стало звучать в унисон с биением сердца Джосси.

Она задохнулась от изумления, когда он сорвал с себя толстовку и бросил её на землю. Его руки целиком покрывали татуировки, прерываемые лишь белой майкой. Он прижался лбом к стене и два раза ударил по ней кулаком. Его кровь окрасила кирпичи, и Джосси поняла, что в эту ночь здесь он теряет что-то очень важное.

Она сидела с каменным лицом, уставившись на беснующуюся фигуру внизу. Она немного завидовала такой злости. Она никогда не срывалась таким образом и задумалась, есть ли от этого какой-то прок? Его грудь тяжело вздымалась, и Джосси самой стало трудно держать своё дыхание в узде.

В тот момент луна прорвалась сквозь облака и озарила аллею серебряным светом. Он застыл, любуясь, будто загипнотизированный, тенями, что отбрасывала пожарная лестница. Его глаза поднимались вслед за тенями, пока не уткнулись в тень от её тела. Он поймал её взгляд.

Карандаш выскользнул у Джосси из рук, покатился и упал за край. Она не смотрела, как он падает. Она смотрела на очень знакомое лицо — настолько знакомое, что сердце заболело. Она никогда не видела такое прекрасное сломленное выражение лица, от которого прерывалось дыхание. Где-то в глубине сознания она услышала звук карандаша, падающего на землю.

Джосси почувствовала какую-то связь между ними. Они были двумя душами, заключенными в ловушку случайностей и обстоятельств. И не было ощущения, что они незнакомцы.

Она хотела большего, но не знала чего. Её тянуло к нему, как под действием лунного притяжения в прилив. Она не знала, как назвать свои ощущения, но хотела его так же сильно, как наркотики или рисование.

Где-то в конце квартала завывли сирены, они оба вздрогнули и разорвали те невидимые нити, которые их связывали. Он медленно развернулся. Джосси наклонилась через перила,

следа, как он исчезает в темноте.

Когда он ушёл, она понеслась вниз по ступенькам лестницы и подняла его толстовку с земли. Она завернулась в чёрный хлопок и впервые за многие годы спала всю ночь. С тех пор почти каждый день она надевала эту толстовку, хоть та и была ей велика, привыкнув к ней, как вещи давно потерянного друга.

— Принести что-нибудь выпить? — спросила официантка. Джосси посмотрела на неё и кивнула.

— Ещё ром с колой и без разговоров. Поторопись.

Она натянуто улыбнулась, когда официантка вернулась и принесла ей выпивку. Снова оставшись в одиночестве, Джосси начала делать набросок пары, целующейся напротив бара. Женщина стояла, зажатая между ног мужчины, обнимавшего её за талию. Их лица соприкасались в жарком поцелуе, не забывая шептать друг другу нежные слова. Они привлекали внимание всех вокруг, пока официантка не посоветовала им переместиться в другое место. Но Джосси это мало заботило. Её мальчик вернулся.

Он занял место за баром после того, как улыбнулся и поприветствовал официантку. Он отлично смотрелся в отблеске зеркал, сиреневого освещения и полупустых бутылок. Он уже не был тем страдающим парнем с улицы. Эта его версия была более сексуальной и уверенной в себе.

Как удачно, что она нашла его здесь, в баре для яппи. Джосси зашла сюда однажды, пытаясь найти хоть какое-то облегчение, а нашла его. Она узнала те самые татуировки, а когда он повернулся, вспомнила его совершенное лицо так же хорошо, как будто не минуло уже шесть месяцев с их прошлой встречи. Этот образ был выжжен в её голове на клеточном уровне. Она сразу же выучила его расписание, и скоро стала видеть его четыре раза в неделю. Но он её не видел ни разу.

Джосси хотела его. Отношения на одну ночь больше не удовлетворяли ей. Она хотела попробовать его губы и узнать на ощупь его кожу. Она хотела снять с него всю одежду и чувствовать вес его тела над собой. Их отношения были сложными, они строились лишь на односторонних взглядах. Джосси нравился такой поворот событий. Она чувствовала себя привязанной к нему, но не одержимой.

Тристан Фэлбрук был сложным человеком, но всё же всего лишь мужчиной. В возрасте двадцати двух лет он познал боль, видел достаточно насилия и преуспел как профессиональный преступник. Его жизнь можно сравнить с жизнью солдата в военное время, включая шрамы и неотступные воспоминания.

Он не планировал подобного. Его жизнь должна была сложиться совсем по-другому. Но получилось вот так. Здесь, на новом месте, он пытался начать новую жизнь, которая правда тоже не выглядела его путем. И его знания, личный опыт и прочитанные книги не могли ему помочь. Один, в незнакомом городе, с девятимиллиметровкой в кармане и страстью к литературе. И теперь ночь за ночью ему приходилось задвигать свой мозг, приходиться в этот бар и играть на публику.

— Похоже, Банди вернулась, — сказала Эрин, ставя поднос на барную стойку. — Как всегда одна, заказала ром с колой.

— Сейчас приготовлю, — ответил Тристан. — Почему все её так называют?

— Ну... она очень симпатичная и очень странная, как серийная убийца. Всегда приходит одна. Всегда уходит одна. Сидит только в том углу, пьёт и рисует у себя в тетради. Иногда она рисует на салфетках. Кажется, она оставляет их специально для меня. Будто это

какой-то ключ, который мне нужно расшифровать.

Тристан поставил стакан на поднос и пожал плечами.

— Ой, Нэнси Дрю, может, она просто очень застенчива? Пикассо и Уорхолое тоже любили чирикать на салфетках.

— К чему это ты? Их стоит сохранить? И когда она станет знаменитой, я смогу разбогатеть?

— Возможно. А что она рисует?

— Обычно лица людей в баре. Набросок меня висит над двенадцатым столиком. Одна из лучших работ, я бы сказала, — Тристан улыбнулся, искренне забавляясь над уверенным тоном Эрин. — В любом случае, ей не помешало бы обновить гардероб. Ты бы видел старую рубашку жуткого цвета, которую она постоянно носит. Держу пари, она серийная убийца. Просто её хорошенькое лицо сбивает с толку.

Устав от болтовни, Тристан улыбнулся официантке и отправил её работать. Он спрятался за бутылками и задумался о поведении Банди. Он не видел ничего плохого и неправильного в том, что ей хочется побыть одной... наедине со своими проблемами и мыслями. И не считал, что этого достаточно, чтоб повесить на неё ярлык чудачки. Он сам частенько проводил ночи с квинтой виски, выливая свои разочарования на случайных незнакомцев. Бродяги, коллеги, даже клиенты становились жертвами его пьяных тирад. Кто-то предлагал советы, кто-то просто слушал. Но всё это не играло никакой роли. Его жизненный курс оставался неизменным.

Тристан наблюдал, как Эрин отнесла коктейль. Он попытался сосредоточиться на Банди, в нём заиграло любопытство. Она сидела в тени, так что он мог различить лишь её силуэт. Он узнал эту позу: она намеренно спряталась от всех.

Джосси не подняла головы, когда принесли заказ. Её мысли были заняты его присутствием. Цветочный аромат духов официантки пробудил неприятные воспоминания, которые она быстро прогнала. Она задумалась, какой у него запах. Насыщенный аромат одеколона и лосьона после бритья или просто смесь мыла и сигарет? Она ругала себя за неблагоразумное увлечение этим мужчиной. Она не имела права желать его.

Джосси знала, что работники бара называли её Банди. Она подслушала, как официантки обсуждали её на перерыве. Они считали странной её саму и её манеру одеваться. Она недолго оставалась предметом разговора, они быстро позабыли о ней, как, впрочем, всегда происходило в её жизни. А её желание просто находиться рядом с ним перевешивало любые унижения.

Внезапно Джосси почувствовала, что её лицо горит под взглядом с другого конца бара. Она подняла глаза и увидела, что он за ней наблюдает. Он смотрел на неё, действительно смотрел. Она понимала, что он её толком и не мог разглядеть, но чувствовала, будто её голый вывели перед толпой зрителей.

После нескольких недель её скрытого присутствия, он наконец её заметил. Он облокотился руками на барную стойку и не отрывал взгляд. Конечно, она сразу захотела его. Только на своих условиях. Она не была готова. Она не хотела, чтобы он стал очередным вариантом на одну ночь. Он другой. Внезапно она стала задыхаться от желания сбежать.

Не заметив никакого движения в углу, Тристан повернулся к бару, освобождая её от своего пристального внимания. Он знал, что она существо привычки и не уйдет отсюда раньше положенного времени. Он будет ждать её снаружи.

Прошёл час, степенный и неторопливый, но ни один из них не сделал первый шаг.

Около полуночи Тристан понял, что не может больше ждать и что ему нужно выйти покурить. Он предупредил коллегу и вышел через боковую дверь. Аллея приветствовала его молчаливой темнотой.

Когда он скрылся из поля зрения, Джосси кинула несколько купюр, включая щедрые чаевые, и собрала свой блокнот. Она встала и торопливо начала пробираться к выходу. Когда подошвы её туфель почувствовали асфальт, она смогла выдохнуть. Здесь она снова может исчезнуть. Здесь она невидимка.

Джосси повернулась в сторону дома и увидела знакомую фигуру, прислонившуюся к стене. Она с трудом вдохнула, почти задыхаясь, пока его глаза изучали её снизу вверх. Хотя и прошло немало времени, он всё равно её узнал.

— Ты, — прошептал он, сквозь клубы дыма.

Тристан бросил сигарету, потушил её кончиком ботинка и сунул руки в карманы. Перед ним стояла девушка, полная тайн и скелетов в шкафу, и он знал, насколько она одинока в этом мире. Он сделал два шага в её направлении, ожидая, что она отступит, но он ошибся.

Джосси затряслась от незнакомого ощущения. В её голове стало пусто, а ноги будто стали ватными. Он подходил всё ближе, на его красивом лице читалось предупреждение. Она не боялась его. Долгожданное воссоединение перевесило бы любую неловкость. Без задней мысли Джосси протянула к нему руку, чтобы убедиться, что он реален. Вдруг он ей просто привиделся в игре больного воображения. Она провела пальцами по его подбородку, он был как тёплый камень и наждачная бумага. Наконец, она коснулась его лица. Он позволил всё это.

Тристан наклонился к её руке. Их глаза смотрели друг на друга в странной битве понимания. Их связь была неясной, но всепоглощающей. В привычном лунном свете их дыхание стало синхронным, и весь мир растворился позади. Тристан хотел что-то сказать, хоть и боялся разрушить этот прекрасный момент. Но всё-таки он воспользовался случаем.

— Я Тристан.

— Джосси, — ответила она.

Повисло долгое молчание, но оно не ощущалось неловко и было похоже на воссоединение влюбленных.

Брови Тристана в замешательстве сошлись на переносице, пока в его голове её лицо трансформировалось в другое, юное и улыбающееся. Он узнал знакомые глаза за теми темными и настороженными, что были сейчас напротив него. У него подкосились ноги, как от удара по голове, когда он признал в Джосси девочку, которая частенько преследовала его в воспоминаниях последние восемь лет.

— Ты напоминаешь мне кое-кого. МакКензи Дюлейн, — сказал он. — Но это невозможно.

Джосси опустила руку и уставилась в землю. Она давно не слышала этого имени и уже многие годы не считала себя той девочкой. Страх затаился в груди, пока она решила, сколько может открыть ему. Но что-то заставило её признаться.

— Я была ей раньше, — ответила она.

— Я думал, ты умерла...

Глава 2

Противостояние

Две звезды напротив друг друга

Это была тайна Джосси — единственный якорь, связывающий её с забытым прошлым. Ради безопасности и здравого смысла она тщательно оберегала этот секрет. Его фраза «Я думал, ты умерла» застигла её врасплох. Она едва не рассмеялась над этой полуправдой. В общем-то, она уже многие годы чувствовала себя мертвой. Она просто существовала, переживая утомительные часы повседневной рутины, физическую боль и душевные раны. Много раз, особенно когда она оставалась во мраке одиночества, Джосси молилась об избавлении от этой жизни. Она не знала, остались ли её молитвы не услышанными или просто без ответа. Но сейчас это уже не имело значения, ведь она давно потеряла веру в Бога. Теперь Джосси верила лишь в то, что можно увидеть или пощупать. И сейчас она верила в Тристана.

— Я знаю тебя, — прошептал он.

Узнав её лицо по прошествии не месяцев, а целых лет, Тристан продолжал изумляться. Она больше не прикасалась к нему, но его кожа горела в тех местах, где до этого были её руки. Эта ниточка к прошлому ошеломляла и угнетала его сознание. Он по-прежнему видел в этой женщине ребенка. Так много вопросов собиралось сорваться с его языка, но он не вымолвил ни один.

— Ты ни черта не знаешь.

Не выдерживая больше тяжести момента, Джосси побежала. Она была слишком трезвой, чтобы справиться с признаниями. Понимая, что ведёт себя как трусиха, она прижала к себе сумку и побежала прочь. Она двигалась бесшумно. Она давно научилась так передвигаться, чтобы банки с краской в сумке не гремели. Девушка опустила взгляд на тротуар, на котором лучи света выглядели как трещины. Вот бы одна из этих трещин распахнулась и поглотила её.

— МакКензи! Джосси! — звал её Тристан.

Имя Джосси, прозвучавшее из его уст, оказалось отныне запятнано её трусостью.

После того как МакКензи ушла, ошеломлённый Тристан помчался в бар и заперся там в туалете. Охваченный противоречивыми эмоциями, он облокотился на раковину, чтобы не упасть. На шее выступил пот, а в ушах стучал пульс. Его тошнило, он чувствовал себя обманутым и одновременно испытывал облегчение. Глядя на отражение в зеркале, он с трудом себя узнавал: бледный, как будто обескровленный, зрачки расширены, а взгляд не может удержаться на одном месте. Глаза жгли невыплаканные слезы, и он прикусил губу, чтобы их сдержать. Он видел перед собой болезненную версию себя, незнакомца. Он выглядел как человек, только что повстречавший привидение.

— Эй, парень, ты в порядке? — спросил кто-то сзади. — Ты плохо выглядишь.

Тристан встретился в зеркале глазами с мужчиной и постарался сосредоточиться на нём.

— Это потому что я пытаюсь бороться с паникой. У меня упало давление, вызывая головокружение. А также, — Тристан остановился, чтобы вдохнуть поглубже, — мне становится трудно дышать.

Мужчина склонил голову как собака, которая пытается понять человеческую речь. Его глаза сузились в щелочки, как будто это могло помочь разобраться. Тристан опустил взгляд на раковину.

— А, ну ладно. Я тогда пойду, пожалуй...

Когда Тристан снова взглянул в зеркало, мужчина уже ушёл. Хотя бог не обделил его мозгами, Тристану не всегда легко справлялся с социальными взаимодействиями.

Он представлял собой интеллектуальную загадку за своей непроницаемой маской, медицинский феномен. Его отец называл это эйдетической памятью. Он всегда всё легко запоминал. Не было никаких проблем, чтобы запомнить все детали на фотографии или каждое слово в рассказе. Список покупок, даты и время, даже имена и лица навечно оставались в его памяти. Это не было навыком, которому бы он научился, используя мнемонические техники. Он с этим родился. Это свойство его генетики, как цвет глаз или кудрявость волос.

Повзрослев, Тристан изучил это явление, пытаясь разобраться, почему его мозг так работает. Погрузившись в папины медицинские журналы, он выяснил, что эта изучение этой способности полно противоречий. Некоторые, например, считают, что это миф.

— Миф? — кричал он.

Сидя в кожаном кресле за столом отца, он молился, чтобы стать нормальным ребёнком.

— Тристан, это не болезнь. Это необычайная способность. Считай себя одарённым. Знаешь, как, например, быть пуленепробиваемым или иметь рентгеновское зрение.

— Как Супермен? — спросил он, вытирая слёзы.

Доктор Фалбрук улыбнулся сыну и кивнул. В освещённой тёплым светом комнате, заставленной полками с книгами и семейными портретами, семилетний Тристан представлял себя героем в колготах и развевающимся плаще.

Наконец, Тристан вернулся на свое рабочее место за стойкой бара, встретив раздраженный взгляд коллеги. Он на автомате вытирал сухим полотенцем стаканы для виски, разливал напитки и открывал бутылки, но мысли его занимала только МакКензи. Накрашенные чёрные глаза, округлости груди и длинные ноги — всё это не оставляло сомнений, что девушка, которую он когда-то знал, стала женщиной.

— Тристан, — он обернулся и увидел Эрин, смотрящую на него, — *я сказала*, что мне нужна водка с тоником, Голубая Луна, миллион долларов и номер Райана Гослинга.

— Извини, — сказал Тристан, — всё сейчас будет. Я не смогу помочь тебе с Райаном. И почему только миллион? Чем больше у тебя будет денег, тем проще тебе будет самостоятельно достать желанный номер.

— Я не хотела быть жадной, но мне нравится ход твоих мыслей, — подмигнула Эрин.

Он улыбнулся и поставил напитки на поднос. Как только она ушла, мысли снова вернулись к Джосси.

Тристан вспоминал все мгновения их встреч, начиная с первого раза, как он её увидел, и заканчивая первым разом, как он снова её увидел. Той ночью в тёмной аллее, где она молча смотрела на его приступ ярости. Когда их глаза встретились, он почувствовал знакомую силу притяжения, но с легкостью отшел её. Теперь он понимал свои ощущения и гадал, испытывала ли она их тоже?

Ему нужны ответы. Он вспомнил, что она живёт в сорок первом доме на Айова Стрит, в белом здании с зелёными козырьками. Он мог бы постучаться ей в дверь и встретиться с ней лицом к лицу. Но она казалась слишком упрямой для подобного подхода, слишком напуганной своей историей.

Тристан вздохнул и закрыл лицо руками. Он решил, что больше не будет страдать этим

вечером, как будто такое решение могло помочь избавиться от её чар. Он чувствовал, что она снова станет его искать, и тогда он даст ей всё, что она хочет.

Дин Молони сидел на заднем сидении припаркованной машины, водя пальцем по шву в обивке сиденья. Нежная холодная кожа скользила под его прикосновением, пока он не достиг края сиденья. Мимо пролетел подросток на скейте, панк с торчащими волосами. Он напомнил Молони Терри Сандерса из школы. Этот парень бесконечно дразнил его. Он повторял "Молони Болони", и все дети присоединялись к нему. Это продолжалось до тех пор, пока Молони не разбил ему лицо кирпичом в школьном дворе. Кровь попала на блондинистые торчащие волосы Терри. Тогда впервые Молони почувствовал вкус победы.

Скейтбордист попытался заглянуть в автомобиль сквозь тонированное стекло автомобиля, и Молони ухмыльнулся через стекло. Он знал, что его не видно, но сработал инстинкт. Внутри него жила ненависть, она распространялась по всему телу и инфицировала каждую его клетку. Его взгляд следил за мальчиком, пока тот прыгнул на погрузочный пандус и исчез вдали улицы.

Здание напротив окна Молони, сложенное неровными рядами старых и новых кирпичей, выглядело безобидным. Трещины на стенах и заржавевшие вентиляционные отверстия ничего не говорили о зловещих внутренностях. Просто один из многочисленных складов.

Его предприятие по бурению шельфовых скважин было отличным прикрытием для экспорта и импорта через Мексиканский залив. Половина его продукции состояла из незаконного оружия и наркотиков, в то время как другая половина представляла собой законный бизнес. Это здание стало его первым приобретением, когда он стал во главе этого предприятия. Среди грузовых ящиков и палетов собрались самые важные люди его компании. Собрать их всех в одном месте было рискованно, но в данных условиях необходимо.

Его человек, Фрэнк, сел за руль машины, предварительно проверив собравшихся.

— Все на месте, сэр.

Молони кивнул и вышел из машины вместе с водителем. Фрэнк шёл на два шага позади него неизменной тенью злодея. Они зашли на склад и подошли к группе людей. Молони занял своё место во главе стола, и тут же все разговоры прекратились. Он откинулся на спинку стула и почесал аккуратно подстриженную бородку. Он упивался слепым поклонением своих сотрудников. Ощущение полного контроля над жизнями этих людей было приятно. От возбуждения от власти у него перехватило дыхание, и во рту появился металлический привкус. Молони никогда не сдастся.

— Итальянцы шастают на моей территории.

Молони всегда говорил коротко и по делу. Он сделал паузу, чтобы подчеркнуть серьёзность проблемы, обводя всех присутствующих ледяным взглядом голубых глаз.

Дин Молони быстро достиг успеха. Он вырос в ирландском пригороде, основу которого составлял средний класс, и с детства стремился к большему. Дин жаждал богатства и власти. В его сердце поселилась алчность, и сколько бы он ни приобрел, всё равно хотел большего. В последнее десятилетие он расширил бизнес и, видимо, привлек внимание акул.

— Джино Галло враг номер один, — объявил Молони.

Мужчины разом заговорили, и комнату наполнил настороженный гул.

— Они не могут прийти сюда и взять наше! — закричал один мужчина.

— Итальянцы? Только через мой труп.

— В этом есть смысл, — спокойно сказал Барри. Пожилой мужчина рядом с Молони встал и начал застегивать пиджак. — Угрозы ничего не решат. Мы должны перехитрить их и спрятать все концы в воду. Не должно остаться ничего, что можно было бы использовать против нас.

Молони кивнул, соглашаясь.

— Согласен, — сказал он. — Убедимся, что все долги собраны, а все запасы учтены.

— Следите, не появилась ли крыса. Галло попытается украсть наш бизнес, вербуя наших парней. Если обнаружите, что кто-то сливает информацию, то будем с ним разбираться, — объяснил Барри.

— Кто-то точно сливает Галло информацию. Это факт, — подтвердил Молони. — Никто ни в чём не хочет признаться? — обратился он к присутствующим.

Мужчины стали невинно переглядываться. Их невинные и обличительные взгляды взбесили Молони. Он не потерпит измену.

— Нет? — последний раз спросил он.

В мгновение ока Барри поднял пистолет и выстрелил Кевину Лэндри прямо в лоб. Гром выстрела эхом отскочил от стены и превратился в дикий барабанный бой, звучащий в унисон с биением пульса всех мужчин в зале. Кевин хоть и умер мгновенно, остался в вертикальном положении, как будто всё ещё был при исполнении служебных обязанностей.

Молони усмехнулся. Он чувствовал себя сильнее от их страха. Его мышцы напряглись и потянули ткань рукавов пиджака. Власть, когда он держал в руках чью-то жизнь, была для него самым сильным афродизиаксом. Его девушке придётся нелегко сегодня ночью.

Щелкнув предохранителем пистолета, Молони отпустил людей. Остались только Барри и Фрэнк. Молони повезло иметь таких верных людей. Фрэнк отвечал за его безопасность. Он попал в дело, будучи подростком, чтобы погасить долг. А остался, потому что оценил преимущества своего положения. Барри же был вечным помощником. Он работал на предыдущего босса, и когда Молони возглавил дело, Барри обещал свою лояльность. Он был правой рукой Молони, его стрелком и его голосом разума.

— Что насчёт девчонки? — спросил Молони, — она ещё жива?

Барри оперся пальцами на деревянный стол и расправил плечи. Хотя он и не нёс за это ответственность, все равно чувствовал себя обязанным исправить проблему.

— Морт использует самые убедительные методы, чтобы собрать информацию.

Молони удовлетворенно кивнул. Джино Галло может использовать его прошлые недоделанные дела против него, поэтому крайне важно устранить девушку. Когда это осложнение решится, он сможет приняться за устранение итальянцев.

Джосси сидела, скрестив ноги, на полу своей квартиры среди пыли и паутины. Листы бумаги, выгашенные из переплёта, валялись вокруг неё, как опавшие листья. Она повторяла имя Тристана снова и снова, как будто звук его имени мог воскресить в её памяти их прошлое. Он знал её. Знал её в прошлой жизни, в которой она попала под суровые жернова судьбы и была выплюнута ими в нынешнюю реальность. Её переполняли противоречивые желания: с одной стороны, она хотела забыть его, а с другой, хотела познакомиться с ним заново.

Из окна на пол комнаты падал золотистый луч света. Частицы пыли планировали на свету, и когда Джосси шевельнулась, они хаотично закружились, как если встряхнуть снежный шар. Она была в восторге от них, даже завидовала их беззаботному и бесцельному существованию.

"Тристан" — снова и снова в её мозгу всплывает его имя. Теперь она знала не только лицо, но и имя ангела. Она улыбнулась, ведь хотела бы заняться с ним скорее дьявольскими вещами. Джосси хотела узнать и покорить его, как никто прежде. Она хотела оставить отметки на его коже и объединить их дыхание, шепча сексуальные обещания. Но прежде чем позволить фантазиям разгуляться, она сосредоточилась на своём эскизе.

Это больше, чем просто плотское влечение к его телу. Джосси хотела запомнить его внутри и снаружи. Она хотела вскрыть все его воспоминания и навеки сохранить их. Она хотела отдать себя Тристану и попросить его изменить её, сделать лучше, чем она есть. Но когда Джосси получала то, что хотела?

Кто-то постучал. Она проигнорировала визитера. Вместо этого Джосси сосредоточилась на воссоздании левого плеча Тристана. Она взглянула на прозрачную пластиковую упаковку таблеток на столе. Они, казалось, звали её. *"Съешь меня"*. *"Почувствуй себя хорошо"*. *"Забудь всё"*. Она набросала очертания татуировки Тристана, наполняя её серым цветом. «Какое издевательство над оригиналом», — подумала она. Цвет должен быть красным или фиолетовым или глубоким синим. Но она не использует цвет на бумаге уже много лет. У неё даже красок нет.

Снова постучали в дверь, отрывая Джосси от рисования. Дверная цепочка раскачивалась от того, с какой силой дергали ручку. И как бы ей ни нравилось уединение, придётся открыть.

Сняв цепочку и открыв замок, Джосси распахнула дверь и увидела улыбающегося Алекса с ямочками на щеках. Его громадная фигура нависла над ней, и он с обворожительной улыбкой ждал приглашения войти. Джосси отошла в сторону и закрыла за ним дверь.

— Ты знаешь, можешь не запираешь дверь, когда я здесь, Джо. Я позабочусь о тебе, — он подмигнул и протянул к ней руки.

Но Джосси это не впечатлило.

Александр Эрнандес — самец с гигантским телом и репутацией. Он вырос в самом неблагополучном районе города, погрязшем в криминале и насилии, но всё же парень не спешил уезжать оттуда. В его жилах текли грязь и пороки мегаполиса, что помогало выживать даже больше, чем его латиноамериканская кровь. Он был смертельным грешником и понимал, что в конце концов попадёт в ад. Его это не пугало. Принятие составляло основу его внутреннего мира.

Алекс знал, что такое преступления и наркотики с раннего детства, и для него существовал только один путь. Будучи подростком, он попал в колонию для несовершеннолетних и просидел там восемь месяцев. Тюрьма не улучшает людей. И когда он вышел, то стал в десять раз хуже, только его пристрастия изменились.

Он был молод, так что не являлся авторитетом. Однако его лояльность и готовность выполнять грязную работу быстро принесли ему уважение. Его тюремное заключение оказалось скорее школой, чем наказанием. Он крепко усвоил уроки, которые можно получить только с опытом. Никогда никому не доверяй, никогда не поворачивайся спиной к врагу и никогда не делись личной информацией. Один новичок произнёс имя своей девушки

в непринужденной беседе во дворе. Шесть недель спустя она была мертва. Закон тюрьмы: враги внутри становятся врагами снаружи. Тюремные стены или свобода — по сути ничего не меняется.

Когда Джосси переехала в полуразрушенное здание, он был удивлен, что она жила одна. Он попытался приударить за ней, когда они встретились в холле, но ничего не добился.

— Хей, мамочка. Ты новенькая тут, так что я помогу тебе. Я Алекс.

— Джосси.

— Ага. Если что-нибудь понадобится, обращай ко мне.

— Что-нибудь?

Он улыбнулся и схватился за дверной косяк над головой, напрягая бицепсы. Его глаза сияли победным блеском.

— Что угодно.

— Не-а, спасибо. Всё в порядке, — отказалась Джосси, заходя в квартиру.

— Бьюсь об заклад, что скоро это изменится.

Шесть недель спустя все действительно изменилось. Он пришел к ней после того, как проучил одного из своих лакеев. Кровь очень красноречиво украшала его одежду, но зато молодчик усвоил урок. После нескольких кружек пива его адреналин поднялся ещё выше. Пока он принимал душ, гнев ушел. Не прошло и пяти минут, как постучалась Джосси. Она пыталась на лице изобразить сексуальное желание, но он видит истинную эмоцию — страх.

— Я знал, что ты не сможешь сопротивляться.

— Заткнись, — прорычала она, толкая его в комнату.

В темноте он взял Джосси, склонив её над кухонным столом, и после ещё раз в своей постели, никогда не спрашивая, почему она вдруг согласилась. Позже Алекс понял, что она согласилась, только чтобы не быть в одиночестве самыми чёрными ночами. Она слишком боялась признать свой страх, поэтому просто предпочла защищенность в объятиях незнакомца.

С тех пор он оберегал её, как мог. Установил три замка на дверь и настоял, чтобы она ими пользовалась. Приносил ей еду несколько раз в неделю; в противном случае Джосси забывала поесть. Признавая её потребность в общении и защите, Алекс начал питать и платонический интерес к Джосси. Все остальные соседи утверждали, что она странная, но он знал девушку лучше. Она защищала себя и была одинока. Возможно, Джосси станет его единственным добрым делом, но забота о ней никогда не искупит все его грехи. Алекс необратимо проклят.

Прежде чем сесть, Алекс вытащил пистолет из-за пояса и положил его на стол. Он бросил бумажный пакет Джосси и привычно расслабился на диване, широко расставив ноги в сексуальном призыве. Его большое тело заняло весь диван, но Джосси никогда не возражала, занимая любимое место на полу. Он принес ей еду и остался, пока она не поела. Они мало разговаривали, часто вообще молчали. Не потому что девушка была застенчивой или грубой, просто её не интересовали светские разговоры. Хотя за то время, что они провели вместе, она рассказала ему свою историю, не полностью, но Алексу было достаточно, чтоб самому заполнить пробелы.

— Ешь, Джосси, — потребовал он, когда девушка сидела, глядя в ослепительный свет за открытым окном.

— Я поем, если ты принесешь мне ещё этого кокса. Хороший порошок. Не то дерьмо, что ты продаешь.

— Я сказал тебе, что больше не дам тебе его. Ешь. И перестань покупать это дерьмо.

Он взглянул на нее угрожающим взглядом, выгнув брови и поджав губу. Алекс поднял упаковку с разнообразными разноцветными таблетками, похожими на конфеты. Она ничего не ответила и не стала настаивать, что она взрослая и сама может о себе позаботиться. Она и так очень долго сама о себе заботилась.

Джосси понимала, что ей не выиграть эту битву желаний. Он останется, пока она будет есть, сколько бы это ни заняло времени. Она переключила внимание на бумагу, затеняя лепестки каждого цветка.

Ей нравилось, что Алекс не спрашивает о её благополучии. Она не хотела врать ему, но знала, что если он спросит, то ответит то, что он хочет услышать. Она в тысячный раз произнесёт ложь: "Я в порядке". Алекс заботился о ней, и она не понимала почему. Если б у неё была хоть толика чувства самосохранения, она обязательно поблагодарила бы его.

По её скупым рассказам история Джосси была похожа на одно из тех ток-шоу, которые вечерами смотрела мать Алекса. Пока она пила кофе и готовила ужин, всегда работал крошечный черно-белый телевизор, установленный на кухонном столе. Несмотря на помехи на экране, мама Алекса отчаянно переживала за убогие жизни несчастных мужчин и женщин. Каждый раз, приходя из школы, Алекс наблюдал, как мама ругалась по-испански, обращаясь к расплывчатому изображению. За ужином она предупреждала его и его братьев об опасностях, которые постигли жертв программы.

— Кот миссис Томпсон снова сбежал. Мяукал у моей двери целых два часа. Грёбанный зверь даже не знает, на каком этаже он живет. Недоумок, — проворчал Алекс.

— Может, она обучила его раздражать тебя, — ответила Джосси, давась смехом.

Алекс рос в большой семье, но будучи самым младшим из шести мальчиков, ему никогда не приходилось ни за кем присматривать. Несмотря на его просьбы, у него никогда не было собаки или кошки, или даже золотой рыбки. Его мать всегда говорила, что дома достаточно ртов и без неблагодарных животных.

Он наблюдал, как Джосси наконец-то отложила карандаш и достала пакет с едой, начиная спокойно кушать. Алекс стал крутить свой пистолет на столе — привычка, которая помогала ему сосредоточиться. Он планировал свой день, составляя список поставок и вспоминая о просроченных долгах, которые нужно собрать. Сегодняшний день будет либо очень выгодным день, либо очень грязным. Алекс не был уверен, какой вариант предпочтительнее.

— Тебе обязательно это делать? — спросила Джосси с набитыми щеками.

— Что? — Джосси указала на пистолет, еще вращавшийся после недавнего толчка Алекса. — Ты знаешь, что я ненавижу эту штуку.

Алекс закатил глаза и хлопнул рукой по вращающемуся пистолету, резко останавливая его движение. Он поднял оружие, вынул обойму и положил на стол. Затем взмахом руки над разобранным пистолетом безмолвно поинтересовался, довольна ли она.

— И чтобы ни-ни, — ответила она и откусила ещё кусочек.

Перебросив незаряженный пистолет из одной руки в другую, он улыбнулся.

— Где ты была в среду?

— Ходила, чтобы встретиться с ним.

Алекс на секунду задумался, прежде чем понял, кого она имела в виду.

— Ты всё время его видишь, сталкер.

— Я не сталкер, а заинтересованный наблюдатель. Кроме того, в этот раз он меня тоже

видел.

Алекс повернулся к девушке с серьёзным лицом.

— Ты разговаривала с ним?

— Его зовут Тристан. Он запомнил меня.

— Я догадывался. Какая-то чика наблюдает его приступ ярости в аллее.

— Нет. Он помнит меня с Нового Орлеана.

Алекс уронил пистолет на пол.

— Что?

— Да, — подтвердила Джосси.

— Ты собираешься снова с ним встретиться?

Джосси кивнула, закидывая последний кусок в рот. Она знала, что у неё нет выбора.

— Будь осторожна, Джо.

Она кивнула ещё раз, пока Алекс вставал и подходил к выходу.

— Запри дверь.

Джосси послушно выполнила приказ, выбросила коробку из-под еды и села на своё место, продолжая игнорировать таблетки на столе.

Глава 3

Пятно

Темное пятно или, возможно, противозаконный поступок

Когда Морт взялся за эту работу, он полагал, что это будет легко. Прошло уже восемь лет после её исчезновения, но всё ещё ходил слух, что ребята в Нью-Йорке напортачили и МакКензи Дюлейн осталась жива. Он должен был просто отправиться туда и удостовериться, что это не так. Тогда это казалось плёвым делом.

Морту удавались подобные дела. В этой среде он был известен как "чистильщик". Он подчищал беспорядок за другими. Неважно, были ли объективные причины провала или человеческий фактор, Морт всегда находил выход из ситуации. Он беспристрастно рассматривал дело, оценивал ошибки и находил решение — всё просто. Какая бы ни стояла задача — от лёгкой до абсолютно ужасной, Морт являлся идеальным кандидатом для этой работы. Он всегда достигал цели и делал это с безжалостной решимостью.

Поиск необходимых документов, подкуп официальных лиц и разбор обстоятельств её исчезновения потребовали от него значительных усилий. Компаньоны Молони в Нью-Йорке оказались бесполезны: они прятались за отговорками и меркнущими воспоминаниями. Не узнав от них ничего нового, он пошёл другим путём. Допрос федеральных агентов в темных уединенных помещениях вызвал крики боли, но, в конце концов, привёл к результатам.

— Если не расскажешь мне то, что я хочу узнать, то умрешь, — пригрозил агенту Морт.

Мужчина пытался справиться с веревками, которыми были связаны его запястья, но это ни к чему не привело.

— Я умру в любом случае, — ответил он.

— Конечно. Но ты можешь умереть быстро или же...что ж, у меня есть пара дней в запасе.

Морт повернулся и схватил молоток с ближайшего стола. Он осмотрел металлическую часть молотка и пробежался пальцами по чистой и блестящей поверхности. Он подошел к агенту и продемонстрировал ему выбранное оружие.

— Ну что, начнём?

Агент вздрогнул, но ничего не ответил.

— Если ты не поведаешь мне то, о чём я хочу узнать, — предупредил Морт, кружась вокруг агента, — то закончив с тобой, я наведаюсь в твой маленький особняк в Бруклин-Хайтс.

Глаза агента расширились, он начал бороться со своими путами.

— Держись подальше от них!

— Рассказывай, — приказал Морт.

Агент снова замолчал, его грудь поднималась с разгневанными вздохами.

— Эта девочка не умерла. Её отец сотрудничал с нами во время организации ареста криминальных лидеров Нового Орлеана. Мы сфабриковали её смерть, сменили ей имя и сделали участником программы по защите свидетелей.

Мужчина плакал. Он чувствовал облегчение и стыд из-за того, что сдал девочку ради спасения своей семьи.

— Её имя? Куда именно она уехала? — спросил Морт.

— Я не знаю, — ответил агент, — файл с её делом опечатан.

Морт со всей силы размахнулся молотком и ударил агента по коленной чашечке. Его крик раздался эхом по всему зданию, распугав стаю голубей.

— Я знаю, что ты занимался этим делом.

— Я работал с огромным количеством дел. Я не могу помнить всех деталей, — прокричал агент.

— Твоя жена Бонни, несомненно, красивая женщина. Я могу поспорить, она боец. Она ведь правда боец, агент Таунсенд?

— Джосси! Её имя Джосси Бенкс. Её пристроили в детский дом в Сан-Диего.

Морт улыбнулся, достал пистолет из кобуры и выстрелил агенту в лоб.

Он позвонил Молони, выходя из здания. На улице его встретил холодный ночной воздух, и он победно улыбнулся, глядя на луну.

— Что ты узнал? — спросил Молони.

— Она жива. Ей сменили имя и отправили в Калифорнию.

— Вот как.

— Я выслежу её и перезвоню вам, — пообещал Морт.

— Не сомневаюсь.

Тристан стоял в ванной комнате напротив зеркала, поглаживая щетину на подбородке. Он не хотел бриться сегодня. Его начальница Конни, женщина в возрасте и любительница мужчин моложе себя, всегда говорила, что он выглядит как бродяга, когда не бреется, однако получаемые им чаевые это опровергают. Тристан предполагал, что это её личное мнение и оно никак не связано с впечатлением, которое он производит на окружающих. Конни умела так изображать интерес к жизни человека, будто желает тому добра. Но единственное, что её интересовало — это прибыль, которую приносил бар. Это и то, что молодые работники мужского пола могли ей предложить в обмен на повешение заработной платы.

Раз в неделю она вызывала Тристана в свой кабинет, где заставляла его стоять и ждать, пока подпиливала свои акриловые ногти. Сегодня именно такой день. Кожа её декольте была усыпана веснушками, которые, казалось, спускались в глубокую ложбинку, образованную силиконовой грудью. Грудь были прижаты друг к другу, и это было видно, так

как она склонилась над столом.

— Как идут дела, Тристан? Тебя пока устраивают условия работы? — спросила Конни. Её голос хрипел из-за текилы и ментоловых сигарет.

Тристан тяжело вздохнул, раздраженный, что каждый их разговор звучал как предложение секса.

— Да, мэм. Мне нравится мой график работы.

— Ох, не называй меня «мэм». Ты выставляешь меня какой-то старой церковной леди, посещающей церковь. Я не твоя мама. Ведь так, дорогой?

— Нет, — Тристан подавил желание добавить «мэм» в конце ответа, — никак нет.

И каждый раз начиналась эта словесная игра, в которую Тристан научился искусно играть. Конни искала повод для беседы: что угодно, чтобы удержать его в поле зрения подольше. Она пыталась сохранять деловой тон, но это никогда не длилось долго.

— Тебе что-нибудь нужно, Тристан? Что-то, что я могу тебе предоставить? То, что поможет тебе лучше работать, конечно.

— Я вполне способен следить за запасами в баре, проверять удостоверения личности и смешивать более двадцати двух тысяч различных комбинаций спиртных напитков. Думаю, я с этим справляюсь.

Зная о её внутренней борьбе, Тристан улыбался и исполнял свою роль в игре, которую она затеяла. Хотя глубоко внутри он ненавидел то, что она рассматривала его только как симпатичного паренька, который приносит ей деньги.

— Кажется, да, — ответила она, отпуская его. — Проследи, пожалуйста, за тем, чтобы Ли поднялся сюда, когда придёт на работу.

Попрощавшись, он покинул кабинет, чувствуя облечение и одновременно отвращение, что снова пришлось участвовать в этой игре.

Все три часа своей смены Тристан изо всех сил пытался сосредоточиться. Его взгляд устремлялся в тот тёмный угол каждые несколько секунд в ожидании, что МакКензи материализуется прямо из воздуха. Он понятия не имел, что скажет ей. Всё, что приходило ему в голову, звучало по-детски и незначительно. Он знал лишь, что её появление вновь разожгло огонь внутри него, и ему нравился этот огонь.

Прошлой ночью во сне он видел лицо и слышал голос двенадцатилетней МакКензи Дюлейн. Всё это смешалось в поток образов. Его мозг помещал каждый образ в хронологическом порядке, что облегчало ему восстановление картин прошлого. Тристан видел её юное лицо, улыбающееся ему в тот момент, когда он забирался на их дерево. Он слышал её смех, пока гонялся за ней по комнате с недовольно квакающей лягушкой. Его видения переключились на их первый неловкий танец в школе, а дальше перешли к тому моменту, когда он впервые увидел её в бикини. И в самом конце — к их первому поцелую.

Он не был уверен, что сейчас знает, каким человеком она стала. Тристан был эгоистом и не знал, хочется ли ему испортить идеальные воспоминания новой, тёмной версией МакКензи. Она казалась такой суровой и беспокойной, как будто в жизни ей пришлось перенести тяжелые испытания. Что-то тянуло его к ней, как ночную бабочку притягивает пламя. В любом случае у него нет выбора. Если подумать, его у него никогда не было.

Он осмотрел угол еще раз. Никого. Он наблюдал, как Эрин передвигалась от столика к столику, а затем вернулась к бару с широкой улыбкой.

— Слава Богу, — произнесла она драматично, — мне не придется обслуживать сегодня Банди, — она схватила четыре бутылки пива и, уходя, повернулась:

— Она вся твоя.

Тристан нахмурился. Он проверил угол, который, как и в прошлый раз, оказался пустым. Тогда он осмотрел бар и обнаружил её здесь, что-то рисующую. Он сделал глубокий вдох и шагнул, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. И не упустил того, что поверхность барной стойки сейчас украшало изображение его татуировки с якорем.

— Я должен позвонить в городскую службу по контролю граффити и сообщить о тебе.

— Что же тебя останавливает? — спросила Джосси, с вызовом приподняв бровь.

— Что же? Данное изображение, — сказал он, указывая на испорченное место на барной стойке, — напрямую связано со мной. Я могу быть в это втянут. Это приведет к бумажной волоките, нужно будет заполнить длиннющий документ. Далее надо будет взять этот документ и отвезти его в администрацию, чтобы зарегистрировать жалобу, отстоять очередь, проводя слишком много времени под светом флуоресцентных ламп и дыша при этом воздухом государственных учреждений.

— Воздух государственных учреждений? — уточнила Джосси.

— Да. Вдохи и выдохи людей, работающих на необразованного управляющего, которому помог получить работу его кузен. Они приносят в бумажных пакетах свои обеды и пьют разбавленный кофе, что наполняет воздух вонью и неудовлетворенностью. В обеденный перерыв они сидят в комнате, в которой пыль не вытиралась со времен президентства первого из Бушей, и хвастаются своей домашней жизнью, которая ещё менее насыщена событиями, чем их монотонная работа. Все эти чувства, слова, пыль, резкие запахи и вкусы соединяются в зловоние из сожалений о жизни, которую так и не довелось прожить, и о мечтах, которые давно позабыты. Воздух государственных учреждений.

Джосси просто таращилась на него, вникая в его многословную тираду. После нескольких секунд внутренних споров с самой собой, она решила продолжить разговор.

— Почему же ты просто не заполнишь форму онлайн?

— Я предпочитаю взаимодействие «лицом-к-лицу».

— Даже при том, что ты будешь окружен воздухом государственных учреждений?

— Даже при этом.

— Тогда, спасибо, что не доложил обо мне.

— Никаких проблем. Что я могу предложить тебе, Мак?

— Мак?

— Так я звал тебя, когда мы были детьми, — сказал Тристан, его взгляд осветился воспоминаниями.

— Меня зовут Джосси, — поправила она.

— Хорошо, Джосси, — согласился он, подняв руки в знак капитуляции. — Ром с колой?

— Да.

Тристан приготовил коктейль и аккуратно поставил его перед ней, как будто это не просто напиток, а подношение, которое должно было умиловить её. Он наблюдал, как она закрыла маркер и убрала его в карман сумки. Девушка сделала глоток, напряженная тишина между ними становилась невыносимой.

— Что с тобой случилось? — спросил он ещё до того, как его мозг смог сообразить, как более тонко можно было подойти к этому вопросу.

— Прошлой ночью? — уточнила она.

— Нет, я имею в виду лето, когда нам исполнилось по четырнадцать лет.

— Ох, только не здесь, — попросила она, покачав головой.

— Когда? Где? — настаивал Тристан.

— Ты заканчиваешь в полночь, правильно?

— Да, — сказал он.

— Встретишься со мной в ресторане «Сити Дели».

Тристан заметил, что это не звучало как вопрос. Он кивнул.

Джосси допила коктейль одним глотком и оставила деньги на барной стойке. Она перекинула сумку через плечо и вышла на улицу. Ей надо было как-то убить три часа перед встречей с ним, и она размышляла, в какие неприятности она может вляпаться до этого момента.

Джосси сделала покупки в «Треjder Джоеc» и пошла по Шестой Авеню по направлению к парку. Тишина на улице казалась необычной для данного времени суток. Она заметила пару, которая выгуливала собаку. Они терпеливо ждали, когда их питомец обнюхает каждый дюйм мостовой. Пройдя квартал, она увидела двух трансовеститов в туфлях на четырехдюймовых каблуках, пытавшихся поймать такси. Им не очень в этом везло. Мимо пролетела группа подростков. Легко узнаваемый звук, издаваемый их досками, напоминал грохот поезда. Они подначивали друг друга на кикфлипы и олли на спуске с холма.

Джосси свернула в парк, игнорируя тротуар, чтобы насладиться травой под ногами. Огни ночного города просачивались сквозь ветки деревьев, покрывая её кружевным узором света. Ей нравился запах растений. Это пробуждало ностальгию о чем-то, едва уловимом в воспоминаниях.

— Привет, Гэвин. Как дела? — позвала Джосси, приближаясь к знакомой скамейке. Это было единственное место в парке, отмеченное её граффити.

— Стебельки! Давно не виделись! Ты изменяла мне?

Женщина кокетливо улыбнулась Джосси, демонстрируя зубы, которые напоминали мебельный гарнитур из разных наборов. Выражение лица Гэвин было непринужденным, но холод в её глазах неизменно напоминал об истине. Улица всегда найдёт искусный способ забрать твою жизнь, когда ты занят только тем, что пытаешься выжить. То, как она расположилась на скамейке, создавало впечатление, что эта женщина чувствовала сейчас себя как дома. Когда у тебя нет фактического адреса проживания, ты чувствуешь себя как дома, где угодно.

— Стебельки? — удивилась Джосси, садясь на противоположный конец скамейки. — И что это значит?

— Твои ножки, малышка. Они становятся длиннее день ото дня. Твои стебельки, — ответила она, пожимая плечами, как будто это было само собой разумеющимся.

— Ну, пожалуй, эта кличка лучше предыдущей.

— Почему? Тебе не нравилось, когда я называла тебя Перди?

Джосси состроила гримасу и потрясла головой.

— Нет! Это больше подходит деревенщине в рабочем комбинезоне, который безжалостно убивает людей.

Гэвин рассмеялась, этот тихий смех моментально скрыл резкость её черт и сделал снова похожей на юную девушку.

— Хорошо, если ты так на это смотришь.

— Я отметилась на новом месте в центре. На Пятой. Это заняло у меня два часа.

— Я должна проверить. У тебя сумасшедшие способности.

— Ты голодна? — спросила Джосси и достала батончик мюсли.

— Спасибо, — поблагодарила Гэвин, вскрывая упаковку и мурлыча от наслаждения вкусом шоколада.

— Вот остальное, — сказала Джосси, передавая четыре сумки с едой. — Ты передашь еду детям с городской площади?

— Как и всегда.

— Хорошо. Оставь себе, что тебе захочется, только постарайся, чтобы Саре достались железные червячки. Она их любит.

— Конечно.

— Расскажи мне последние новости. Эти кретины полицейские всё ещё беспокоят вас? — спросила Джосси.

— Не. Шорти опять арестовали за купание в фонтане. Грегори передавал тебе сердечный привет, как всегда. Ким и Ким двинулись дальше по 163. И Логан...

— Выкладывай, Гэвин.

— Логан пропал. Я не видела его уже несколько недель.

Джосси вздохнула, расстроенная, что не может лучше заботиться об этих детях. С тех пор, как ей приходилось жить на улице, она очень привязалась к ним. Они заменили ей семью.

— Хорошо, если увидишь его, дай знать. Как твоя подружка?

— Бог его знает, Стебельки. Я слышала, что она уехала в Лос-Анджелес со своим новым парнем.

— Извини. Я думала, у вас всё сложится.

— Так и казалось. Вот, что случается, когда связываешься с бисексуалкой. Они, чёрт побери, никогда не знают, что им нужно, — Гэвин вздохнула. — Может, ей не нравилась её кличка?

— Что ж, а мне нравятся Стебельки, — сказала Джосси. — Может, мне тоже дать тебе кличку?

— А что не так с Гэвин?

— Я никогда раньше не встречала женского имени Гэвин.

Гэвин закрыла глаза, отвернулась от Джосси, её плечи напряглись.

— Всего лишь способ остаться анонимом на улицах. Это имя моего брата, — добавила она.

Джосси больше не давила на неё. Она знала, каково это, когда у тебя за плечами прошлое, которое ты бы не хотел заново пережить или пересказывать кому-либо. Они обе были отвергнуты обществом. Разница в том, что Джосси, наделенная свободой, с особой остротой чувствовала на себе отсутствие контроля и днем, и ночью. Сейчас они делили друг с другом этот клочок земли, место для сна, а также стремление выжечь их боль. В наступившей тишине обе ждали волшебника, который доставит им средства, избавляющие от боли и приносящие фармацевтический кайф.

Глава 4

Извержение

Из кратера все вылетает под давлением

— Привет, привет. Что я могу предложить вам сегодня?

Джосси с подозрением посмотрела на мужчину.

— Где Найджел?

— Он сегодня занят, но не смог лишить вас веселья. И он отправил меня позаботиться о вас.

— Откуда нам знать, что ты не коп? — спросила Гэвин.

Мужчина рассмеялся и подергал за край шляпы.

— Чёрт, я не коп. Ненавижу этих ребят, меня всего пару недель назад выпустили из карцера.

— Интересная история, — сказала Гэвин.

— Покажи свои сиськи, — велела Джосси.

— Что?

— Ты слышал её.

Мужчина встряхнул головой, но выполнил просьбу и поднял рубашку до подмышек. Джосси изобразила указательным пальцем круговое движение, и он покрутился. Девушки скептически его оглядели, но обе кивнули, показывая, что удовлетворены.

— Видите? Никаких жучков. Я не коп.

Гэвин достала из сумки конверт с деньгами и отсчитала крупную сумму. После убрала конверт глубоко в сумку. Мужчина внимательно наблюдал, но успел вовремя отвести взгляд.

Джосси протянула приготовленный платеж в обмен на упаковку таблеток. Она улыбнулась, предвкушая удовлетворение.

Когда покупка была окончена, мужчина продолжил стоять, медля. Джосси не понравился алчный блеск в его глазах. Казалось, он в волнении чего-то ждёт. Внезапно он схватил сумку Гэвин и бросился бежать.

— Эй, стой! — крикнула Гэвин.

Джосси вскочила со скамейки и побежала за ним. Она настигла его в два счёта и, догнав, вцепилась ему в спину. Они оба свалились на землю и клубком покатались с пригорка. По пути Джосси получила локтем в глаз. Когда они остановились, она оказалась сверху и крепко ухватила сумку.

— Отпусти, — прорычала она.

— Попробуй забори, — сплюнул он на землю.

Джосси пожалала плечами и встала, прикидываясь пораженной.

— Ха, правильно, — он торжествовал.

Вдруг Джосси покачнулась и ударила его между ног. Он издал ужасный стон, согнулся пополам и отпустил сумку, перекатившись на бок. Джосси перекинула сумку через плечо и ушла.

— Сука!

— Меня зовут Банди, — победно отозвалась она.

Тристан сел за угловой столик в Сити Дейл. Официантка в стандартной униформе и ортопедической обуви, жуя жвачку, подошла принять заказ.

— Пока что только кофе, я кое-кого жду.

— Конечно. — Она закатила глаза и поплелась за его напитком.

Он вытащил книгу в мягком переплете из заднего кармана и открыл её на замусоленной странице. Читал текст, но к концу страницы осознал, что не помнит ни единого слова.

Странное ощущение. Поэтому он вернулся в начало, внимательно вчитываясь в каждое слово и изредка поднимая голову на звук открывающейся двери, выискивая глазами Джосси. И каждый раз, видя, что её нет, продолжал концентрироваться на словах Эмиса о безудержной и нелицеприятной жизни Джона Сама. Вскоре он начал задаваться вопросом: а появится ли она вообще сегодня?

Его кофе появился перед ним, как только он о нём подумал, а официантка уже направилась к другому столику. Он обильно всыпал сахар в кофе и принялся помешивать, пока звон ложечки о чашку не стал его раздражать.

Джосси ворвалась в двери кафе, будто её преследовали. Взгляд на Тристана на излюбленном угловом диванчике принёс ей облегчение, чего она не ожидала. Она рукой почистила одежду, будто это могло вернуть ей презентабельный вид. И неторопливо двинулась мимо других столиков, оценивая посетителей. Урод, подумала она, когда толстый, лысеющий мужчина подмигнул ей бровями. Джосси послала его на три буквы и продолжила путь. У этих — роман, этот — гомик, там алкаш. А ведь она могла бы оказаться на его месте. Авантюрист, проститутка и таксист — закончила она свой осмотр.

Бросив сумочку на диван, Джосси уселась. Звон металлических банок объявил её появление. Плечи Тристана вздрогнули в удивлении, он даже не понял, когда перестал следить за дверью. Их глаза встретились над чашкой дымящегося кофе.

— Что случилось? — его лицо исказила тревога.

Джосси пригладила волосы. Она понимала, что нужно было заглянуть в туалет и привести себя в порядок, прежде чем идти сюда.

— А что? — небрежно спросила она.

— У тебя огромный красный синяк на щеке, и ещё один под глазом.

— А, это... я подралась.

— Какого черта? — громко спросил он, привлекая внимание всех в заведении.

— Успокойся, — произнесла она, утихомиривая его. — Со мной всё хорошо. Я просто была в парке с подругой, и какой-то урод попытался украсть у неё сумку. Я не позволила.

— Он тебя ударил?

— Ага, но я дала сдачи, — ответила она, ухмыляясь.

— Что ты делала в парке в такое время?

— Покупала наркотики.

Тристан не нашел, что сказать на её откровенность. Либо она совсем не знает страха, либо всё же достала наркотики.

— Ты голодная? — спросил он.

— Не очень, но немного поем, — пробормотала она, пока её глаза бегали по меню.

Официантка вернулась и со своей обычной улыбкой приготовила ручку, чтобы оформить заказ.

— Я буду фермерские яйца, — сказал Тристан.

— А я земляничный коктейль, бекон и кофе, — заявила Джосси, закрывая меню и не глядя на уходящую официантку.

— Одна канадская компания провела опрос и выяснила, что сорок три процента людей предпочитают сексу бекон.

— Канадские бекон или обычный бекон? — уточнила она.

— Об этом ничего не сказано.

— Ну, — подытожила Джосси, — между ними большая разница.

Тристан отпил немного кофе, пока они ждали, когда официантка принесет её напиток.

— Ты хочешь сказать, что обычный бекон на завтрак может быть лучше секса, а канадский не дотягивает?

— Да, именно так.

— Ты можешь сравнить его с каким-нибудь сексуальным действием или он совсем плох?

— Я могу променять минет на канадский бекон.

— Но ты ведь не получаешь никакого удовольствия от минета?

— Точно, — Джосси пожала плечами.

— Может, канадцы не подозревают, что у них получается?

— Вряд ли, просто они хреново делают бекон.

Тристан согласно кивнул. Когда официантка вернулась с заказом, Джосси бросила сахар в кофе и помешала его против часовой стрелки. Она развернулась к стене, чтобы прочитать текст, увековеченный там.

— Твоя работа? — спросил Тристан.

— Не скажу. Ты можешь сдать меня.

— Итак, — начал Тристан, не представляя, как закончить предложение.

— Итак?

— Тебя не было почти девять лет. Почему ты не помнишь меня? Почему тебя все считали мертвой? Как ты здесь оказалась?

Джосси смотрела чуть выше его головы, будто там высвечивались вопросы, и она выбирала, на какой из них отвечать первым.

— Ты из Нового Орлеана? — спросила Джосси.

— Да, — ответил Тристан.

— Слушай, я не могу разговаривать об этом. Судебные дела. Бла-бла-бла. Моя безопасность. Бла-бла-бла. Хотя о чём я? Я не могу тебе ничего толком рассказать, потому что ничего не помню.

Тристан жестом попросил её продолжать, глядя на неё замороженным взглядом и путешествуя по чертам её лица — от светло-карих глаз по пологому носу, пока не добрался до губ. Когда она начала говорить, Тристан оказался пленен её историей.

— Мы с отцом покинули Луизиану из-за того, что он нашел новую работу в Бруклине. Мы шесть недель прожили на съемной квартире, потом что-то случилось, и хозяйка заметила, что мы пропали. Через три дня тело моего отца нашли в водах ближайшей гавани, а через некоторое время какой-то мужчина обнаружил меня на станции метро, где я грохнулась в обморок. Очнулась я в больнице, ничего не помня, в окружении ФБР.

Тристан заметил, что она не рассказывает, а будто читает по бумажке. В её голосе не было эмоций, никакого выражения.

— Амнезия.

Появилась официантка, принесла им кофе и удалилась, не интересуясь их разговором.

— Да, амнезия. Ретроградная диссоциативная амнезия, — пояснила она, повторяя неоднократно слышанный медицинский термин. — Я понятия не имею о том, что произошло в Нью-Йорке. Врачи говорят, что, возможно, никогда не вспомню.

Тристан подумал.

— «Ретроградный» значит, что твои воспоминания затерялись, но теоретически ты можешь всё вспомнить. — Джосси кивнула. — «Диссоциативный» — произошедший, вероятно, в результате какой-то психологической травмы.

Джосси, избегая его взгляда, пожала плечами. Они одновременно потянулись за сахаром и случайно соприкоснулись пальцами. Тристан отстранился, жестом уступая Джосси. Она насыпала сахар и передвинула сахарницу к нему.

— Ты доктор, притворяющийся барменом? — спросила она.

— Нет, я много читаю, — проговорил он и осознал, что это утверждение ничего не объясняет. — У меня очень хорошая память, я запоминаю всё, что когда-либо читал.

— Мм, — протянула она. — Мы противоположности.

Тристан кивнул, немного разочарованный причиной её заявления. Он полагал, что амнезия — её способ справиться с чем-то кошмарным, настолько ужасным, что мозг отказывается это воспринимать. У неё не сохранилось воспоминаний и из их общего детства. Она не помнила самое счастливое время её жизни, семью, друзей, даже его. Он же всё помнил с мучительной ясностью.

— Двадцать пятое августа, — начал Тристан, взгляд Джосси мгновенно направился к нему. — Тело, найденное в Гудзоне, принадлежало Эрлу Дюлейну, сорока одного года, недавно переехавшему из Нового Орлеана в Бруклин. Дюлейна объявили в розыск как пропавшего без вести три дня назад после заявления арендодателя. По словам полиции штата, тело в реке обнаружил рыбак, однако место смерти Дюлейна не установлено. Четырнадцатилетняя дочь Маккензи Дюлейн считается пропавшей без вести. Тридцать первого августа в Центральном парке нашли тело девушки четырнадцати лет. Власти не разглашают личность бруклинской девушки, но скорее всего это МакКензи Дюлейн, пропавшая девять дней назад. Полиция не смогла найти никаких родственников девушки. На теле не было никаких видимых повреждений, и пока нет никакой информации относительно подозреваемых или мотива.

Джосси быстро заморгала, осознав, что задержала дыхание, сосредоточившись на словах Тристана.

— По документам вы оба были убиты, но никакие детали не разглашались. Так как родственников у вас не было, школа провела поминальную службу. Твоя фотография висела на стене, и мы рассказывали о тебе истории, — закончил Тристан.

Джосси заметила приближающуюся официантку и обрадовалась отвлечению. Развернув салфетку, она стала тереть испачканные пальцы, молча проклиная угольный карандаш и грифель. Как бы она ни старалась, темная грязь оставалась на простынях и под каждым ногтем, отчего она выглядела вывалявшейся в грязи. Она даже не обращала внимания на полосу зеленой краски на рукаве, которую она удалит позже. Официантка поставила перед ними тарелки и снова исчезла, незамедлительно возвратившись с молочным коктейлем Джосси.

— Я ненавижу ту фотографию.

— Почему?

— Они использовали фото из школьного альбома.

— И? — спросила она немного разочарованно.

— Мы подрались в тот день, поэтому на фото ты даже не улыбалась. Была похожа на печальный призрак, преследовавший меня, и я вынужден был смотреть на тебя такую каждый раз, когда проходил мимо.

Джосси съела кусочек бекона и замурчала от удовольствия. Она была чересчур эмоциональна из-за их предыдущего разговора.

— Из-за чего мы подрались?

Тристан улыбнулся той подлинной улыбкой, которую Джосси хотела увидеть. Он положил вилку на стол и отхлебнул кофе.

— Я нашел у тебя в комнате рисунок другого парня и разозлился.

— Приревновал?

Тристан кивнул.

— Я разорвал его на мелкие кусочки.

— Я надеюсь, что дала тебе сдачи.

— О, это мягко говоря. Ты не разговаривала со мной три дня. Рекорд для нас.

Джосси покачала головой и задумалась, была ли она ханжой или он так пытался защищать их добродетель. Тристан заставил её немного нервничать, рассказывая о своих воспоминаниях. Он смотрел на неё, будто пытался взломать секретный код, сломать заслонки и понять её. Она никого никогда не хотела так, как хотела его, но не хотела рисковать, открывая ему, насколько она сломленная.

Она пыталась обмануть себя, убеждая, что это лишь физическое желание, и прикрыла глаза, представляя, как он врывается в тиски её бедер. Её разум тут же потерялся в фантазии, где она касалась и пробовала его плоть.

Тристан прокашлялся, напоминая Джосси, что они ведут разговор. Будто бы пойманная на месте преступления с видениями в голове, она опустила взгляд в тарелку. И пробормотала, отвлекая его внимание:

— ФБР сменили мне имя и увезли на другой край страны. По их словам, ради безопасности, — закончила Джосси, закатывая глаза при мысли о её безопасности.

Между ними установилась тишина. Джосси ела, а Тристан сидел ошарашенный.

— А потом? — спросил Тристан.

— Что потом?

— Это было восемь лет назад, — пояснил Тристан.

— Я не буду утомлять тебя рассказом о том, как живут в приемной семье, Тристан. Представь кошмар и увеличь его в десять раз. Употребление алкоголя и наркотиков не способно вытравить это.

Джосси отправила в рот очередной кусок бекона. Она тщательно пережевала, прежде чем взглянуть на Тристана. А тот так и сидел остолбеневший.

— Я и не знал. Никто не знал.

— Так и работает программа защиты свидетелей.

Джосси продолжила есть, пока Тристан наблюдал за ней. Он нехорошо себя чувствовал. Вдруг черная тень опустилась на их стол.

— Джосси, где ты пропадала, девочка?

Пара посмотрела на негритянского мальчика, опирающегося на их стол. Джинсовая куртка прикрывала его грязную футболку, а из-под шапки торчали косички. Он улыбнулся Джосси и подмигнул ей.

— Грегори, в чём дело, малыш?

— Да так. То то, то сё. Как дела? Давно не виделись. Но мы постоянно твои передачи.

— Я в порядке.

Джосси опустила голову и принялась сосать соломинку. Ей не нравилось, что Тристан слышал этот разговор.

— Ты, похоже, очень занята.

Грегори посмотрел на Тристана, склонив голову и выражая неодобрение.

— Где твоя сестра? — спросила Джосси.

— Перестань менять тему, красотка. Я пытаюсь закадрить тебя.

Джосси покачала головой и отставила молочный коктейль.

— Когда я вернусь в свои четырнадцать, у тебя это может получиться.

— Может мне и четырнадцать, но я лучше, чем он, — отозвался Грегори, указывая на Тристана.

— Тристан, это Грегори, Грегори — Тристан, — представила их Джосси.

— Приятно познакомиться, Грег, — Тристан вытер руки и протянул одну из них мальчику.

— Вот дерьмо, — прошептала Джосси.

— Грег? Ты сказал Грег? Разве эта невероятно сексуальная женщина назвала меня Грегом? Нет, она сказала Грегори, три слога. Или дураку вроде тебя трудно запомнить так много информации?

Джосси захихикала, прикрыв рукой рот.

— Гре-Го-Ри, — повторил мальчик по слогам, глядя на Тристана. — Где ты нашла этого клоуна?

— Прощу прощения, Грегори, — заговорил Тристан, спасая Джосси от ответа. — Мне жаль.

— Надеюсь.

— Отличная куртка. Гэвин её тебе дала? — спросила Джосси.

— Да. Она из неё выросла. Куртка старая и отдаёт деревенщиной, но я не собираюсь жаловаться.

— На самом деле это винтажная куртка Леви. Там стежок внизу ярлычка и карманы на груди. Приблизительно 1971 год, — сказал Тристан.

— Ты серьёзно? Это всего лишь куртка, — простонал Грегори. — Джосси, вот почему ты выбрала его? В смысле, почему не меня?

— Потому что комендантский час запрещает тебе появляться на улице между десятью вечера и шестью утра по будням, — заявил Тристан, весьма довольный собой.

— Это неважно, если дома у тебя нет, — ответил Грегори, подмигнул Джосси и был таков.

— Ничего себе, — Тристан улыбнулся. — Он... колоритный.

— Расистские шуточки?

— Что? Нет! Джосси, я бы никогда... — сказал он, роняя вилку на стол.

— Да я знаю, просто смешно наблюдать за твоей неловкостью.

Джосси подмигнула, доедая последний кусочек бекона.

— Он бездомный?

— Грегори больше любит фразу «без определенного места жительства».

Тристан кивнул.

— Все твои друзья такие?

— Он не друг, просто знакомый ребенок.

Тристан заметил, что её поведение мгновенно изменилось. В её голосе и позе появилось какое-то напряжение. Тема была закрыта.

— Итак, ты видела меня в ту ночь в переулке.

Джосси неосознанно поправила толстовку и кивнула.

— Моя? — спросил он, узнавая красную строчку на рукаве.

— Да, ты оставил её на аллее.

Тристан взвесил варианты и обдумал, на какие вопросы он может получить ответы, не спрашивая напрямую. Сделав выводы, он решил довольствоваться тем, что уже узнал. Потребуется время, чтобы пробить брешь её одиночества.

Тристан не верил в судьбу. Всегда находились научные, математические или логические объяснения. Тот факт, что МакКензи Дюлейн сидела перед ним, жуя бекон, не укладывался у него в голове.

Тристан лежал в постели после встречи с МакКензи и пытался собрать пазл из того, что узнал о сломленной девушке. Раньше воспоминания о ней отдавались жгучей болью в груди. Он провел несколько лет жизни, изнывая от любви к МакКензи. Прежде чем чернила покрыли его кожу, там была МакКензи. Те времена, когда он знал, кем он был и чего хотел, когда жизнь была полна возможностей, неизменно связаны с МакКензи.

Она потеряла всё. Тристан знал, что она будет оберегать себя от большей боли. Девушка была красива, полна тайны и сексуальности. Он понимал, что не мог всё вернуть к тому, на чем они остановились, но жаждал её. Тристан выключил свет и уставился на серый потолок, размышляя, как же он смог её найти.

В двадцати двух кварталах от него Джосси фиолетовым маркером разрисовывала знак остановки. Скрип фломастера по металлу успокаивал её. Так же, как и свои подписи по всему городу. Даже если она чувствовала себя никем, эти отметины доказывали её существование. Просто чтобы оценить, как это будет выглядеть, она дописала туда же имя Тристана, отступила на шаг и полюбовалась, как их имена смотрятся рядом. Она улыбнулась и направилась в сторону дома. В ту ночь она заснула, завернувшись в чёрную толстовку мальчика, который когда-то её любил.

В доме на улице Левант Морт пробрался в офис соцобеспечения и быстро взломал компьютерную систему. Его не остановила устаревшая система защиты информации паролем. Собрав все необходимые сведения и настроив возможность обращения к системе удаленно, он начал охоту.

Он устал от этой погони. Если б он был идиотом, то сложил бы руки и помолился, чтобы это дало ему какую-то подсказку, направление. Но это путь для придурков, которые верят в высшие силы больше, чем в себя.

Морт так долго занимался этим делом, что и в постели его мысли возвращались к этой задаче, ни на секунду не давая ему передышки, даже во сне. Он бы многое отдал, чтобы избавиться от этой проблемной девушки.

Морт ещё не предупредил Молони о своем местонахождении. Он не хотел подавать тому надежду, пока не найдет ничего конкретного. Узнать, что девушка еще жива, было удачей. А вот выяснить, куда её направили, стало мучительным и кровавым мероприятием.

После сложных манипуляций он, наконец, смог открыть нужное окно. Курсор мигнул в строке поиска. Пальцы Морта быстро пробежались по клавиатуре, набирая имя, которое он заполучил такой высокой ценой. Он был близок.

Нажав на «Enter», Морт улыбнулся: Джосси Бэнкс. Найден один результат.

Глава 5

Спутник

Все выводят на орбиту инородное тело

Моника Темплтон, ростом всего лишь полутора метра, решительно приблизилась к полуразрушенному зданию. Она жила не в этом районе, но часто здесь бывала. Должность социального работника забрасывала её в разные уголки и трущобы этого города. Её не ограничивали ни религия, ни раса, ни социальный статус. Её работа включала всех и каждого. Поэтому она и выбрала эту профессию. Моника полагала, что каждый заслуживает долгую и счастливую жизнь.

Правда, приемы на дому не всегда были приятны, но это часть работы, которую приходилось выполнять. Детей нужно навещать по месту жительства, чтобы удостовериться, что о них заботятся и они обеспечены всем необходимым. За долгие годы работы она привыкла быть морально готовой ко всему и ничего не принимать на веру. Моника научилась видеть то, что скрывалось, по всяким мелочам и поведению. Короче, она многому научилась на своих ошибках.

Моника улыбнулась трем девочкам, прыгающим через скакалку на тротуаре. Пластиковые заколки на концах косичек подпрыгивали в такт, а девочки напевали веселую песню. Они весело смеялись, когда цеплялись за скакалку, и тут же начинали сначала. За ними из окна второго этажа, оживленно разговаривая, наблюдали две курящие женщины. Обе были поглощены беседой, но одна из них обязательно следила за детьми. На крыльце сидели четверо мужчин, они чувствовали себя комфортно и не обращали внимания на Моника.

— Извините, — громко сказала она, заглядывая каждому в глаза, но ни один из них не шевельнулся. — Эй, прошу прощения, — повторила она громче, привлекая к себе внимание.

Один мужчина встал, его рубашка в рубчик прильнула к мышцам. Он носил три золотых цепочки и чистые кроссовки. Такой типаж был знаком Монике.

— Мы услышали вас и с первого раза, — произнес тот, подходя ближе. — Что вам здесь нужно?

— Это моя работа. Пожалуйста, освободите мне проход. Я ценю весь ваш бандитский облик, что вы тут развели, — сказала Моника, махнув рукой в сторону его тела, как хозяйка положения, — но у меня нет на это времени. Принимая во внимание твоё неуважительное отношение и то, что ты оставляешь за собой матерей-одиночек, ну-ка прочь с дороги, пока я не продырявила твой череп каблуком.

Громкий смех пронесся за их спинами, но Моника старательно удерживала взгляд мужчины, хоть у неё затекла шея.

— Мне есть, чем заняться, — сказал он.

Несколькими секундами позже он отошёл в сторону. Остальные пошли за ним.

Легкий стук в дверь заставил Джосси встать с пожарной лестницы. По терпеливому стуку было понятно, что это не Алекс. Она подошла к двери и спросила через толстое дерево:

— Кто?

— Твой друг — Моника, — пропела женщина из-за двери.

Джосси закатила глаза и, открыв, жестом пригласила её войти. Ей сразу захотелось выпить и выставить заслонку между ними из психотропных веществ. Моника тут же села за маленький кухонный стол. Она выдувала пузыри из своей жвачки. Джосси не нравилось, как Моника выглядела в её квартире: идеальное маленькое тело среди разномастной мебели и облупленных картин. Если б не нормативы поведения, Моника бы незамедлительно

протерла бы стул антибактериальной салфеткой. Наверняка, те лежат у неё в сумочке.

— У меня нет друзей, — напомнила Джосси, занимая место напротив и скрещивая руки на груди.

Джосси считала себя одиночкой, избегая отношений и вообще людей. Общение требовало слишком больших усилий. Обычно истинные намерения скрывались за фальшивыми улыбками и приветственными рукопожатиями. Джосси не нравилось, что её оценивали по числу друзей, которых она имела или, как в её случае, не имела.

— Может быть, ты и не мой друг, но я точно твой. Как и Алекс.

Джосси ненавидела, как Моника смотрела на нее с жалостью и чувством вины. Лицо женщины хоть и улыбалось, но в нем явно читалось кающееся выражение. Интересно, всегда ли у неё такое лицо, или только когда она рядом. Они сидели в обычном противостоянии: каждая пыталась разгадать намерения другой. Моника понимала, что этот визит ничем хорошим не закончится — слишком уж враждебно была настроена Джосси. Это бросалось в глаза по лицу девушки.

Джосси смотрела в окно, в надежде, что Моника уйдет. Не повезло. Она видела сожаление в ответ на свой гнев. Лицо Моника было непроницаемым для других, но Джосси умела видеть сквозь маски.

— Что вам нужно?

— Я была здесь неподалеку.

— Я в порядке.

— У меня отменилась встреча, так что я решила проведать тебя. На людей нельзя полагаться. Я приехала сюда в оговоренное время по предварительной записи только чтобы узнать, что они в Оклахоме. Честное слово.

— Жаль, что вы зря потратили время. Но лучше вам поскорее убраться отсюда, пока ваш автомобиль не угнали.

Джосси не имела ничего особого против Моника, но и не пылала к ней восторгом. Как государственный социальный работник Моника не имела никаких обязательств перед Джосси уже четыре года. Джосси полагала, что чувство неудачи всё же возьмёт верх, и эта женщина так же исчезнет из её жизни, как и остальные. Но пока она продолжала следить за Джосси.

— Ты всегда говоришь, что у тебя все отлично. Как обстоят дела на самом деле? Ты работаешь? Ходишь в школу?

— Нет и нет.

Моника откинулась на колченогом стуле и скрестила лодыжки. Носком ботинка она стучала по полу, обдумывая, как далеко можно зайти сегодня.

— Джосси, тебе нужно хотя бы обдумать устройство на работу, нужно определиться, чем ты будешь заниматься. Это, конечно, чудесно, что ты целыми днями сидишь в окружении своих картин и ловишь кайф. Я бы тоже с удовольствием проводила бы дни напролет за чтением романов и поедая бисквиты, но я живу в реальной жизни. И понимаю, что так жить невозможно.

Джосси вскочила со стула, набрала в стакан воды и выпила одним махом. Она чувствовала себя, как в клетке, удерживаемая ответственностью непонятно за что. Вода её не успокоила, и она повернулась к Монике.

— Почему невозможно? Если чего-то хочешь — просто сделай. Конечно, твой зад перестанет протискиваться в двери, но ты будешь счастлива. Так что вперед за

растягивающимися панталонами и бисквитами. Не бойся мечтать.

Джосси опять отвернулась от неё и уставилась на плитку над раковиной. Она представила себе буйное переплетение ярких штрихов на поверхности плитки.

— Я знаю, что ты получила большое наследство. Но нельзя постоянно жить только сексом и наркотиками. Со временем это тебя убьёт, — сказала Моника, проигнорировав высокопарные заявления Джосси.

— Я именно на это и рассчитываю.

— Ты не хочешь этого, — упорствовала Моника. — И я не понимаю, почему ты живешь здесь, если можешь позволить себе гораздо больше. Выберись отсюда и сделай что-нибудь. Принеси какую-то пользу обществу.

Джосси резко развернулась и выразительно взмахнула руками.

— Такую же, как оно принесло мне?

Её слова сочились ядом, который достиг цели. Моника вздрогнула, но попыталась скрыть сочувствие, которое так ненавидела Джосси. Она помнила их первую встречу. Моника улыбалась во весь рот и раскрыла объятия, а стеснительная Джосси обняла её за талию. Во время их разговора Джосси не отрывала взгляд от линолеума на полу, тогда она была тихая и спокойная.

— Привет, Джосси. Я Моника. Мне поручили твое дело. Я очень рада тебя видеть, — говорила она молчаливой девушке. — В твоём деле говорится, что ты год назад потеряла мать и практически сразу отца.

Джосси посмотрела на нее и пожала плечами:

— Ну, если в деле так говорится.

— Я так сожалею, дорогая. Я понимаю, что я никогда не смогу их заменить, но обещаю, что сделаю все возможное, чтобы ты чувствовала себя отлично. Договорились?

— Хорошо.

— Что ты можешь о себе рассказать.

— Меня зовут Джосси Бэнкс, — заученная фраза.

— У тебя есть какие-то хобби? Какую музыку слушаешь? Есть мальчик? Фанатеешь ли от кого-то из звёзд сцены? Я просто обожаю Мэтью Фокса из Лоста.

— Не знаю.

— Хорошо, Бэнкс, — Моника полистала какие-то бумаги и опять улыбнулась. — Ты будешь жить в женском общежитии, пока мы не подыщем тебе что-то постоянное. Там будут психологи, которые смогут помочь тебе в любой момент. Возможно, они помогут тебе открыться и рассказать побольше о твоём прошлом. Это не больно. Правда.

Милая застенчивая девочка за восемь лет превратилась в циничную женщину, что очень печалило Моника, но не удивляло, учитывая весь ужас, который довелось пережить Джосси. Но в глубине души она надеялась, что в жизни её подопечной настанет светлая полоса.

Моника порылась в сумке и выложила на стол бумаги.

— Я принесла тебе брошюры художественных школ. Посмотри их, Джосси. Ты очень талантливая, тебя могут взять туда. Правда сначала тебе стоит протрезветь.

Джосси взяла брошюры, даже не взглянув на них.

— Я не думаю, что гожусь для получения образования. У меня проблемы с авторитетами.

— Это верно, если ты будешь продолжать разрисовывать город граффити, ты можешь попасть в тюрьму. Вот тогда ты точно столкнёшься с авторитетами и мерзкими оранжевыми

комбинезонами.

Джосси улыбнулась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это красиво, но нелегально. Если сумма ущерба будет большой, то это уже будет уголовным преступлением.

— Я знаю.

— Тогда почему ты не направишь свою энергию на что-нибудь легальное?

— Потому что имею я вашу легальность, — прорычала Джосси, плюхаясь на диван.

Последующее молчание было немного неловким, однако Джосси могла его выдержать. А вот Моника нет.

— А что насчет группы поддержки в центре помощи? Ты же была там недавно? Я слышала, руководитель там душка. И он большая шишка на факультете Искусств Университета Сан-Диего. У вас должно быть много общего.

— Нет, я не была там. Я не хочу слышать истории людей об их ужасном детстве, не хочу слышать сравнений с моим детством. Я не желаю их жалости, я и от тебя её достаточно получаю. И кто в наше время использует слово «душка»? Кроме того, я не ем три раза в день. Я занимаюсь сексом с незнакомцами, со многими незнакомцами. Я не занимаюсь спортом и знакома с парочкой наркочилеров, — она сделала паузу и затаила дыхание. — И вообще, тебе разве не нужно посетить какого-нибудь нуждающегося в спасении ребенка?

Моника отвела глаза, встала и вышла, не ожидая извинений. От холодной, как лед, Джосси не стоит ждать сожалений. Ранящие слова уже произнесены и достигли цели. Моника всегда страдала из-за Джосси, хотя и старалась исправить свои ошибки. Она заслужила подобное отношение. Удерживая слезы, она сбегала по лестнице от первого и последнего ребенка, которого она когда-либо подводила.

После длительного и тяжелого рабочего дня, Моника сидела на высоком табурете, потягивая коктейль. В помещении играла тихая музыка, разбавляя окружающий шум разговоров и звон стекла. Помещение было декорировано красным деревом, как будто располагалось внутри гигантского ствола. Свет настенных бра и люстры отливал золотом на шоколадном полу.

Она задержала дыхание и выдохнула весь негатив из легких. Иногда хорошо побыть в одиночестве. Моника наслаждалась ощущением, как алкоголь просачивается в кровь, даря отрешенность от работы. Такие дни, как сегодняшний, объявляли войну её позитивному мировоззрению. Никакая медитация не может справиться со страхом, с которым она столкнулась у Джосси. Джосси разбивала все попытки Моника вмешаться. А Моника позволяла ей это.

По позвоночнику пробежал холодок, когда она почувствовала чей-то взгляд. В застоявшемся воздухе помещения он ощущался как ветер, через кожу проникающий в её душу. Моника подняла взгляд от кубиков льда в бокале и встретила поразительными голубыми глазами.

Он был очень красив — широкоплечий парень с волнистыми белокурыми волосами. Его загорелая кожа сияла под светом ламп. Джинсы выглядели мягкими и поношенными. Он медленно и уверенно прошествовал к ней, садясь рядом на табурет.

— Привет, — сказала Моника.

— Привет. Похоже, тебе нужно ещё выпивки.

Его низкий голос вызывал дрожь внизу живота.

— Я обычно не беру ничего от незнакомцев.

— Меня зовут Робин Нетли. Но друзья зовут меня Роб.

— Моника.

— Отлично, дорогая. Мы больше не незнакомцы.

Моника улыбнулась и покачала головой. Его обаятельное представление и тягучий южный акцент подействовали на неё, как на впервые влюбившуюся неопытную школьницу. Дальше последовал легкий и ненавязчивый разговор о спорте, переезде Роба в большой город, но не о работе. Беседа была как глоток свежего воздуха.

— Повторим, — предложил Роб.

Это было что-то типа игры Моника, чтобы убедиться, что он её слушал. Она встречала огромное количество мужчин с безупречной улыбкой, которые просто кивали в ответ на её непрерывную болтовню. Но ни один из них в действительности не слушал её. И после некоего объема информации она требовала повторения. Проверка на внимание и трезвость. И Роб каждый раз справлялся и даже предложил ей самой пройти этот тест.

— Итак, вы не знаете, кто такой Майкл Корс, никогда не слышали о секстинге и ваш любимый фильм — Побег. Но не ремейк, а 1972 года со Стивеном МакКвином.

— А вы внимательная.

— Конечно. Я ведь женщина. Мы умеем делать много дел одновременно. Я, наверное, даже лучше многих. Это стоило бы поместить в мою должностную инструкцию. Теперь ваша очередь.

— Ну, что ж. Вы никогда не были в Миссисипи, — заговорил он, хмурясь и положив руку на грудь, будто это ранит его в самое сердце. — Вы любите запах лака для ногтей, ваша мама бухгалтер и вы любите гулять на набережной во время заката.

— Всё верно, — улыбнулась Моника, используя свой лучший южный акцент.

— О боже, мадам, как хорошо, что вы красивы, потому что ваш акцент просто ужасен.

— Что? Этого не может быть. Я смотрела «Унесенных ветром», по крайней мере, сто раз.

— Тогда, я думаю, вся армия конфедератов только что перевернулась в могилах.

Моника рассмеялась, перед тем как опустошить очередной бокал. Прекрасное ощущение — быть в центре внимания такого красивого мужчины, ей очень повезло. Она флиртowała, пуская в ход все свои возможности, касаясь его предплечья и осторожно поправляя декольте. Она давно не была на свиданиях после неудачных встреч в прошлом году. Но она чувствовала, что этот человек стоит того, чтоб нарушить свои правила.

Вскоре он извинился и отлучился на несколько минут. Она тем временем вытащила зеркальце и внимательно посмотрела на себя. На нее смотрели уставшие глаза, и она всеми силами постаралась поправить макияж.

— Не хочешь уйти отсюда, дорогая? — раздался тихий голос возле её уха, когда его руки оказались на её бедрах.

Она чувствовала его присутствие за своей спиной, его теплое дыхание на своей шее, мягкое поглаживание пальцев.

Без единого слова она кивнула и просигналила бармену, чтобы тот принес счёт. В полной тишине они сели в машину, но это была комфортная тишина. В её скромной, но безупречно оформленной квартире, они обсудили её желание изменить мир и его желание

его разрушить.

Моника восторгалась его рискованностью отношением к жизни и протяжным произношением. После часов разговоров они целовались, тесно переплетаясь телами, так что даже не хватало воздуха. Когда утром солнечные лучи пробились сквозь шторы, Моника Темплтон влюбилась. Она не знала, что это может быть так легко.

На другом конце города Тристан вырвался из плена сна. Он перевернулся на бок и ощутил книгу под своей спиной. Он потянулся, вытащил её и отметил страницу. Интересно, могли ли острые диалоги и методичный сюжет вызвать фантастические сны о сексуальных намеках и прелюдии с Джосси в шикарном лимузине. Тристан спокойно мог представить, как она оседлала его колена и положила руки ему на макушку. Мягкий свет освещает её лицо, а тёмные окна загораживают от всего остального мира. Он даже мог слышать её голос, воспевающий его имя от удовольствия. Тристан застонал от воспоминаний и проигнорировал свой утренний стояк

Сегодня он работал в первую смену, так что он скоро её увидит. Он запустил пальцы в волосы, дурацкая привычка, появившаяся несколько лет назад, вот только волос у него сейчас не было. Пару недель назад ему захотелось перемен, и он побрился наголо. Легкая голова, но зато не осталось способа снять стресс. Его рука прошла по пушке, но это не давало нужного эффекта.

В теории, это преобразование должно было сделать его неузнаваемым для бывших деловых партнеров. Эти люди оказались испорчены Фионой и манипуляциями её отца, не говоря уже о том, что знали все его секреты. Когда Тристан решил отойти от дел, он думал, что они придут за ним, но, видимо, переоценил свою ценность. Однако продолжал спать с куском холодной стали под подушкой.

Ухмыляясь в потолок, Тристан размышлял, как бы отреагировал его напыщенный отец на чёрный ствол, который не раз спасал ему жизнь. Он представил себе, как заворачивает в семейное поместье на Импале 1967 года, уничтожая аккуратные кусты. Выставив напоказ свою татуированную кожу, он бы попёр напролом, чтобы воссоединиться с семьёй. Его бедную покладистую мать точно хватил бы удар, а отец вызвал бы полицию до того, как признал бы в нём сына. Тристан рассмеялся над нелепостью ситуации.

Иногда он скучал по ним. Он скучал по маминым объятиям и по тому, как она распевала церковные песни, пока готовила ужин. Хотя он всё прочитал, но всё равно скучал по библиотеке отца и по их послеполуденному «мужскому времени», которое они проводили за рыбалкой или просмотром футбола. Кантри-певец Кинки Фридман говорил: «Счастлирое детство — худшая подготовка к жизни». Сейчас Тристан был согласен с этим утверждением. Он не был готов ни к чему подобному.

Его вновь охватило беспокойство за Джосси. Его сердце колотилось от желания увидеть её, прикоснуться к ней. От жажды движения, деятельности, Тристан вскочил с кровати. Он натянул шорты и футболку, стараясь не встретить в зеркале свою рожу. Зашнуровал кроссовки и потянулся перед выходом на улицу. Утро на побережье Калифорнии так отличалось от утра дома. Воздух был прохладный и освежающий. Он услышал отзвук своих шагов: слева, справа, слева, справа. Он выбросил все мысли из головы и быстро побежал, штурмуя каждый холм, пока его легкие не завопили от недостатка кислорода.

Его взгляд выхватывал каждое граффити. Каждая красочная картина, каждая

неразборчивая строка напоминала о ней. Интересно, какая из них нарисована Джосси? Когда он вернулся к себе в район, то чувствовал себя изможденным и опустошенным.

Мимо прошла молодая пара. Они держались за руки и раскачивали их, как будто никакая сила не могла уничтожить их любовь. Они не обратили никакого внимания на запыхавшегося и отдувающегося Тристана.

Легко было представить себе другую жизнь, вообразить альтернативную вселенную. К этому моменту он бы уже закончил колледж и поступил на юридический. И семья гордилась бы им.

Его родители всегда одобряли мечты. Долгое время Тристан мечтал о МакКензи. Каждый раз, когда он представлял себе светлое сияющее будущее, она была рядом с ним.

Тристан всегда был способным учеником, примером для других. Он подучил ленту научной ярмарки, академические награды и стипендии в престижные вузы страны. Он никому не рассказывал о своих достижениях, ни завистливым одноклассникам, ни обожающим учителям, тайно обсуждающим его успехи. Это был его туз в рукаве, гарантия будущего. Но когда пришло время обналичить фишки, он сбросил их все ради любви девушки. Возможно, если бы МакКензи не оставила его тогда в окружении печали и боли, он никогда бы не познакомился с Фионой Молони. И не оказался бы втянут в жизнь Фионы и её нечестивой семьи. Он бы не стал тенью себя прежнего.

Пусть его и ввели в заблуждение, все неудачные решения он принимал самостоятельно. Он не обвинял МакКензи или её отца. Сейчас он понимал то, чего не мог понять ребёнком. Отец МакКензи просто хотел лучшего будущего для своей девочки. Он тяжело переживал потерю жены, и ему нужно было дистанцироваться от всего знакомого. Он обрёл их в попытке спасти.

Тристан поднялся в квартиру, перешагивая через ступеньки. Он подумывал о холодном душе, после которого хотел завалиться в постель и грезить о Джосси. Но возможность увидеть её во плоти хорошо мотивировала. Так что он сегодня будет на месте за полчаса до начала своей смены.

Джосси направилась в «Тёмную комнату», зная, что Тристан работает уже пару часов. Она шла по тротуару, оглядывая других прохожих. Она спускалась с холма, наблюдая, как солнце исчезает в заливе. Оранжевые блики выглядели как пламя на глади воды. Скоро настанет ночь, и фиолетово-синее небо надёжно укроет её. Джосси повернула за угол и вздохнула от увиденной картины.

Тристан опирался на стену, куря сигарету, будто это последняя перед казнью. Он прищурил глаза при вдохе, а длинными пальцами свободной руки отбивал ритм на бедре. Закончив, он бросил сигарету на дорогу, та покатила под уклон и скрылась из виду. Джосси подошла ближе, привлекая его внимание.

Его губы изогнулись в подобии улыбки, когда он увидел её. Каждый изгиб её тела манил его, его тянуло к ней каждой клеточкой тела. Без свободной толстовки она прекрасно выглядела, он мгновенно почувствовал знакомый зуд похоти.

Молча Джосси приблизилась к нему, схватила за руку и потащила за собой. Она не испугалась выражения изумления на его лице. Они нырнули в переулок, и она толкнула его к стене. Её маленькие неистовые руки пробежались от пряжки его ремня до жестких мышц его груди, пока не обхватили за шею. Его глаза метались между её декольте и ртом, пока он

боролся с соблазном ответить на её прикосновения.

Став на носочки, она оказалась чуть ниже его, благодаря каблукам легко могла до него дотянуться. Их прерывистые вдохи окатывали друг друга теплом, создавая почти видимую глазом жажду меж их телами. Обычно Джосси брала то, что хотела, без извинений, но в случае с Тристаном всё было по-другому. Больше, чем она хотела его, она хотела, чтобы он хотел её. Джосси замерла вне зоны досягаемости, чтобы убедиться, что он не отвергнет её. Она не поняла, уступил ли он или сдался, но приблизилась, когда его закрытые глаза затрепетали.

Джосси обрушилась на его рот, захватывая в плен его сладкую нижнюю губу. Он застонал, распаяя зарождающееся желание.

Не в силах больше сопротивляться, Тристан притянул её вплотную к своему телу. Она как идеально собранный пазл соответствовала ему, так что всё было правильно. Переплетение рук и губ, танец похоти и требовательных поцелуев. Они воссоединились, как после чистилища, хотя бы на короткий миг.

Тристан неохотно разорвал их губы. Джосси попыталась продолжить, но почувствовала сопротивление с его стороны.

— Что не так? — раздраженно спросила она.

— Я оплакал тебя, — произнес он.

— Но я не умерла.

— Сперва я не верил, что ты мертва. Я упросил маму взять меня в Нью-Йорк, чтобы найти тебя там. Ну, пока я не узнал, что там восемь миллионов человек.

— Ты был ребенком.

Тристан покачал головой.

— Я ненавижу твоего отца. Он забрал тебя у меня только из-за лучшей работы. Теперь я не знаю, было ли это истинной причиной твоего отъезда, не были ли чего другого. Ты разбила мне сердце, МакКензи, и теперь ты здесь. Это за гранью.

Она не стала исправлять её имя. Вместо этого Джосси молчала, пытаясь осознать смысл сказанного. Это она за гранью? Она ни для кого не была за гранью. Её даже никогда не бывало достаточно.

— Я полюбил тебя, с тех пор как увидел, — прошептал он, целуя её шею. — Нам было по семь. Твои волосы были заплетены в косы. Ты была новенькой в нашей школе, и тебе негде было сесть в столовой. Тогда ты подошла ко мне и предложила свой пудинг, чтобы я разрешил сесть рядом.

Джосси моргнула и попыталась представить эту картину. Она никогда не пыталась вернуть воспоминания, чтобы не возвращаться в темное прошлое. Теперь она понимала, что прошлое — это не только боль, и хотела вернуть воспоминания.

— Ты разрешил мне сесть? — спросила она.

— Чёрт возьми, да. Это был шоколадный пудинг.

Он улыбнулся ей, и его зеленые глаза засияли, пока он пытался передать ей свои воспоминания. Она хотела вернуть ему улыбку, но опомнилась. Этот парень вообще реален?

— Нельзя любить в семь лет, — заявила она, убирая руки с его тела и отступая на шаг.

— Магия первой любви в том, что ты веришь, что она никогда не закончится, — процитировал Тристан. — Я никогда не сомневался в своих чувствах к тебе. Это была не щенячья привязанность и не подростковая влюбленность, это были настоящие чувства. Ты тоже любила меня, Мак.

— Меня зовут Джосси.

Она отошла еще на шаг, испугавшись внезапной смены темы. Джосси скрестила руки на груди и посмотрела на него. Похоть, жажда, боль, обида, страх — это было ей знакомо. Но не любовь. Она ничего не знала о любви.

Тристан нежно любил всего двух людей за свои двадцать два года. И обе разбивали ему сердце, каждая по-своему. МакКензи подарила ему невинность первых отношений, с ней у него было многое впервые. Их отношения были веселые и захватывающие, выросшие из крепкой дружбы. Когда она ушла, он потерял больше, чем девушку. Фиона уничтожила его суть, подорвала доверие к миру и разрушила его будущее. Теперь он стал осторожным, держался в отдалении. И всё-таки он признался в своей любви, что удивляло даже его.

Джосси думала о том, насколько противоречивым оказался Тристан. Внешне он казался сделанным из стали, готовым к уничтожению врагов, но внутри жила честная и добрая душа. Джосси крепче сжала руки. Сможет ли он спасти её? Хочет ли она, чтобы он спас её?

— Я не МакКензи. МакКензи мертва.

Она должна была провести эту границу. Она чувствовала его озадаченность, его обожание к той, кем она была раньше. Когда-то он принадлежал МакКензи. Джосси же его не заслуживает.

Тристан сделал шаг по направлению к ней, осторожно сокращая дистанцию. Он чувствовал предупреждение в её словах. Он понимал значение её жеста — обернутых вокруг тела рук, пальцев, вжавшихся в ребра.

— Но Джосси не умерла, — он говорил мягко, положив свою большую ладонь на левую сторону её груди. — Каждую секунду твои сердечные клапаны работают, заставляя его биться. Бум. Бум. — Он сделал паузу. — Бум. Бум. Ты можешь это услышать, ты можешь это почувствовать. Ты ещё жива.

Джосси глубоко вдохнула. В голове поднялся туман от его слов. Она смотрела куда угодно, только не ему в глаза. Она знала, что его сочувствующий взгляд разрушит всю её броню. Но после нескольких молчаливых вздохов, она всё же заглянула в его глаза.

Синий неоновый свет из бара отражался на его лице. На его покрытой татуировками коже вспыхивали сапфиры каждые пару секунд, превращая его то в святого, то в грешника. Прекрасный незнакомец, взрывающий её мир.

— Я так не могу, — сказала она твердо, отступая так, что его рука больше её не касалась. — Моё прошлое уже не моё. Я не хочу его знать.

— Неправда, — возразил он. — Ты искала меня, Джосси. Ты меня нашла. Ты шла за мной и наблюдала. Тебя тянет ко мне, а меня к тебе. Поэтому мы здесь.

Она моргнула, чувствуя, что это правда.

— Нет, я здесь, потому что хочу трахнуть тебя.

Тристан почувствовал всю тяжесть её заявления у себя в груди. Если бы он был слабым мужчиной, она сокрушила бы его этими словами. Но он признал оборонительный маневр.

Он молчал, когда она покидала его, оставив наедине со своими мыслями, валяющимися окурками и отголоском своих шагов.

Джосси закрыла маркер и, наклонившись, подула на рисунок. Она наблюдала за тем, как чернила впитываются в деревянную стену, становясь матовыми. Это уже давало какой-то смысл жизни. В противоположность ей самой, бессмертие и постоянство.

Она допила свой бокал, ожидая, пока алкоголь принесёт желаемое ощущение. Было ошибкой решение остаться сегодня вечером трезвой. Она делала это для Тристана, чтобы доказать ему и себе, что она может. Но сейчас ей нужно было избавиться от боли.

— Привет, я могу купить тебе выпивку? — спросил мужчина из-за соседнего столика.

Джосси посмотрела на него и улыбнулась. Вполне привлекательный, средних лет, женат. Полоска на левой руке служила неопровержимой уликой. Но ей всё равно. Сегодня ему повезло, в его пользу отсутствие татуировок и зелёных глаз.

— О да, можно, — ответила Джосси, помахав ему.

— Ты здесь одна? — спросил он, подсаживаясь к ней.

Она почти закатила глаза в ответ на банальнейшее знакомство. Парень явно долго был вне игры.

— Уже нет.

Подали напиток, и Джосси опустошила следующий бокал одним махом. Обжигающие пары алкоголя разожгли в ней яростное желание навсегда стереть Тристана из её жизни.

— Итак, что ты делаешь по жизни? — поинтересовался он.

— Послушайте. Это не интервью. Меня зовут Джосси. Ты хочешь увидеть меня голой или нет?

Спустя несколько минут вернувшаяся официантка обнаружила два пустующих стула.

— Ты имеешь в виду, что не хочешь больше его видеть? — завопил Алекс на три октавы выше, чем обычно.

Он бросил ей пакет с гамбургерами и картошкой фри и сел на край дивана.

— Джо, он знал тебя в Новом Орлеане, значит, он знал и твою семью. Необязательно становиться лучшими друзьями, но ты можешь получить от него информацию. А потом пошлешь его к чертям.

Алекс понимал, что ему нужно будет уговаривать её с осторожностью. Он не понимал её готовность избавиться от человека, у которого были ответы на её вопросы.

— Пусть прошлое остается в прошлом, Алекс.

Джосси вытащила жирную пищу из упаковки и начала есть. Она хотела избежать этой беседы, но у Алекса была невероятная способность вытаскивать из неё информацию.

— Это бред, и ты это знаешь.

— Ты что, помнишь всё из своего прошлого? — спросила она.

— О да, всё.

— И о скольких событиях ты не хочешь знать?

Он пожал плечами, не желая признавать правдивость её слов.

— Я всё же хочу выяснить, что он знает, — подытожил Алекс.

— Знаешь, что происходит с любопытными людьми?

Джосси усмехнулась, понимая, что одержала верх. Он покачал головой и направился к двери.

— Ты не кошка, ты упрямый осел, — от досады вырвалось у него.

Она почувствовала себя легче, когда Алекс ушел, не нужно было больше притворяться. Джосси хотела поверить в собственную ложь. Она хотела владеть собой и укрепить свою решимость. Но положила руку на сердце, не знала, насколько хватит её решимости держаться подальше от Тристана.

Глава 6

Гравитация

Сила притяжения, управляющая движением небесных тел

С тех пор как Джосси ушла, Тристан чувствовал, что острая боль в груди снова дала о себя знать. По сравнению с тем разом, когда он потерял её впервые, сейчас это ощущалось глубже и мучительней. На этот раз он знал, что это её выбор. Он не верил в Бога, так что для него не существовало высшей силы, к которой можно было бы обратиться. Тем не менее, большинство ночей он провёл в пустой комнате, молясь о возвращении Джосси. Всё это время Тристан мало ел, по своему опыту он знал, что это может притупить боль. И он не употреблял алкоголь, с которым постоянно приходилось иметь дело в баре. На протяжении шестнадцати дней Тристан жил на обедах, купленных на бензозаправке, и сигаретах Мальборо.

Сейчас он стоял за знакомой барной стойкой и готовил напитки, не обращая внимания более ни на что. Эрин до сих пор натаскивала новую сотрудницу Бренди, и поэтому не имела возможности занимать его своей болтовнёй. Тристан был этому рад.

Последние два дня Бренди то и дело флиртowała с ним, что уже порядком его раздражало. Ли как-то рассказал ему, что эта девчонка отлично делает минет, и Тристан даже подумывал о том, чтобы убедиться в этом на собственном опыте, для того чтобы как-то снять напряжение. Она была привлекательной, но её красота оказалась изрядно подпорчена её личностью. Однако всё это перестало иметь для него хоть какое-то значение, с тех пор как он понял, что душой и телом нуждается только в Джосси.

Когда смена Бренди закончилась, она как обычно под села к барной стойке с дежурной улыбкой.

— Я хотела бы Маргариту, без соли, — она сделала заказ, положив свою руку на руку Тристана на барной стойке.

Её взгляд буквально вторгнулся в его личное пространство, в то время как он двигался, смешивал ингредиенты, встряхивал шейкер, чтобы наполнить бокал со льдом приготовленным коктейлем. Она, казалось, была заморожена тем, как яркие изображения на татуировках изгибаются и натягиваются на мышцах его предплечий. Тристан небрежно поставил перед ней коктейль. Пригубив, она облизнула губы, что-то промурлыкав в одобрение.

На протяжении всего вечера он готовил ей коктейли, а она продолжала нахально флиртовать с ним. Ему пришлось вспомнить все вложенные в него хорошие манеры, чтобы не потерять в один момент своё хладнокровие. Каждый взмах её ресниц, её чересчур восторженный смех, всё это с каждой минутой ещё сильнее приводило Тристана в бешенство. Он старался контролировать свой гнев; в конце концов, это не её вина, что она не Джосси. Когда наконец-то появилась возможность для перекура, Тристан поспешил выйти из бара в тень переулка. Он закурил сигарету и пнул выпавший из основания стены кирпич.

— Я поинтересовалась, куда ты ушёл, — как будто возникнув из ниоткуда, сказала Бренди.

Ещё две пуговицы на её рубашке оказались расстёгнутыми, и она шла к нему, нарочито сильно покачивая бёдрами. Ей понадобилась буквально секунда, чтобы прижать своё маленькой пьяное тело к нему, обняв его за талию.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Тристан старался звучать непринуждённо, но его интонация получилась излишне напряжённой. Она ошибочно восприняла это как взаимный интерес с его стороны.

— Я хочу это, — сказала она, усмехнувшись ему и обхватив ладонью его член.

Оттолкнув её, Тристан отскочил как можно дальше от девушки.

— *бать тебя, Брендди! — прокричал он недовольно.

— Именно так, — ответила Брендди.

— Ты красивая девушка, но в этом смысле ты меня совершенно не интересуешь.

Тристан пробежался руками по своей практически несуществующей шевелюре и рванул обратно в бар. Он сообщил Ли, что сегодня закончит смену пораньше. Он мог думать только об одном месте в этом городе. Он не мог больше с этим бороться.

В теории шестнадцать дней это не так уж и много. Если сравнивать со временем существования человечества, это, считай, ничто. Тем не менее, в эти шестнадцать дней Джосси пришлось выдержать серьёзнейшее испытание её силы воли.

Прошло чуть более двух недель с тех пор, как она видела Тристана в последний раз, а ей казалось, что что-то внутри неё умерло. Тот огонёк, который он зажжёт, искра надежды, исходившая из самой её души, практически погасла. Она не могла вернуться к своей прежней жизни, к жизни до его появления, потому что сейчас она знала, что он находится здесь, её буквально манило к нему.

Она ненавидела отказы. И чтобы избавиться от этого чувства, она нашла мужчину, с которым можно было просто трахнуть, не включая в данный процесс эмоции. Когда это не сработало, всё стало только хуже. По ночам она украдкой бродила по улицам города в поисках белых стен, которые можно было бы разрисовать. Когда она находила такие места, она рисовала, а потом садилась и рассматривала получившееся. Аккуратно написанные буквы синего и оранжевого цвета формировали слова, характеризующие её. Одинокая. Хочу. Нуждаюсь. И хотя казалось, что каждое отдельное слово заявляло о чём-то своём, вместе они образовывали нечто большее.

В остальное время Джосси нарезала круги по своей квартире. Как животному в клетке, ей хотелось кидаться с зубами и когтями на эти стены, что держали её пленницей. И хотя она сама инициировала своё заточение, Джосси знала, что, выйди она наружу, она может не удержаться от соблазна. Она больше не посещала «Тёмную Комнату», место, где она не чувствовала себя такой одинокой, благодаря пьяным незнакомцам и уже знакомому персоналу.

Из своих прежних воспоминаний она знала, как может страшить неизвестность. Из-за её амнезии каждый человек был для неё незнакомцем. Она помнила, как в полиции ей сказали, что её отец мёртв. Она помнила, как эта новость ударила по ней, но не потому что она горевала по нему, а потому что не могла вспомнить ни его лица, ни его голоса. Полицейские не дали ей никакой информации, ни о её матери, ни о других членах семьи, только смутный отчёт о том, кто она и куда направлялась. Она чувствовала себя обманутой из-за того, что ей не позволили забрать личные вещи из их квартиры, так как все они являлись уликами. Без каких-либо подсказок из прошлой жизни ей пришлось дальше двигаться вслепую.

Казалось, что она прожила уже три жизни. Джосси ощущала себя старой, поведавшей многое, закалённым ветераном, у которого каким-то чудом получилось выжить. Она больше

не была той маленькой наивной девочкой, найденной в метро. Она стала подозрительной, не доверяющей людским намерениям. Её эмоции были отделены от сердца, предоставившего измученному разуму принимать все решения.

Прошедшие шестнадцать дней доказали ей, какой же трусихой она была. Джосси не желала открыто признать, что она нуждалась в ком-то или в чём-то. Те наркотики, что она принимала, не помогали и оставляли её ещё в более болезненном состоянии. Она выбросила всё, что у неё осталось, чтобы купить ещё на следующий же день. Но даже не притронулась к ним. Нетронутый пластиковый пакет с наркотой был запрятан в тумбочку, предназначенную для кухонной утвари. Знание о их местонахождении придавало ей сил, чтобы справляться со всем тем, что на неё навалилось.

Она не могла понять, почему присутствие Тристана делает её такой уязвимой, его прикосновения буквально воспламеняли её, казалось, что Земля сошла со своей оси для того, чтобы свести их вновь. Она чувствовала себя ослабленной незнакомой ей прежде сердечной болью, порождённой желанием быть с ним. Лёжа на полу, Джосси прижала щеку к доскам, пока её рука бездумно делала набросок. Она не знала, который сейчас час или какой сегодня день, она знала только то, что слишком много закатов прошло с тех пор, как она в последний раз видела его лицо. Она закрыла глаза и представила, как пробегается кончиками пальцев по его голове сквозь короткие волосы. Джосси просто знала, что это ощущение будет похоже на то, как будто трогаешь мягкую шёрстку вельветовой игрушки. Мысленно она могла восстановить каждую линию татуировок на его коже, она помнила изгибы каждого рисунка и их суть. Она представляла, как проводит языком по щетине, покрывающей его челюсть, и, в конце концов, прикусывает кожу, чтобы лучше ощутить её вкус. Что ещё более любопытно, она представляла себя в его объятьях, без какого-либо сексуального подтекста, а он нашептывал ей секреты из их совместного прошлого.

Совсем отчаявшись, Джосси заставила себя подняться с пола и медленно направилась в ванну. Она приняла душ, оделась и стала ожидать появления Алекса. Пока она сидела и вглядывалась в лист бумаги, её нога нервно покачивалась. Она посмотрела в сторону кухонной тумбочки, в которой находилось средство для побега от реальности, но вернула своё внимание к наброску, решив, что справится с этим сама.

Она почти проигнорировала стук в дверь. Её позабавила сама идея выяснения отношений с Алексом впоследствии. После того как стук не прекратился, она решила, что лучше его всё-таки впустить, прежде чем он выломает дверь. На пороге Джосси увидела Тристана, его кулак был поднят для очередного стука. Из неё вырвался жалобный стон, карандаш с шумом упал на пол. Она почувствовала облегчение и желание приклеить себя к нему и никогда не отпускать.

— Джосси, пожалуйста, — прошептал он, его голос был хриплым и невнятным.

Он сам не был уверен, о чём её просит. Он только знал, что, что бы это ни было, это связано с ней. Соглашаясь, она взяла его за руку и затащила в квартиру, закрыв за ним дверь. Молча, с благоговением, она посадила его на диван и заползла к нему на колени. Руки Тристана обвили её и прижали к себе как можно крепче, превращая двух людей в единое целое. Она уткнулась ему в плечо. Никогда она ещё не ощущала себя настолько в безопасности.

Тристан просто держал Джосси в объятьях в тишине её квартиры. Он окружил её собой, создал щит между злом окружающего мира и этой красивой израненной девочкой. Он сконцентрировался на голой коже её рук под кончиками его пальцев, глубоко дышал, чтобы

только вдохнуть её запах. Он много раз представлял, как это будет, но воображение не шло ни в какое сравнение с реальностью. Эта девочка завладела им, не приложив к этому никаких усилий, не создавая для этого особых условий.

Уже после полуночи Алекс увидел их, сплетёнными друг с другом, в углу дивана. И даже во сне, их пальцы собственнически врезались в плоть друг друга. Перед тем как зайти, Алекс разозлился, что входная дверь опять не была закрыта на замок, и он уже собирался отругать Джосси, как забывчивого ребёнка, но когда заметил их, то всё понял.

Алекс никогда не видел её настолько умиротворённой, свободной от темноты, которая постоянно преследовала её. Он не нуждался в представлении, чтобы понять, что этот мужчина и есть Тристан. Он не знал, есть ли ещё на свете человек, который бы мог подобным образом вторгнуться в жизненное пространство Джосси. Алекс оставил пиццу на столе и вышел, закрыв на замок дверь за собой.

Подойдя к своей квартире, он пнул сидевшего там безмозглого кота миссис Томсон. Алекс чувствовал грусть и ничего не мог с этим поделать. Он боялся, что Джосси не будет в нём больше нуждаться, так как теперь у неё есть Тристан. Он выполнил своё дело и теперь может быть выброшен, как один из её скомканных неудавшихся рисунков. Может быть, в один прекрасный день, и его кто-то заметит, сгладит все его недостатки и останется с ним при любых обстоятельствах.

Тристан проснулся рано утром, его руки и ноги болели из-за неудобной позы, в которой он спал несколько часов. Он взглянул на спящую Джосси, её лицо напомнило ему юное невинное личико МакКензи. Сейчас было легче уловить сходство, так как спящая, она казалась такой уязвимой. Ему нужно было посетить ванную комнату, и он аккуратно переложил Джосси на диван, оставляя её досыпать.

Он вытянул руки высоко над головой, сгибая и разгибая их, чтобы восстановить циркуляцию крови. Это взбодрило его. Он умылся. Вода собралась на его лице сверкающими каплями. Они цеплялись за его ресницы, склеивая их между собой, и стекали с щетины на его подбородке, смывая с него всё неприятное, что произошло до прошлого вечера. Круги под его глазами уже не были такими темными. Он выглядел посвежевшим и чувствовал себя дураком из-за того, что так долго оттягивал встречу с Джосси. Держа её в своих руках, он спал так крепко, как не спал уже очень давно. Они оба выкинули белый флаг и сдались той силе, которая тянула их друг к другу.

С ними так было всегда. Даже в начальной школе. Когда они ссорились из-за какой-нибудь глупости, они угрожали друг другу, что больше никогда не будут друзьями. Уже на перемене они встречались под конструкцией для лазанья на детской площадке и шептались друг другу извинения. МакКензи всегда была упрямее Тристана, но в итоге неизменно возвращалась к нему.

Тристан вытер лицо подолом своей футболки. Он поискал не распакованную зубную щётку, но нашёл только тампоны, угольные карандаши и маркеры в её аптечке. Он выдавил пасту на палец и почистил зубы так хорошо, как только смог.

Кроме ванной, в квартире была ещё одна комната за закрытой дверью. Тристан зашёл в неё, даже не предполагая, что там найдёт. В комнате было слишком темно, чтобы хоть что-то увидеть, но его глаза быстро приспособились благодаря бледному свету, проникавшему через шторы. В дальнем углу комнаты на полу лежал матрас. На нем не было ни постельного

белья, ни подушек. По всей комнате валялись баллончики с краской, они перемежались с альбомами для рисования и небольшим количеством одежды. Он подошёл к окну, раздвинул шторы, впуская в комнату дневной свет. Тристан задержал дыхание. Каждый дюйм стены, от пола до потолка, был покрыт набросками, сделанными карандашом и углём. Он повернулся, осмотрел оставшуюся часть комнаты и увидел, что она была разукрашена точно также.

— Мать моя женщина! — прошептал Тристан.

Знакомое лицо заставило его подойти ближе к стене, для того чтобы рассмотреть внимательней. Мальчик одиннадцати-двенадцати лет смотрел на него с изображения на стене, один из уголков его рта был слегка приподнят в улыбке. Тристан проследил указательным пальцем линии этого детского личика с кривоватой ухмылкой.

— Тристан? — он услышал голос Джосси. Тристан обернулся и увидел её. Она стояла, скрестив руки на груди, облокотившись на дверной косяк. — Что ты здесь делаешь?

— Просто смотрю, — ответил он.

— Это личное.

Он кивнул, покинул комнату молча, ожидая, что, может быть, Джосси захочет ему что-нибудь рассказать. Она не захотела.

— Это ты нарисовала?

Джосси кивнула.

— Ты ведь не знаешь, кто все эти люди, так ведь? — спросил он.

Её сердитый настрой постепенно рассеивался, пока она отходила от комнаты шаг за шагом. Она старалась не встречаться с ним взглядом.

— Нет, но они мне снятся. Я больше ничего не вижу во сне. Только эти лица, — ответила она, обхватив ладонью свой лоб.

Тристан подошёл к ней, взял за руку и втащил обратно в комнату. Он поставил её перед собой, лицом к самой большой стене в комнате.

— Это — я, — сказал он, показав на лохматого мальчика. Джосси задохнулась, прикрыв рукой рот.

— То, как ты уловила, каждый нюанс — это удивительно. Ты даже не забыла про шрам на брови.

Тристан подошёл ближе к стене и подтянул Джосси к себе.

— А это твоя мама. Она всегда смеялась так же, как на этом рисунке. Этот человек над ней — это твой отец. Он был шефом полиции в Гретне.

Он взглянул на неё через её плечо и увидел, что её трясущиеся пальцы до сих пор закрывают рот, а другая рука обёрнута вокруг талии. Он обнял Джосси и крепче прижал к своей груди для поддержки. Даже несмотря на то, что у неё не было сознательных воспоминаний о её детстве, эти лица всегда были с ней. После минуты молчания, когда можно было услышать только её прерывистое дыхание, она, в конце концов, заговорила.

— Она была красивой, — сказала Джосси, дотрагиваясь пальцами до портрета своей матери.

— Да, она была красивой.

— Я не могу поверить, что у моего отца была такая борода, — сказала она наконец с улыбкой, продолжая вглядываться в рисунки. — Я похожа на него.

Тристан обнял её крепче в подтверждение. Джосси подошла ближе к изображению Тристана, внимательно рассматривая линии подбородка и ширину его улыбки.

— Я должна была увидеть это раньше. Твоя улыбка совсем не изменилась, —

прошептала она.

Тристан поцеловал её в шею, и она удовлетворённо вздохнула. Она повернулась в его объятьях и поцеловала его в ответ. У неё не было слов, чтобы отблагодарить его, и она сделала то, что получалось у неё лучше всего, выразив все свои чувства в этом поцелуе.

Они оба никогда не чувствовали ничего подобного и знали, что такое вряд ли произойдёт с ними снова. Когда интенсивность эмоций стала неодолимой, они оторвались друг от друга.

— Расскажи мне про остальных, — попросила она.

Тристан согласился и подвёл её обратно к стене.

Час спустя, после того, как каждое изображение было идентифицировано, они вышли из комнаты. Джосси чувствовала облегчение, как будто тяжкий груз свалился с её плеч. Эти лица преследовали её так долго, что это уже начало сильно расстраивать её. Но теперь она не возражала. Сейчас она знала, что эти люди были самыми важными в её жизни. Они были теми, кто любил, воспитывал её и, как было в случае с Тристаном, горевал о ней. Она всегда ставила себя в позицию «Джосси против всего мира», но в реальности оказалось, что она никогда не была одна.

Они остановились рядом с остывшей пиццей и наелись досыта. Джосси потянула Тристана назад на диван, где подтянула свои колени к груди, а ступни спрятала под его бедро.

— Знаешь, это впервые, — сказала Джосси.

— О чём ты?

— О том, чтобы кто-нибудь спал у меня и... — она замолчала, впервые стыдясь своего образа жизни, — в первый раз я проснулась с кем-то, с кем у меня не было секса.

— Знаешь, я где-то читал, что объятия даже более важны, чем секс. Объятия более интимны и приносят больше расслабления, а также способствуют формированию крепкой связи между людьми.

— Ха.

— Да, я тоже на это не купился, — улыбаясь, ответил Тристан.

— Ты знаешь, мы можем это изменить, — предложила она.

Она быстро и едва уловимо дотронулась до его бедра. Пробежавшись ногтями вверх по шву его молнии, Джосси была удовлетворена громким стоном Тристана, который вызвали её манипуляции.

— Джосси.

— Я хочу тебя, Тристан, — промурлыкала она.

Его рука легла поверх её руки, сжимая, когда она дотянулась до пряжки его ремня. Тристан сам не ожидал от себя такой сдержанности.

— Я тоже тебя хочу. Правда, хочу. Но этого не произойдёт, пока ты не будешь готова.

Джосси нахмурилась в ответ.

— Ох, я готова. Я всегда готова.

— В этом-то и проблема, — сказал он. — Я не позволю тебе использовать секс для того, чтобы отодвинуть на второй план то, что здесь на самом деле произошло.

— А что именно здесь произошло?

Тристан не ответил ей словами. Он просто улыбнулся и сплёл свои пальцы с её. Он чувствовал, что она ещё не готова к серьёзным признаниям или правде. Джосси высвободила свою руку и стала карябать свои пальцы около ногтей, пытаясь оттереть налёт, оставленный

углём. Она не обращала внимания на пятна краски, крапинками покрывавшие её ногти.

— Расскажи мне что-нибудь, о чём знала только я, — потребовала она.

Тристан абсолютно точно понял, что именно она имеет в виду. Он заглянул в её сияющие глаза и задумался. Воспоминания заполнили его разум, он быстро прокручивал их в голове и нашёл одно, идеальное для того, чтобы им поделиться.

— Однажды я не дал тебе утонуть.

— Что?

Её глаза расширились, хаотичным движением рук она попросила его продолжить рассказ.

— Мы были на озере за моим домом, гуляли по причалу, ты спотыкнулась и упала в воду. Наверно, ты ударилась головой или что-то вроде этого, потому что ты так и не вынырнула. Я запаниковал и спрыгнул в воду, как-то нашёл твою руку в воде. Было морозно, и я несколько минут старался изо всех сил, чтобы вытащить тебя. Ты не дышала. Тогда я начал делать тебе искусственное дыхание. После нескольких моих выдохов, ты начала давиться водой и отхаркивать её. Я отнёс тебя ко мне домой, дал свою одежду, а твою отнёс сушиться. Мы никогда никому об этом не рассказывали.

Джосси подвигала своими пальчиками на ногах под весом его ноги и улыбнулась.

— Откуда ты знал, как делать искусственное дыхание? — спросила она.

— Мой отец — врач. Доктору Даниелю Фоллбруку всегда нравилось красочно демонстрировать мне свои способности.

— Повезло мне, — сказала она.

— Повезло мне, — повторил он.

Тишина окутала их, пока они сидели в послесвечении воспоминаний о прошлых днях. Тристану нравилось, как тихо здесь было, ничто не могло отвлечь их друг от друга. Джосси вздохнула и посмотрела на настенные часы, она задумалась, как долго ещё Тристан пробудет с ней.

— Мы поссорились с тобой на следующий день, потому что ты считала, что искусственное дыхание стало твоим первым поцелуем, а я убеждал тебя, что это была медицинская процедура. — Тристан засмеялся, вспоминая это, — Ты была такой упрямой. Но я заставил тебя замолчать.

— Как?

— Я поцеловал тебя и сказал, что вот это твой первый поцелуй. Ты не стала возражать.

Джосси наклонила голову, румянец появился на её щеках в ответ на его озорную ухмылку. Тристан знал, как пробиться сквозь её непреклонность, как найти в ней, хотя бы на мгновение, ту юную девочку, которой она была когда-то.

Джосси кончиком пальца стала рисовать линию на его коже, начав от запястья, она повела её вверх по руке, пока изображение не исчезло под рукавом. Ей нравилось проследивать такие траектории на его коже, задумываясь о том, где она могла бы закончить. Она остановилась на «олдскульной» татуировке, изображающей паучьи паутины и неестественно яркие красные огни перед очертанием серой коры большого дуба.

— Расскажи мне про эту татуировку, — попросила она, показывая на рисунок на внутренней стороне его предплечья.

— Это дерево в саду позади моего дома, на котором мы с тобой практически жили. Это было место, где мы с тобой играли и тусовались. Мы залезали на него, чтобы шпионить за моими соседями или целоваться.

Кончики пальцев Джосси двигались по переплетающимся веткам, как будто она чувствовала шершавую кору под своими прикосновениями.

— Ты посвятил её нам, — сказала Джосси, показывая на татуировку.

— Я посвятил её тебе, — поправил её Тристан, представляя её смеющееся лицо, покрытое точками света и теней под ветками их дерева.

Она положила голову на свои колени. Джосси знала, что с Тристаном она вступает на неизвестную ей территорию. Она видела доброту в его глазах. Его самоотверженность заставляла Джосси сходить с ума от ощущения, что она недостойна его. И так легко было сейчас потерять себя в его воспоминаниях, укрывшись в этой квартире, как в коконе.

Глава 7

Затмение

Частичное или полное затемнение одного небесного тела другим

Роб припарковался и заглушил двигатель. Крайне редко ему удавалось найти место для парковки так близко к дому. Он забрал четыре пакета с продуктами и прошел полквартила до своей двери. Солнце светило, воздух был прохладным, с солёным привкусом. Когда в округе совсем тихо, отсюда даже можно услышать шум набегающих на берег волн. Ему нравилось жить рядом с пляжем.

— Хэй, друг. Как твои дела? — спросил один из его соседей.

Мужчина стоял в тени раскачивающейся под ветром пальмы. На нём были только плавательные шорты, обычная форма одежды для жителей пляжных районов. Соседи Роба были довольно приятными людьми — престарелые хиппи, зарабатывающие на жизнь настенной живописью и обучением туристов серфингу.

— Спасибо, всё хорошо, — ответил он.

Ему пришлось поставить пакеты на крыльцо, пока он пытался наощупь найти ключи от дома. Всё это время Роб ощущал на себе взгляд соседа.

— Продукты? — уточнил сосед, — Мужик, я такой голодный.

Роб кивнул в ответ и вставил ключ в замочную скважину. Он обдумывал варианты — отдать часть продуктов или пригласить соседа на обед? Ему пока не доводилось угощать закусками своих обкуренных соседей, может здесь есть что-то вроде местных правил и обычаев. Роб не знал. Зайдя внутрь, он порадовался, что со своей стороны ему больше не надо поддерживать этот неловкий разговор.

Совсем недавно приехав в этот город на Западном побережье, Роб Неттлес пока не чувствовал себя здесь как дома. Основной причиной этого переезда была работа, а именно продвижение на более высокооплачиваемую должность. И он не стал думать дважды, когда решил покинуть свой предыдущий дом.

Он поселился в небольшом пляжном районе недалеко от города и пытался ассимилироваться среди местных жителей. Местное сообщество состояло из людей свободных духом, поддерживающих только местный бизнес, благожелательно относящихся к большому количеству бродяг, населяющих этот район. За четыре недели пребывания здесь он стал заядлым любителем аутентичной мексиканской кухни и научился определять места, где можно найти хорошее импортное пиво. В этом выразилась вся степень его адаптации к здешней жизни.

На закате он обычно прогуливался по небольшому кварталу по направлению к пляжу. Он просто садился на песок и смотрел, как солнце скрывается за горизонтом, ему это

нравилось. Робу было интересно, вызывает ли это зрелище у людей, проживших здесь многие годы, те же чувства, что и у него. Он не мог себе представить, что это не так, лишь принять на веру. Сан-Диего казался ему живым, как будто этот процветающий мегаполис признал в нём своего человека и приютил его.

Он был в нескольких крупнейших городах Соединенных Штатов, но этот город отличался от всего, что он видел. Казалось, Тихий океан приносил в жизнь спокойствие, а город подпитывал энергией. Он чувствовал, что пройдет не так много времени, как он приживется здесь. С его попустительским отношением к жизни и убедительным обаянием, надо быть дураком, чтобы не прижиться.

Миссисипи, место, где он провел своё детство, казалось альтернативной вселенной по сравнению с белыми песчаными пляжами Калифорнии. В его родных местах угнетающая жара и высокая влажность буквально убивали любое желание совершать прогулки по берегу. Между тем, Сан-Диего всегда мог предложить прохладный ветерок и умеренную температуру. Здесь Роб поменял свои ботинки на шлёпанцы, шляпу на неряшливую стрижку, музыку в стиле блюграсс на регги. Но до сих пор, каждый день возвращаясь в пустой дом, он чувствовал, что пока не нашел способ приспособиться к жизни здесь.

Так было до тех пор, пока он не познакомился с женщиной по имени Моника Темплтон. Всего за несколько минут ей удалось перевернуть его мир, заставить отказаться от всех доводов рассудка. Он буквально снял свою оборону и впустил её внутрь. Он не предполагал, что такое может с ним произойти. Так не бывает в реальной жизни. Не настолько быстро.

Через двадцать четыре часа после их первой встречи, он понял, как сильно ошибался. Это случилось. И это случилось с ним.

С тех пор как Тристан провёл первую ночь на диване вместе с Джосси, он ещё ни разу не выходил за порог этой квартиры. Он позвонил на работу, сослался на семейные обстоятельства и остался у неё ещё на два дня. Они бездельничали, только разговаривали и спали, и иногда он рассматривал её рисунки, пока читал. Основную часть времени они проводили за разговорами о прошлом. Слишком долго эти воспоминания покоились на заднем плане его сознания. Это вдохновляло его на то, чтобы как можно красочней рассказать Джосси о тех счастливых моментах, он практически разыгрывал перед ней целый спектакль.

Тристан опустил поднос на стол в кафетерии и занял своё место. Зачерпнул ложкой чили из тарелки.

— Где Мак? — спросил он.

— Она ушла через два часа после начала занятий, — ответил Коэн.

— Почему? Что случилось?

— Я не знаю. Эйприл рассказала про это Райану, а он мне. Эйприл была на том уроке с ней.

Тристан отодвинул свой обед и начал осматривать ряды столов в поисках Эйприл Ландри. Эта девчонка, наверно, была главной сплетницей на Юге, и если кто и мог знать все детали, то только она. Заметив её через три стола от себя, он покинул своих друзей.

— Почему Мак ушла? — выпалил он, прервав ведущуюся за столом беседу.

— Кто? — спросила она.

— МакКензи!

— Ах, она, — Эйприл закатила глаза. — Я не знаю. В одну минуту она была ещё здесь, в другую смотрю, а её уже нет.

Вторая половина дня стала для него настоящей пыткой. Тристан представлял себе всевозможные сценарии того, что могло произойти, и каждый последующий был страшнее предыдущего. К тому моменту, как прозвенел последний звонок, он смог убедить себя в том, что МакКензи сильно ранена и беспомощная лежит сейчас в Благотворительном Госпитале.

Как только прозвенел звонок, он побежал напрямик к дому Джосси, поднялся по ступенькам и практически свалился без дыхания на её крыльце. Он стучал, кричал, просил Эрла ответить, всё ли в порядке с МакКензи.

Наконец, дверь открылась и МакКензи с удивлением посмотрела на своего изможденного парня.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Ты в порядке? Дай я посмотрю на тебя, — он практически кричал.

Тристан зашёл в дом, проверил работоспособность каждой её конечности, старался заметить хоть какие-то признаки того, что она ранена. Он развернул её, чтобы закончить свой осмотр.

— Какой у тебя пульс? Ты чувствуешь слабость? Когда смотришь куда-нибудь мелькают яркие пятна? Сколько пальцев я тебе показываю?

— Ты закончил? — спросила МакКензи, приподняв бровь в насмешке над его неадекватным поведением.

— Почему ты сегодня ушла с занятий? — спросил он с нотками обвинения в голосе.

— Не твоё дело.

— Расскажи мне, Мак!

— Я не хочу тебе рассказывать.

— Здорово! Давай, храни свой маленький секретик! — вопил он.

— Я не могу тебе рассказать, Тристан.

— А я уверен, чёрт побери, что можешь. Я сейчас поднимусь наверх и порву каждый плакат N'SYNC в твоей комнате.

— Хорошо, упрямая ты свинья! У меня начались месячные, устраивает? Я испачкала мою любимую джинсовую юбку, и мне пришлось вернуться домой. Ты доволен, любопытная задница?

Тристан неловко попятился с крыльца, и, не сказав ни слова, пустился наутёк по направлению к своему дому. Придя наконец домой, он попросил свою маму помочь ему сделать всё правильно. Он не мог смириться с мыслью, что Мак злится на него.

Два часа спустя, открыв входную дверь, МакКензи нашла большую синюю подарочную коробку, украшенную желтым бантом. Она посмотрела по сторонам, но не увидела никого, кто бы мог оставить это здесь. Тристан улыбался из своего укрытия, наблюдая, как МакКензи аккуратно занесла коробку в дом. Так как отец Тристана был врачом, в своё время ему прочли исчерпывающую лекцию по всем аспектам полового воспитания, а также про женский цикл. МакКензи сидела за кухонным столом и распаковывала свой подарок, деталь за деталью, даже не подозревая, что за ней наблюдают через большое окно с эркером. Подарок состоял из баночки ибупрофена, плитки шоколада, совершенно новой джинсовой юбки и крошечной записки, написанной маниакально аккуратно почерком Тристана. МакКензи улыбалась, с трудом подавляя смех, читая записку следующего содержания: *«Прости меня. Ты будешь чувствовать себя лучше через пять-семь дней. Тристан...»*

Джосси так развеселила эта история, что она просто осыпала лицо Тристана поцелуями, настаивая на том, что он был самым милым двенадцатилетним мальчиком в мире. Тристан поцеловал её в ответ, шепча ей о своих мечтах, в которых она тоже могла вспомнить тот день и рассказать свою версию событий.

Их взаимоотношения были необычными — давать и брать по чуть-чуть. Казалось, Джосси всё ещё не может до конца открыться ему, как будто только и ждёт, что он откажется от неё. Тристан понимал, что сколько бы обещаний он не произнес, она не поверит, что он здесь для того, чтобы остаться с ней. Тристан поклялся, что покажет, докажет ей, что он не просто мимолетное напоминание о её прошлом. Он представлял себя корнями, обхватывающими и оплетающими её. Он был непреклонен и напоминал себе, что ему предстоит пройти долгий путь, и длина этого пути будет целиком зависеть от Джосси.

Личность сидящей перед ним женщины была сформирована годами настолько разрушительных воздействий, какие Тристану было даже сложно представить. Тот факт, что люди, которым было вверено её благополучие, нанесли ей такой вред, распалял его гнев ещё сильнее. Он не мог понять, как возможно, хоть раз посмотрев в глаза этой девочке, причинить ей боль.

Тристан всегда брал на себя роль защитника. Отец учил его, что женщин надо любить и заботиться о них, защищать любой ценой. Доктор Даниэль Фоллбрук был именно таким мужчиной. Он всё ещё верил в рыцарство, ухаживания и почитание старших. Тристан рано понял, что последнее слово в его семье неизменно было за отцом, а мать всегда относилась к нему с уважением. Тристан со своей стороны прилагал максимум усилий, чтобы успешно выполнять порученные ему отцом задания.

Когда Тристан потерял МакКензи, он был опустошён. Узнав о её смерти, он почувствовал себя покинутым и практически обманутым. Люди смотрели на него с сочувствием, но было заметно, что они не воспринимали его горе всерьёз. Они думали, что не пройдет много времени, прежде чем он смиритесь со случившимся. Он был просто ребёнком. Никто не понимал, что значила для него Мак; они бы никогда этого не поняли. Каждая частица его разума, тела и души скорбела о ней.

Кое-что произошло, когда она переехала в другую часть страны. Тогда этот переезд оставил их обоих с разбитыми сердцами. Но прежде они пообещали снова найти друг друга. И хотя она была недосыгаема, его утешало то, что МакКензи существует в этом мире. Когда Тристан узнал, что она умерла, он не мог поверить в это. Он решил, что это какая-то жестокая шутка и страшно злился, когда другие люди слушали и верили в эти рассказы. Оглядываясь назад, он осознал, что прошел через все пять стадий принятия смерти по теории Элизабет Кюблер-Росс. После отрицания её смерти, гнев Тристана постарался очистить его жизнь от присутствия МакКензи в ней, и когда она не ушла, он начал торговаться. Он просил и умолял хотя бы о ещё одном шансе увидеться с ней, о возможности ещё раз рассказать, как он в ней нуждается.

Для четырнадцатилетнего мальчика депрессия не является характерным состоянием. И хотя Тристан знал значение этого слова и знал её симптомы, он не мог тогда осознать, что он в депрессии. Только когда начала страдать его успеваемость в школе, а еда не вызывала у него ни малейшего аппетита, Тристан начал понимать, что в конце концов ему придётся принять потерю своего лучшего друга. Его мать беспокоилась, наблюдая за ним, а отец уже устал от его апатичности.

Лето его шестнадцатилетия было отмечено двумя годами отсутствия в его жизни

Макензи. Тристан в конце концов опять начал общаться с людьми, зависать с друзьями и проводить больше времени за пределами своей комнаты.

В тот значимый для его жизни день, группа мальчишек отправилась на озеро на вечеринку. Там звучала громкая музыка, и подростки танцевали вокруг огромного костра. Парочки укрывались в затененных местах, целуясь и лапая друг друга. Девчонки, на которых из-за стоящей на улице жары было минимум одежды, танцуя, дразнили мальчишек. Тристан был невосприимчив ко всему этому. Он сидел неподвижно, слушая, как небольшие волны с озера тихо набегали на берег, и наблюдал, как нагревается пиво в его руке.

В тот день она впервые появилась в их компании, и Тристан сразу отметил, что Фиона заметно выделялась среди них, как богиня в окружении простых смертных. Печальный взгляд её голубых глаз отражал его собственные чувства, и он ощутил, как сильно его притягивает её грусть. Это был поворотный момент в его жизни. Последующие за этим события привели в движение такую разрушающую силу, которая снесла на своем пути всё то, о чем он когда-то мечтал.

Фиона, крашенная блондинка с язвительной улыбкой, в корне изменила его судьбу. Эта девочка полностью переориентировала его жизнь, и он был рад позволить ей это. Тристан оставил в прошлом свою семью, он видел в ней единственного человека, который может сделать его счастливым.

— Где ты витаешь? — голос Джосси заставил его вздрогнуть, он посмотрел вниз и увидел, что её глаза сфокусированы на нем. — Прямо здесь, — прояснила она, постукивая пальчиком по его виску. — Где ты сейчас был?

— В Стране Чудес, — ответил он рассеянно.

— Как Королева?

— Которая?

— Ха-х? — удивилась Джосси, — Вредная.

— Ладно, есть Королева Червей из книги «Алиса в Стране Чудес» и есть ещё одна, Чёрная Королева, в продолжении «Алиса в Зазеркалье», — ответил Тристан.

— Которая всё время говорит: «Голову с плеч!» Мне она нравится.

Тристан улыбнулся.

— Это диснеевская версия. Она что-то вроде комбинации из Королевы Червей, Герцогини и Чёрной Королевы. В достаточной мере садистка, которую легко разозлить.

— Итак, она просто ходит повсюду и обезглавливает всех, кто её раздражает. Я вполне поддерживаю это, — сказала Джосси.

— Если бы мы жили в подобном мире, людей бы на Земле почти не осталось. Тебя отрезали от сети. Бам! Кассир не принял твой купон. Бам! Хаос и беззаконие позволят людям не нести ответственность за свои поступки.

— И тем не менее, можешь себе представить эти острые ощущения? Никогда не знаешь, когда ты можешь умереть. Может ты взбесил кого-то, и всё, тебя нет. Я думаю, это заставит людей жить полной жизнью всё отведённое им время. Например, не ходить на работу, которую ты ненавидишь, или не держаться за неудавшиеся отношения.

— А ещё повсюду будут расхаживать люди, в том числе и самые ужасные из нас, и исполнять все свои эгоистичные желания. Каким образом ты сможешь оградить от основной массы населения парня, желающего заковать у себя в подвале женщину и мучить её? Ты не сможешь. Анархизм — это философия, которая поддерживает аморальную форму правления, использующую жестокость, власть и силу. Есть некая ирония в то, что при

отсутствии законов, у людей бы отсутствовало понятие о нравственности.

— Я думаю, это зависит от твоего определения нравственности, — спорила Джосси.

— Подчинение правилам подходящего поведения. Но тогда что является подходящим поведением?

— Именно, — сказала она. — Как по мне, так словить кайф и расписать чистую стену ощущается подходящим.

— Психопаты и девиантные личности тоже верят, что они не делают ничего плохого. Или же им просто всё равно.

— Так же, как и мне, — передразнила его Джосси.

— Я не верю, что тебя совсем не беспокоит твоё саморазрушающее поведение. Должен сказать, что твой мазохистский характер является результатом пренебрежения и дисфункциональных чувств по отношению к себе.

Джосси резко поднялась и, громко топая, прошла на кухню. Она достала пиво из своего практически пустого холодильника и открыла бутылку. Она поднесла её к своим губам и позволила прохладе успокоить огонь внутри неё, в то же время крепко сжимая крышку от бутылки в руке. Металлические края крышки врезались в её ладонь, пока она не бросила её на пол.

Она повернулась к Тристану спиной, как только допила своё пиво. Выбрасывая бутылку, она заметила, что у неё трясутся пальцы.

Тристан подошёл к ней, накрывая её своей тенью. Джосси закрыла глаза и подняла голову к потолку. Она медленно выдохнула, перед тем как ответить Тристану.

— Только не ты, — сказала она. Тристан продолжал молчать, обняв её. В его объятьях было удобно, и они были ответом на все её проблемы. — Не надо копаться в моей голове. У меня этого было достаточно. Только не ты.

— Прости меня, — прошептал он.

Джосси повернулась в его руках и подарила ему одну из самых своих убедительных улыбок.

— Ты не против выйти в город? — спросила она.

— Да, куда пойдём?

Не ответив, она потянула его в сторону входной двери.

— У тебя есть машина? — Он кивнул. — Хорошо.

Больше ни о чём не спрашивая, Тристан отвёз её в «Треjder Джoes» и следовал за ней, пока она делала покупки. Ему нравилось, что они вместе заняты таким, казалось бы, простым и семейным делом. Когда они загрузили покупки в машину, любопытство в конце концов взяло над ним верх.

— Ты готовишь? — спросил Тристан.

Джосси смеялась, запрокинув голову и обхватив руками живот, а Тристан просто смотрел на неё и ждал ответа.

— Ух, нет. Эта еда не для нас.

Джосси сказала Тристану ехать к парку Бальбоа, и когда они припарковались, без слов взяла половину пакетов и куда-то направилась. Тристан взял оставшиеся пакеты с едой и последовал за ней прямо по траве.

— Стебельки! — громко поприветствовала её Гэвин. Она сидела как обычно на своей скамейке и курила.

— Привет, Гэвин! Как дела?

Тристан добрался до скамейки и поставил свои бумажные пакеты рядом с остальными. Он смотрел на двух этих женщин в ожидании объяснений.

— Чёрт возьми, Стебельки! Кто это?

— Тристан, — ответил он, протянув руку для приветствия. Гэвин вложила свою руку в его ладонь и сладко улыбнулась.

— Ладно, определенно *очень* приятно с тобой познакомиться, — сказала она.

Джосси рассмеялась над этим обменом любезностями, и Тристан взглянул на неё.

— Стебельки? — уточнил он.

— Эта кличка, которую дала мне Гэвин.

— Да, это всё её ноги, — ответила Гэвин.

— Ох. Ладно, я со своей стороны могу выступить в поддержку данной оценке её ног. Гэвин, кстати, тоже очень интересное имя. Некоторые люди думают, что оно возникло в связи с Сэром Гавейном, который был одним из рыцарей Круглого стола Короля Артура, — пояснил Тристан.

— Так он ещё и умный. Чёрт, только не говорите мне, что вы пара! — сказала Гэвин. Она облизнула свои губы, пока её глаза путешествовали вверх и вниз по Тристану.

— Гэвин! — Джосси практически кричала, — я думала, ты предпочитаешь девушек.

— Это так, во всяком случае, было так полторы минуты назад.

Девушки рассмеялись над смущением Тристана, когда он потер свою шею и стал переступать с ноги на ногу.

— В любом случае, я могу рассчитывать на то, что дети это получат?

— Конечно, дорогая. Ей так нравится щелкать хлыстом, — сказала Гэвин, подмигнув Тристану.

— Ты даже не представляешь, — Тристан, подмигнул в ответ.

Джосси взяла Тристана за руку.

— Ладно Гэвин, как-нибудь увидимся.

— Ты не останешься чтобы...

— Нет, мне не нужно, — отрезала она.

Гэвин улыбалась вслед удаляющейся паре.

Назад они ехали в тишине, но в этой тишине им обоим было комфортно.

— Мы отвезли еду для бездомных детей? — спросил Тристан, паркуясь перед её домом.

— Да, — ответила Джосси, глядя через окно на улицу.

Тристан вздохнул и посмотрел на неё. Каждый раз подумав, что уж теперь-то он точно знает о ней всё, она снова удивляла его. Он задумался, разгадает ли он когда-нибудь все секреты, которые хранит Джосси Бенкс.

— Человек, стоящий вне закона, который держался в стороне от людей, но был любим деревенскими жителями, и никогда не случалось такого, чтобы к нему обратились за помощью и ушли от него с отказом.

— Откуда это? — спросила Джосси.

— «Славные приключения Робина Гуда».

— Я не обкрадываю богатых людей, хотя это интересная мысль, — пояснила она.

— Давай не будем добавлять это к списку твоей уже существующей незаконной деятельности, хорошо?

Джосси пожала плечами и продолжила смотреть в окно.

— Когда мне исполнилось восемнадцать, я покинула приемную семью. Я просто

должна была свалить от них. У меня не было ничего своего. В итоге я присоединилась к группе ребят, живущих недалеко от шоссе I-65 в парке.

— Неужели некому было тебе помочь?

— По закону я стала взрослой. Всем было всё равно.

— Я до сих пор не уверен, что меня можно считать взрослым, — ответил Тристан.

— Через несколько месяцев Моника снова нашла меня. Я оставляла свои тэги на рисунках. Мои граффити были везде, где только возможно. Так она меня и выследила. Она очень упорная женщина.

— Она помогла тебе встать на ноги?

— Она рассказала мне про наследство, помогла получить деньги и нашла для меня жильё. Теперь, когда я оказалась более везучей, я приношу им еду так часто, как могу. Это меньше, что я могу для них сделать.

— Так ты познакомилась с Гэвин и Грегори, — понял Тристан и накрыл её руки своими.

— Самое худшее, что большинству таких, как мы, на улице живется лучше, чем дома.

Джосси вышла из машины, закончив на этом разговор.

Два часа спустя Джосси и Тристан снова сидели вместе на её диване.

— Вскоре мне придётся уйти, — мягко произнёс Тристан, пробегаясь подушечками пальцев по внутренней стороне её руки.

— Что? Нет! — запротестовала Джосси.

— Мне в жизни ничего не хотелось так сильно, как хочется сейчас остаться здесь, обнимая тебя. Но я не могу ещё день носить эту одежду, Джосси. И сегодня мне надо на работу.

Когда он говорил нечто подобное, Джосси чувствовала себя сбитой с толку и глупой, как счастливое облако, плывущее без определенного направления. Несмотря на его объяснение, она вздохнула, выпятив нижнюю губу, и надулась, как ребёнок.

— Хорошо, я позволю тебе уйти, но только с одним условием.

— Ты позволишь мне уйти? Я что, заложник?

— Я думаю, всё зависит от того, как на это посмотреть, — сказала Джосси, уклоняясь от прямого ответа.

— И как же?

— Прежде всего, по своему желанию ты находишься здесь или нет.

— В точку, — согласился Тристан. — Хорошо, на первой фазе ведения переговоров о захвате заложников ты должна предъявить свои требования.

Она поднесла его руку ближе к своему лицу, рассматривая небольшие шрамы, покрывающие костяшки его пальцев. Она с благоговением поцеловала каждую.

— Расскажи мне о той ночи на аллее.

Тристан нахмурился и крепко сжал губы, как будто боялся выпустить это признание на волю. Ему пришло на ум, что Джосси уже рассказала о себе так много, что он просто обязан поделиться с ней этим.

— Мы зашли в тупик. Идеально, это мирное окончание переговоров, — сказал он, — Но иногда они заканчиваются применением силы.

— Но мы же этого не хотим, — ответила Джосси.

— Хорошо. Я закончу переговоры удовлетворением твоих требований.

— Отлично. Я люблю побеждать.

Сделав глубокий вдох, он подготавливал себя к разоблачению секретов, о которых он никогда не говорил вслух.

— Я встретил Фиону, когда мне было шестнадцать лет. Она была красивой, такой «купил и заплатил за это» красотой. Она была такой же печальной, как и я. Я узнал от друга, что её брат близнец недавно умер. Я чувствовал связь с ней. Сначала она не обращала на меня внимания. Неважно, как сильно я старался, она отвергала меня. Она говорила мне, что я ей не интересен, но я не сдавался.

Тристан сделал паузу и взглянул на Джосси, нервничая из-за её возможной реакции на этот рассказ.

— Что, не всё даётся тебя так легко? — спросила она, усмехаясь.

— Нет. Не всё. После нескольких месяцев дружбы, что-то изменилось, и Фиона вдруг захотела большего. Ко времени окончания старшей школы я был влюблён в неё до безумия. Я был выпускником, который читал прощальную речь, у меня были планы по поступлению в Гарвард, а потом в юридическую школу. Фиона обвиняла меня в том, что я бросаю её. Она плакала и умоляла меня остаться. Я просил её поехать со мной, но она сказала, что её отец этого не позволит.

— И что ты сделал? — спросила Джосси.

— Я отказался от Гарварда и подал документы в Университет Нового Орлеана. Мои родители были в ужасе. Они сказали, что я выбросил на помойку своё будущее ради девушки. Они были правы. Я знал, что они правы, но мне было всё равно.

Тристан отчётливо помнил эту ссору, его мать рыдала, закрыв лицо ладонями, а отец раскидывал вещи вокруг дома, выкрикивая проклятия. Он вспомнил, что его чувства как будто онемели тогда, и их увещевания его совсем не впечатлили. Тристан просто хотел остаться со своей девушкой. Всё было очень просто.

— Спустя несколько месяцев после того, как мы начали жить вместе, отец Фионы навестил нас. Он был опасным человеком, запугивающим людей посредством своих денег. Он предложил мне работу. Сказал, что мне будут хорошо платить, и я всего лишь буду должен доставлять посылки. Он не был тем человеком, которому можно отказать. С этого всё и началось. Я тогда этого не знал, но я доставлял оружие, наркотики и наличные самым подлым преступникам на Юге. Таким образом, я был затянут в криминальную жизнь.

— А Фиона знала?

Он кивнул и начал перебирать пальцами низ своей футболки. Конечно, Фиона знала. Она знала всё. Тристан же тогда не знал ничего.

— Через некоторое время я бросил учёбу и был занят исключительно работой на её отца. Я сделал свою первую татуировку, когда меня впервые попытались убить. В этот день мне накололи череп на плечо. Я также приобрел моё первое оружие на той неделе. Я имел дело с сомнительными личностями. Они все боялись меня, в какой-то момент я почувствовал себя кем-то вроде бога. Власть, деньги — всё это у меня было. Мои родители умоляли меня вернуться домой. Вместо этого, я исключил их из своей жизни.

— И как же ты оказался здесь? — спросила она, переплетая их пальцы и положив соединенные руки на её колено.

— Парень, который был ответственным за Западное Побережье, был выведен из игры, и я получил приказ передислоцироваться. Мы выехали через четыре дня. Когда я не работал, я был с Фионой. Я мог точно сказать, что она не была счастлива со мной и её не устраивала наша жизнь. Чем больше я старался, тем больше она была недовольна.

Джосси покачала головой, она не могла себе представить, как можно не быть счастливой рядом с Тристаном.

— Однажды ночью я должен был сопровождать поставку из Тихуаны, но в тот день была наша с ней годовщина. Мне захотелось сделать что-то приятное для неё. Я попросил Падре, второго по значимости человека в нашей команде, проследить за поставкой, я же собирался остаться дома, чтобы сделать сюрприз Фионе. Она пришла домой только около одиннадцати часов вечера, и она была не одна. Стоя на кухне, я мог видеть, как она целовала какого-то парня с такой страстью, какой она никогда не проявляла по отношению ко мне. Эта была та её сторона, о которой я ничего не знал. Он трахал её, наклонив над нашим кожаным диваном за шесть тысяч, а я просто стоял и смотрел. Из оцепенения меня вывел голос Фионы, её признания в любви подвели меня к самому краю. Не успев подумать, я достал свой ствол и приставил его к затылку этого парня. Она закричала, увидев меня. Она умоляла меня сохранить ему жизнь. Я хотел видеть его кровь на её руках. Вместо этого я побросал самые необходимые мне вещи в сумку и уехал.

— Я бы наверно убила их обоих, — высказала своё мнение Джосси.

Тристан покачал головой. Он и так принёс в этот мир столько жестокости, что у него не было желания отнять чью-либо жизнь.

— Я опустошил свой банковский счет и поехал на юг, в Сан-Диего. Я нашел новое жильё, но не знал, что мне теперь с собой делать. Ревность и боль поглощали меня. Я пытался заглушить алкоголем свой гнев. Становилось только хуже. Однажды ночью я просто гулял. Я шёл и шёл, пока мои ноги не заболели и пока чувство эйфории от опьянения не прошло. И я увидел это граффити на углу твоего дома. Лицо мальчика показалось мне знакомым. Меня привлек этот рисунок.

— На том рисунке был ты, — констатировала она.

— Да, может подсознательно я понял это. Но в том моём состоянии я до этого не догадался.

— Ты был настолько пьян, что я не могла отвести от тебя глаз, — добавила Джосси.

— Я помню твоё лицо, освещенное лунным светом. Когда я вернулся домой, я не был уверен, видел ли я тебя на самом деле или просто выдумал. Я решил, что я тебя выдумал.

— Но это не так.

Она наклонилась к нему и поцеловала сначала его челюсть, затем подбородок и в конце дошла очередь до его губ.

— Значит можно сказать, что это моё граффити привело нас друг к другу.

— Ты можешь так сказать. Я могу сказать, что твоя опасная нелегальная деятельность привлекла моё внимание достаточно надолго, чтобы я получил психическое расстройство на этой аллее, где я мог скорее быть ограбленным, нежели найти тебя.

— Нет ничего опасного в том, чем я занимаюсь.

— Правильно. Вот только тебя могут арестовать, возложить на тебя ответственность за тяжкое уголовное преступление и отправить в тюрьму. Подумаешь, большое дело! Восемьдесят процентов граффити связаны с бандами. Это супер безопасно.

В этот момент внезапно открылась входная дверь, и Алекс влетел в комнату.

— Черт побери, Джосси! Я же говорил тебе закрывать дверь на замок. Ты что, хочешь, чтобы сюда завалился какой-нибудь чувак под крэком?

Его голос гремел на всю квартиру до тех пор, пока его внимание не привлёк Тристан.

— О, ты ещё здесь.

Тристан стоял, когда Алекс зашёл в квартиру. Он моментально оценил угрозу, исходящую от этого человека. Незамедлительно он направил руку к месту, где обычно находился его пистолет, который на данный момент был спрятан позади переднего сиденья его машины. Он проклинал себя за такую неосмотрительность, звуки, исходившие от него, были больше похожи на рычание. Его мышцы напряглись, готовые к столкновению. Джосси была удивлена способностью Тристана преобразиться из гика в защитника за считанные секунды.

— Тристан, это мой сосед Алекс, — сказала Джосси, встав между ними. Она не думала, что их знакомство произойдёт так скоро. — Он вроде как присматривает за мной.

Плечи Тристана расслабились, и он протянул Алексу руку. Их рукопожатие было крепким и сопровождалось небольшим встряхиванием соединённых рук, затем каждый отошёл в свой угол. Они оценивали возможности друг друга, как это принято у мужчин. В комнате повисла напряжённая атмосфера, и Джосси практически могла слышать исходящее от этих двоих рычание. Она знала, что Алекс всегда полагался на свою комплекцию, которая делала половину работы по запугиванию соперника, но также ей было ясно, что Тристана сам Дьявол не запугает. Джосси было стыдно за их поведение и за то, что она стала свидетельницей этой явно показательной демонстрации их мужественности.

— Я иду домой, — сообщил Тристан.

Он подошёл и притянул покрасневшую Джосси к себе, оставляя на её губах целомудренный поцелуй.

— Я должен быть на работе через несколько часов. Я позвоню тебе, — Тристан кивнул Алексу и направился к входной двери.

— Подожди, Тристан! Твоя книга, — сказала Джосси.

Она взяла его книгу и помахала ею.

— Оставь её у себя. Я вернусь.

Он пристально посмотрел на Алекса, развернулся и ушёл.

Джосси не могла сдержать улыбку, появившуюся на её лице, когда Тристан спускался по лестнице, пропав из виду. Она закрыла дверь и повернулась лицом к соседу.

— Да, это было очень вежливо, — сказала Джосси Алексу, закатив глаза.

— Что?

— Вся эта словесная разборка между вами двумя. Я удивлена, что вы не вытащили свои члены, чтобы ими помериться.

— Я не хочу опозорить твоего мужчину, — он улыбнулся, и на его щеках появились ямочки.

— Он не мой мужчина. Дай мне, — потребовала Джосси, показывая на пакеты с едой, которые он ещё держал в своих больших руках.

— Так чем же вы здесь, ребята, занимались целых два дня? — спросил Алекс, двигая бровями в такой намекающей на что-то непристойное манере.

— Не этим. Хотя я об этом думала, наверно, каждую секунду. Мы просто разговаривали.

— У тебя есть какие-нибудь планы на сегодня? Один из моих ребят сказал, что твоё граффити на Пятой улице безумно крутое.

Джосси кивнула. Несмотря на то, что она любила свои рисунки, ей не нужна была эта слава, которой, как правило, другие люди добиваются. Она просто хотела, чтобы её увидели и услышали, но так, чтобы не оказаться при этом уязвимой.

— Поблагодари его от меня. Ох! У меня есть кое-что, что ты должен увидеть, — и она

настойчиво потянула его в спальню.

— Я уже видел твои сиськи, Джо. Они потрясающие.

Она дала ему затрещину и открыла дверь своей спальни, глядя на разрисованные стены и теперь уже знакомые лица.

— Пойдём, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Глава 8

Прохождение

Прохождение одного небесного тела перед другим

Подержанный стол Морта был завален официальными документами. Торжество по поводу найденной им информации в Калифорнийской программе помощи детям продлилось недолго, так как эта ниточка внезапно оборвалась. Он получил информацию о дате прибытия Джосси в Калифорнию и узнал имя социального работника, который занимался её случаем — Моника Темплтон. Через несколько месяцев девочку поместили в приемную семью, в которой она проживала до своего восемнадцатилетия. Дом этой семьи стал её последним известным местом проживания. Морт наведалься туда, но единственным человеком, живущим здесь, оказался сын этой семейной пары.

— Здравствуйте, вы не могли бы мне помочь?

— Кто вы? — спросил мужчина, прислонившись к открытой двери.

— Ой, простите, пожалуйста. Меня зовут Крис. Я знал Джосси ещё до того, как она переехала сюда. Я надеялся найти её.

— Джосси? Не видел её с тех пор, как она засадила моих родителей в тюрьму.

Морт сделал вид, что удивлен, и беспокойно переступил с ноги на ногу.

— Вау, сожалею об этом, друг.

— Ну ладно, я не знаю, где она сейчас может быть. После судебного разбирательства она как будто сквозь землю провалилась. Мы прожили вместе где-то два месяца перед тем, как я отправился в колледж. Тогда мне казалось, что всё нормально, — мужчина закрыл глаза и сделал глубокий вдох. — Возможно, сейчас она стала одной из тех бездомных из парка Бальбоа, раньше ей нравилось туда ходить.

— Хорошо, спасибо за помощь.

С улыбкой, убедительно выражающей благодарность, Морт покинул этот дом представителей среднего класса, совсем не приблизившись к своей цели. Хотя это и было только предположение, но он должен был проверить парк Бальбоа. Может быть, Джосси сбежала и растворилась на улицах этого города, как до неё поступало большинство брошенных детей. Вполне возможно, что она живёт под автострадой, просит милостыню и ночует на скамейке. По кислому выражению его лица можно было прочесть, что он думает о шансах найти её.

Он достал телефон и набрал знакомый номер.

— Говорите.

— Барри, это Морт. Я думаю, девчонка здесь, в Сан-Диего, но у меня пока нет доказательств. Сейчас её знают под именем Джосси Бенкс.

— Я сообщу об этом Молони. У нас уже заканчиваются сроки. Джино Галло просит с встрече в следующие шесть месяцев.

Морт закончил разговор и выдохнул. Он упустил что-то. Он был уже близок к разгадке, он чувствовал это своим нутром. Как мать, которая предчувствует, где искать своё

потерянное дитя, он подозревал, что Джосси находится здесь, в этом городе. Морт безоговорочно был уверен в том, что его жизнь вернётся в нормальное русло, только тогда, когда её жизнь будет прекращена.

Джосси сидела на полу в своей квартире, на знакомой ей территории. Открытый блокнот лежал на её коленях, пока она делала набросок, в котором можно было угадать привлекательные черты Тристана. Сходство с лицом мальчика, которое она рисовала на протяжении стольких лет, было очевидным — те же пронзительные глаза, та же кривая усмешка, и тот же озорной взгляд, даже когда он совершенно спокоен. Тристан так же, как и она, сидел на полу, облокотившись на диван, и читал автобиографию Кита Ричардса. Его длинные ноги были вытянуты и в районе лодыжек перекрещивались с ногами Джосси, перекинутыми через них. Это стало привычкой — если они находились в одной комнате, они соприкасались друг с другом. И когда через их переплетённые ноги или соединенные руки словно проходили электрические импульсы, это давало ощущение реальности всего происходящего.

Джосси жаждала его прикосновений, и она не могла понять, почему у них ещё не было секса. Она этого хотела; её пальцы жаждали дотронуться до него в тех местах, которые пока она могла только представлять. Очевидно, что Тристан чувствует то же самое, и поэтому она никак не могла понять его желание двигаться медленно. Она страстно желала почувствовать его сладкую от пота кожу и вдыхать запах их соединенных тел. Не готовая пока принять любую эмоциональную связь, она отчаянно нуждалась в физической. Эта был единственный тип отношений, в котором она чувствовала себя комфортно.

Любопытно, как менялся характер её зависимостей. Она больше не нуждалась в бессмысленном сексе и наркотиках, чтобы получить необходимое ей чувство оцепенения. Она хотела только погрузиться в Тристана, как человек погружается в воду, вобрав в себя всё, что он может дать. Он стал её новой зависимостью.

Тристан также был в состоянии постоянного сексуального возбуждения, когда находился рядом с Джосси. Неспособные расслабиться, его мускулы оставались напряженными и твёрдыми от сильного желания. Если бы это было любая другая девчонка, он уже взял бы её, жестко и быстро, несколько раз. Но он знал, как Джосси использует секс, чтобы избежать любой привязанности. Он не хотел становиться ещё одной зарубкой на её «терапевтическом» изголовье кровати. Для него Джосси была незнакомкой, запрятанной в человеке, которого он хорошо знает. Она та, кого он хотел холить и лелеять. Он чувствовал, что они, как половинки одной души, разделенные на протяжении многих лет, вдруг снова соединились.

Больше не в силах сдерживать сексуальное напряжение, прорывающееся через её кожу, Джосси откинула свой блокнот с колен и оседлала Тристана. Он кривовато ей усмехнулся, а его длинные пальцы обернулись вокруг её талии. Джосси победно улыбнулась, думая, что уж на этот раз он ей уступит.

— Что это ты затеяла? — спросил он, опуская голову, так чтобы его губы мягко соприкоснулись с её плечом.

— Мне нужно почувствовать тебя, Тристан. Просто дотронься до меня.

Звук голоса Джосси эхом раздался в пустой комнате. Она вздрогнула, когда осознала, насколько отчаянно это прозвучало. До этого момента ей никогда не приходилось просить о

разрядке. Подобная просьба звучала чуждо для неё и, казалось, внушала беспокойство. Когда Тристан оставил поцелуй у основания её горла, она решила, что ей всё равно. Она будет умолять, унижительно льстить, если понадобится.

Потеряв терпение из-за его медлительности, Джосси обхватила ладонями его лицо и приблизила свои губы к его. Они были опьянены друг другом. Руки Тристана проскользнули к её спине и прижали девушку к груди. Она застонала в его рот от ощущения твердого тела, вжимающегося в её мягкое.

Губы Тристана посасывали её губы, её язык был сладким, без намека на горечь обиды, с которой она мирилась на протяжении всей своей жизни. Когда Джосси начала покачивать бедрами напротив пуговиц на его ширинке, он почувствовал, как от него ускользает последняя толика самоконтроля. В его голове сейчас происходило столкновение между эмоциями и физической потребностью.

— Я хочу тебя.

Эти три слова заставили его задохнуться. Такое дерзкое заявление от Джосси обратило его силу воли в потерю контроля. Он хмыкнул в согласии, оставляя дорожку поцелуев на её щеке. Руки Джосси были скрещены между ними, когда она схватила край своей майки и потянула её вверх через голову.

Джосси пробежалась ногтями по голове Тристана, заставляя его закрыть глаза в удовлетворении. Ощущение её горячего тела, прижатого к нему, стало причиной мгновенного умопомешательства, полного опустошения его мозга от рациональных мыслей. Он хотел её так, как никого и никогда до этого. Но не здесь и не сейчас. Ему необходимо так много всего ещё сказать ей.

— Могу я пригласить тебя куда-нибудь? — спросил Тристан, вдруг вернув свои руки обратно на её талию, в более нейтральное положение.

— Что интересно тебя заставило спросить об этом в тот момент, когда я уже успела снять свою майку? — спросила она невозмутимым тоном.

Тристан схватил майку и натянул её обратно на Джосси. Чувствуя себя побежденной, Джосси проскользнула руками в майку, после чего вернула их обратно на его бедра. Она не смотрела ему в лицо.

— Ну так что, могу я пригласить тебя куда-нибудь? — повторил он.

— Куда-нибудь вне моей квартиры?

— Куда-нибудь на свидание, — пояснил он.

— На свидание? — уточнила Джосси, её голос звучал так испуганно, что казалось, будто она говорит на иностранном языке.

— Ну, ты знаешь, условленная встреча в назначенное время, с человеком к которому ты сексуально или романтически привязан.

— А мы привязаны к друг другу? — спросила она, в самом деле не зная, какой ответ на свой вопрос хочет услышать.

— Больше, чем ты предполагаешь, — ответил он.

Хоть сейчас и легко было погрузиться в дикие интенсивные сексуальные отношения с Джосси, Тристан хотел большего. Он хотел показать ей, что она достойна лучшего, нежели та пустая жизнь, которую она ведёт. Он хотел выманить её из защитного панциря и обернуть в свою любовь. Да, он знал, что это любовь. Даже спустя так много лет любовь жила.

Джосси соскочила с его коленей. Она никогда в жизни не была на свидании. И она не притворялась, что не знает, чем вообще люди занимаются на свиданиях. Она всегда

полагала, что этот давний обычай слишком старомодный и бессмысленный. Это просто встреча двух незнакомцев, чьей конечной целью является секс. Она всегда находила, что проще пропустить неловкую беседу и формальный приём пищи.

— Свидание? В модном ресторане с кучей незнакомцев? — спросила она, вышагивая вперёд-назад перед Тристаном.

Она размахивала руками, как будто они помогали ей сохранить баланс на туго натянутом канате её паники. Она посмотрела на свою кухонную тумбочку, в которой хранились наркотики, и снова взглянула на Тристана, ожидающего её ответа. Джосси понимала, что ей необходимо успокоить тревожные чувства, зарождающиеся внутри. Она закрыла глаза и сделала глубокий вздох. Она нарисовала в своём воображении цепь и замок вокруг этой тумбочки, заставляя себя здесь и сейчас и разобраться с этим.

— Мак.

Он говорил таким спокойным тоном, как будто успокаивал разбушевавшегося ребёнка.

— Нет! Я не она. Я не хожу на свидания. Я имею в виду, что ты ждёшь от меня, Тристан? — Он сидел с открытым ртом и подрагивающей челюстью. Можно было подумать, что она вывихнута. — Ну? — спросила Джосси снова.

Тристаном никогда раньше не замечал за собой потерю речи. И хотя он пытался сформулировать мысль, чтобы успокоить её, найти правильные слова, что переубедят её, он просто не мог. Тогда он вернулся к тому, в чём был абсолютно уверен.

— В жизни есть только две трагедии: первая — не получить то, что ты хочешь, а другая — получить это.

— Прекрати вытаскивать всякое дерьмо из твоей идеальной памяти, Тристан. Скажи мне, чего ты хочешь!

— Я хочу тебя. Всю тебя. Я хочу обладать тобой. Я хочу любить и защищать тебя.

Его серьёзные слова будто подкосили Джосси, она опустилась на колени, их глаза опять были на одном уровне.

— Это слишком, — сказала она, её злость пропала и превратилась в нечто новое и зыбкое.

— Тогда я буду довольствоваться свиданием, — ответил он, — Только мы. Никаких ожиданий. Никаких требований.

— Я не знаю, смогу ли. Кроме того, что мне с этого будет?

— Увлекательная беседа и бесплатная еда, — сказал Тристан.

— Ты можешь предложить мне больше, чем это, — сказала она, увиливая от прямого ответа, пробегаясь пальцами по его груди и потянув застежку на его ремне.

— Ты предлагаешь мне сексуальные услуги в обмен на согласие пойти со мной на свидание?

— Зуб за зуб.

Тристан засмеялся, таким тёмным смехом, сводящим её с ума.

— Секс-бартер обычно характерен для супружеских пар, которые уже давно живут вместе. Например, она хочет мороженого, но желает, чтобы за ним сходил он. Она предлагает сначала что-то простое. Если погода хорошая и магазин поблизости, муж может согласиться.

— Но если на улице снежная пурга, а ему придется идти босиком в гору, он захочет выторговать для себя более выгодные условия, — продолжила Джосси, подыгрывая.

— Правильно. Здесь включаются переговоры и анализ. Получат ли обе стороны то, что

хотят?

— Ты хочешь свидание. Я хочу увидеть твоё лицо во время оргазма. Звучит разумно, как по мне, — ответила Джосси.

Тристан сделал глубокий вдох и напомнил себе причины, по которым они должны воздерживаться от физической близости. Это к лучшему. Это докажет Джосси, что он хочет её на каждом уровне. Это докажет ей, что она больше, чем симпатичная мордашка и партнер, вызывающий желание. Несмотря на правдивость данных утверждений, при виде её умоляющих глаз ему хотелось отказаться от всех резонов, что сдерживали его.

Через какое-то время он кивнул в знак согласия.

— Хорошо, — сказала она, — я пойду на свидание с тобой.

Он осторожно улыбнулся и потянулся к её руке. Тристан знал, что он уже принадлежит Джосси. Так было с тех пор, как ему исполнилось семь лет. Но он понимал, что женщина перед ним — не та девочка, какой она была когда-то. В ней ещё много того, о чём ему предстоит узнать.

— Завтра вечером, — сказал он. — Я заберу тебя в семью.

Она кивнула и сильно прикусила нижнюю губу. Она могла заниматься сексом. Обольщение, покорение и расставание без прощания — единственное, что она могла предложить. Джосси понимала, что уже наверно могла бы обучать людей, как оставаться эмоционально отстранёнными и всё равно получать желаемое. Но свидание станет испытанием для неё.

Большой палец Тристана освободил её губы от захвата. Он оставил на них нежный поцелуй и отправился на работу.

Когда Тристан занял своё место за барной стойкой, Эрин, Бренди и Ли общались между собой. Посетителей было мало, так что они довольные сидели, ничего не делая и сплетничая о больших чаевых или о последней серии телевизионного сериала. Тристан стоял в паре шагов от них, и Бренди бросала взгляды в его сторону, видимо не понимая значения слова «нет».

— Я уже давно не видела Банди, — пробормотала Эрин, разглядывая свой новый лак для ногтей.

— А кто такая Банди? — спросила Бренди.

— Это странная девчонка, которая раньше приходила сюда время от времени, — ответил Ли, — Эрин предполагала, что она могла быть серийной убийцей.

Тристан почувствовал раздражение из-за этих слов, так небрежно сказанных и таких холодных.

— Да, — подтвердила Эрин, — Может, одна из её жертв оказала сопротивление и вырубил её.

— Я очень надеюсь, что это не так. Та сучка была очень сексуальной, — вступил Ли в общий разговор.

— Как она выглядела? — спросила Бренди.

— Как будто Уэнздей Аддамс скрестили с Одри Хепбёрн, — ответила Эрин.

— Держу пари, в койке она такая же сумасшедшая. Я бы вытрахал из неё все её странности.

— Ты свинья! — возмущаясь, сказала Эрин.

Как только эти слова вылетели изо рта Ли, Тристан уже был в движении. Ему понадобилось три коротких шага, и он уже заламывал руку Ли за спину и опустил его лицом на барную стойку. Адреналин пульсировал в его венах, и он чувствовал, что может разбить череп этого парня о столешницу. Тристан наклонился ниже, так что Ли мог ощущать его тяжёлое дыхание.

— Никогда больше не говори о ней так. И вообще, больше никогда не говори о ней или я тебя нафиг убью.

Тристан отпустил его и вышел на улицу подышать свежим воздухом. Он опустил голову к стене и сел на корточки, снова запустив руки в короткие волосы. Он не сожалел о том, что сделал, он сожалел, что потерял самообладание на работе. Конечно же, об этом инциденте узнает его босс, и ему придётся снова искать новое место.

— Хэй, — мягкий голос позвал его. Тристан поднял глаза и увидел Эрин, обеспокоенно наблюдающую за ним. — С тобой всё в порядке?

— Не лучше ли спросить об этом Ли? — прорычал он ей в ответ.

Тристан встал и закурил сигарету, предложив одну Эрин. Она отказалась и облокотилась на стену позади него, наблюдая, как он успокаивается.

— Нет, шёл бы этот придурок куда подальше. Он заслужил это.

Они оба засмеялись и почувствовали, как спало напряжение между ними.

— Так что, ты и Банди? — спросила она.

— Её имя Джосси, — ответил Тристан с ноткой враждебности в голосе.

— Хорошо, Джосси, — ответила она, подняв вверх руки в знак капитуляции. — Как ты умудрился? Она никогда ни с кем не разговаривала.

Тристан глубоко затянулся сигаретой и выдохнул дым над их головами.

— Я был знаком с ней с детства. Она — старый друг.

— Ладно, она кажется интересной девушкой. Я надеюсь, у вас всё получится. Господь знает, как тяжело найти порядочного человека в этом городе. Мне попадались только привлекательные парни, у которых больше мышц, чем мозгов, или которые до сих пор живут с родителями.

— Не может быть, чтобы все были плохи, — сказал Тристан. — Если бы не было женщин, мы бы до сих пор сидели на корточках в пещере и ели сырое мясо, потому что мы создали цивилизацию лишь для того, чтобы произвести впечатление на своих подруг.

Эрин засмеялась и улыбнулась ему.

— Умное высказывание, — заметила она.

— Это не я придумал. Орсон Уэллс сказал это. Но это правда.

— Что ж, последним мужчиной, который произвёл на меня впечатление, был мой отец.

Эрин похлопала его по предплечью и вернулась внутрь.

Моника стояла перед Джосси, руки скрещены, глаза пристально осматривают, проверяя всё ли в порядке с внешним видом её подопечной. Джосси подавляла желание закатить глаза из-за того, как эта миниатюрная женщина оценивает её, потому как не хотела её обидеть. Не в этот раз. Она видела, как Моника рассматривает её с головы до ног, и в этот момент ей стало интересно, какой эта женщина видит её сейчас. Боль и удовольствия не оставили следов на её коже, как у Тристана. Джосси носила свои шрамы внутри.

У нормальных девушек есть подруги, которых можно позвать для поддержки, подруги,

которые захотят нарядить тебя и уложить волосы и посоветуют тебе, какой лучше выбрать блеск для губ. У Джосси никогда не было таких подруг, так что она попросила Монику помочь ей. Впервые услышав такую просьбу, Моника Темплтон рьяно поспешила на помощь. Джосси не знала, часто ли социальные работники поддерживают связь со своим подопечным так долго, даже после того, как она все обязанности выполнены. Однако Моника была здесь, как незыблемый столб. Джосси никогда не обвиняла вслух Монику в том, что случилось с ней в приемных семьях, каждый играл свою роль очень убедительно. Но она наслаждалась, просто предполагая, как может уязвить её. Ей нравилось иметь контроль хоть над чем-то и пусть лишь разок. Джосси всегда могла воспользоваться возможностью наказывать Монику отказом в прощении.

Тот факт, что Джосси и Тристан уже были знакомы, не снижал уровень её волнения. В их однобоких отношениях было сложно разобраться. Хотя Джосси не могла вспомнить, с чего всё у них началось в детстве, она интуитивно чувствовала, что их чувства были настоящими. Она боролась с собой весь день, практически отменив всё через два часа раздумий, но она не смогла заставить себя отказаться от этих заново развивающихся отношений. А также ей уже не терпелось получить физическое удовольствие, которое он мог ей дать.

Джосси думала о том, чтобы словить кайф в последний раз, успокоить нервы. Она убеждала себя, что так будет ощущать себя более привлекательной и раскрепощенной. Они оба лучше проведут время. Но она не хотела расстраивать Тристана.

Она представляла собой комок нервов. Что Тристан ждёт от неё? Даже несмотря на нервозность, Джосси неожиданно для себя осознала, что желает провести время с ним вне укрытия стен квартиры. Она хотела, чтобы её увидели с ним, хотела заявить на него свои права. Она присела на край ванны и закрыла лицо руками. Моника присела на колени перед ней и потянула руки Джосси от лица. Она подняла их, чтобы рассмотреть и улыбнулась.

— Ни угля, ни краски, — заметила она.

Джосси кивнула.

— Я работала над этим всю вторую половину дня.

Потом Моника посмотрела в глаза Джосси.

— А ещё ты не под кайфом.

— Нет. Хотя я чувствую себя так, как будто меня сейчас вырвет, — сказала Джосси.

— Послушай меня. Неважно, куда вы вечером пойдёте, вы всё равно будете ты и Тристан. Так же, как и здесь.

— Нет, мы будем не здесь, мы будем в окружении людей, наблюдающих за нами. Что если я его чем-то смущу?

Свидание означало рестораны и большое скопление людей. Свидание значило, что ей придётся быть уязвимой и честной и научиться снова открывать человечность в себе. До сих пор Джосси была свободна от обязательств, она не отвечала ни за что и ни за кого. Она всегда чувствовала, что не сможет функционировать внутри этого общества законопослушных граждан, этаких ровных квадратиков белого хлеба среди современных обывателей. Она боялась, что, несмотря на то, как она будет выглядеть сегодня, они увидят в ней то, кем она была на самом деле — мусором.

— Я думаю, что ты ничем не сможешь его смутить, Джосси. Ты абсолютно точно не воспринимаешь себя объективно.

— Что, чёрт побери, я делаю? — расплакалась Джосси.

— Джосси, успокойся. Миллионы девушек ходят на свидания каждый день. Мне кажется, я была на сотнях свиданий. Посмотри на меня. Я в конце концов нашла мужчину своей мечты. С тобой всё будет хорошо.

— Я не такая как миллионы девушек, — сказала Джосси, сделав глубокий вдох. — Я Джосси Бенкс, исключительная бестолочь.

Моника осторожно положила руки на её плечи и посмотрела в карие глаза девушки. Она прекратила жевать жвачку и подарила Джосси улыбку.

— Ты не бестолочь. Ты страстная и смышленная, и ещё, ты одна из сильнейших личностей, которых я знаю. — Она потянула Джосси вверх и поставила её перед зеркалом. — Ты сногшибательно красива и загадочна, и в тебе есть всё остальное, что так любят мужчины.

Два внимательных женских взгляда встретились в зеркальном отражении, каждая желала понять, о чём думает другая. Джосси очень хотелось увидеть в себе то, что видела в ней Моника. Она хотела верить этим восхваляющим словам и приклеить их к себе, как этикетку.

— Чего-то не хватает. Ох! Я знаю! — завизжала Моника, напугав Джосси.

Моника порылась в своей необъятной сумке и достала оттуда что-то похожее на коробку для рыболовных снастей. Джосси с изумлением наблюдала, как она рылась в ней, доставая содержимое в поисках чего-то определенного.

— Вот, — сказала Моника, подойдя к Джосси и прикрепив заколку с шёлковым цветком к её волосам.

Моника отступила в сторону и повернула Джосси к зеркалу. Глаза девушки остановились на её отражении. Она не узнавала незнакомку, смотрящую на неё. Сейчас она видела красивую и счастливую девушку. Не веря своим глазам, она прижала пальцы к стеклу, чтобы убедиться в реальности происходящего. Не существовавший ранее свет в её глазах, уголки губ подняты в незнакомом ей выражении. Она почти могла сойти за человека.

Стук в дверь отвлек её от пристального разглядывания. Сердце стучало в груди, и она чувствовала, когда будто неведомая сила тянет её через комнату напрямик к входной двери. Она уже ощущала его энергию, его фантастическую власть над её телом. Цоканье каблучков по деревянному полу отсчитывало её шаги прямо к Тристану. Отворив все замки, она открыла дверь.

Тристан стоял перед ней, его руки в карманах нервно звенели ключами. Она невольно осмотрела его, начиная с ног. Она заметила его туфли, затем джинсы, и, в конце концов, потеряв терпение, её внимание перешло прямо к его лицу. Он побрился, и сейчас его точёная линия челюсти выглядела так мужественно, будто была вырезана из одного большого куска камня. Его глаза сияли, как изумруды.

— Вау, ты выглядишь изумительно, Стебельки.

Её улыбка стала шире в ответ на кличку. Глаза Тристана вбирали каждый дюйм её фигуры — от чёрного топа, облегающего её до бедер, до её красных высоких каблучков. Её карие глаза, подчеркнутые густыми черными ресницами, казалось, светились. Красный цветок в волосах приносил сладость в её необычайно знойную, соблазнительную внешность.

Моника подошла, направляясь к выходу, громадная сумка была перекинута через её плечо. Она остановилась между ними.

— Держи, — сказала Моника, передавая ей небольшой красный клатч. — Я положила

сюда всё самое необходимое, так что можешь больше ничего не брать. Я заберу свои вещи как-нибудь на следующей неделе.

Моника повернулась лицом к Тристану и оказалась полностью потрясена его внешностью. Он был не таким, каким она его представляла. Он выглядел великолепно и так мужественно, и в тоже время его улыбка придавала ему привлекательности и непосредственности.

— Я — Тристан, — представился он.

— Определенно это ты, — ответила она, проскользнув своей рукой в его руку. — Я Моника. Хорошего вам вечера, ребята.

Моника поспешила вниз по ступенькам и исчезла из вида, оставив их наедине в дверном проеме.

— Готова? — спросил Тристан.

Она кивнула и закрыла дверь на замок. Они держались за руки, пока спускались пешком по лестнице один этаж. Тристан провёл её к своей классической машине, припаркованной на обочине. Он открыл дверь и помог её сесть внутрь, а после обошёл вокруг машины к водительскому месту. Джосси почувствовала что-то под собой, быстро поднялась и нашла ещё одну книжку Тристана. Она показала ему книгу, когда он занял своё место.

— Ты читаешь в машине? — спросила она.

Его кривая усмешка была ответом. Джосси бросила книжку на заднее сидение и потрясла головой.

— Думаю, я должна быть счастлива, что ты зависим от книг, а не от чего-то вроде обкуренных шлюх.

— Нет. Я отказался от них ради Великого поста в этом году, — пошутил Тристан.

— Ты католик? — спросила Джосси.

— Нет, но я читал Библию.

— Ты имеешь в виду, что запомнил содержание целиком?

— Послание к Ефессянам 6:12. Потому что наша брань не против крови и плоти, не против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной.

— Вау, — сказала Джосси, — Как ты это делаешь?

Тристан засмеялся и повернул ключ зажигания.

— Я ничего не делаю. Я так устроен.

Машина оглушительно зарычала, готовая сорваться с места. Он взглянул на реакцию Джосси, наблюдая, как её покрытые джинсой ноги скрещиваются, а потом возвращаются в прежнее положение. Его малышка всегда производит такой эффект на женщин. Сначала они ослеплены её вишнёво-красным цветом, чистыми линиями и белобокими автопокрышками. Но стоит им только сесть на роскошные виниловые сиденья в тот момент, когда машина начинает оживать, и они окончательно потрясены её привлекательностью.

Джосси нервно ёрзала, огорошенная ощущением от пульсации сиденья под ней. Она позволила своему разуму переместиться к их возможному пункту назначения и почувствовала, как тревога переполняет её. Представляя, как они будут находиться в многолюдном месте, в окружении бесед и перешёптываний, она приходила в ужас. Слишком много людей, слишком много лиц и глаз будут смотреть на неё. Это расстраивало.

— Куда мы едем? — спросила она в конце концов, выдохнув.

— В тихое местечко с фантастическим видом, — ответил Тристан, погладив своей

рукой её руки.

Она сделала глубокий вздох и выдохнула снова, позволив опасениям и волнениям ускользнуть в чёрное ночное небо. Его слова и прикосновения успокоили её. Как будто он знал, что ей нужно ещё до того, как она сама это поймёт.

Глава 9

Альбеда

Величина отражательной способности

Они сели за дальний столик в патио ресторана Эджуотер Гриль. Ресторан не был заполнен полностью, но негромкого шума окружавших голосов было достаточно, чтобы дать паре ощущение, что они находятся в обществе. Столовые приборы, обернутые мягкой льняной тканью, располагались перед стаканами для воды. Одинокая свеча стояла в центре стола, её мерцающий тёплый свет омывал пару медово-жёлтым свечением в колышущихся тенях. Время от времени ощущались порывы солёного бриза из бухты, приносящие с собой прохладный океанский воздух и чувство умиротворения.

Тристан заказал Стелла Артуа, а Джосси попросила бокал красного вина.

— Какое именно красное вино вы бы хотели, мисс?

Джосси взглянула на Тристана, а затем вновь на ожидавшего её заказа официанта; она не знала ответ. Моника, делаясь с ней опытом, сказала, что уважающие себя женщины заказывают вино на ужин и пьют столько, чтобы выйти из ресторана на своих двоих. Как только она начала паниковать, Тристан спас её от этого затруднения.

— Она будет Талисман Вайнъярд Пино Нуар урожая 2007 года. Спасибо.

— Конечно, — сказал официант, улыбнулся и удалился, чтобы принести их напитки.

Продолжая следовать инструкциям Моника, Джосси развернула свою салфетку и положила её на колени. Она держала локти подальше от стола и сидела на своём месте, как будто кол проглотила. Взглянув на меню, она была поражена выбором и ценами.

— Расслабься, Джосси, — подразнил её Тристан, слегка толкнув её ногу под столом.

Она немного расслабилась, интересуясь, заметили ли присутствующие здесь люди, насколько она не подходит для этого места. Выбор был сделан, еда заказана, но разговор не клеился. Тристан не мог понять, почему ему так легко с Джосси в пределах её квартиры, а здесь она казалась такой недоступной.

Глаза Джосси устремились в сторону бухты, к тёмной сверкающей поверхности с отблесками света на небольших волнах. Лодки возвращались из вечерних вояжей, прорезая толщу воды без малейшего сопротивления. Ни разу, вплоть до этого момента, Джосси не обращала внимание на блестящие линии и изгибы подобных судов, и неожиданно она почувствовала непреодолимое желание нарисовать их на своей чистой салфетке. Она уже заметила, что желание рисовать появляется, когда ей требуется успокоение, но сейчас у неё не было с собой необходимых инструментов, так что вместо этого она начала пить воду маленькими глотками.

Так много людей здесь, и она чувствовала, будто все их взгляды устремлены на неё. Джосси сопротивлялась желанию всмотреться в лицо каждого присутствующего. Она знала, что их нет здесь, её демонов, преследующих её так давно. Это место было слишком изысканным для них, для неё тоже, если быть честной. Как тень, которая преследует её даже во мраке, Джосси всегда преследовал страх столкнуться с приёмными родителями. Она знала, что они всё ещё жили здесь, хотя она постаралась сделать так, чтобы они не могли

больше брать к себе детей. Большую часть времени она могла не думать о том, что они жили в том же городе.

— Ты в порядке? — спросил Тристан.

— Да, у меня всё хорошо, — ответила она.

— «У меня всё хорошо» — это самая большая «белая ложь», которую произносят люди.

— Потому что это просто. Обычно, когда тебя спрашивают: «Как ты?», на самом деле вовсе не интересен ответ. Так что все принимают как само собой разумеющееся, что ты говоришь им правду, — сказала Джосси, — И что такое вообще «белая ложь»? Есть ли ещё какие-нибудь цвета у лжи?

— Нет. Это основано на идее о противоположностях. Белое означает хорошее, а чёрное — плохое. Белая ложь безвредная и банальная, она не содержит намерения причинить боль.

— Безвредная. Как сказать. Я произносила подобную ложь сотни раз, и никто не побеспокоился о том, правда ли это.

— Я беспокоюсь, — мягко сказал Тристан.

Джосси подвинулась на своём сиденье, её глаза снова просканировали ресторан и остановились на знакомом лице.

— Я знаю того парня.

Тристан повернулся в сторону главного зала ресторана.

— Которого? — спросил он.

— Официант-азиат со стаканами.

— И насколько хорошо ты его знаешь? — поинтересовался Тристан.

Джосси ухмыльнулась, ей понравилось, как легко он попался на наживку.

— Достаточно хорошо, чтобы знать, что он носит боксеры и ему нравится, когда его шлёпают.

Тристан почувствовал, как гнев, основанный на собственническом инстинкте, закипел внутри, и он сдерживал себя, чтобы не зарычать, когда этот парень проходил мимо.

— Что-то не так? — спросила она, изображая невинность.

— Нет. У меня всё хорошо, — прошипел он. — У каждого из нас есть прошлое. И неважно, с кем ты раньше спала.

— Хорошо, потому что я не помню и половины из них.

Тристан передвинулся ближе к Джосси, позволяя своей ноге прижаться к её. Под матовой стеклянной поверхностью столешницы она увидела, как его рука проскользнула с его бедра на её и остановилась только около коленки.

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, Джосси. Это не сработает.

— И что же я пытаюсь сделать?

— Ты пытаешься заставить меня ревновать. Я не пёс, который помечает свою территорию. Мне необязательно спать с тобой, чтобы доказать, что ты моя.

Джосси рассмешило это высказывание. Конечно, он должен переспать с ней. Как иначе кто-либо поверит, что он был с такой девушкой, как она?

— Ты веришь, что люди в большинстве своём хорошие? — спросила Джосси, сменив один тяжёлый разговор на другой.

— Полагаю, это зависит от того, какой человек для тебя является хорошим. Я не думаю, что есть некая генетическая предрасположенность к пониманию того, как быть хорошим человеком. Нацистские молодёжные организации считались угодными богу, террористы-смертники почитаемы сторонниками их дела. Делает ли это их хорошими? Станешь ли ты

хорошим человеком в значительной мере связано с окружающей тебя средой, с людьми, которые должны о тебе заботиться и воспитывать, и с обществом.

— Посмотри на моё окружение, на тех, кто должен был заботиться обо мне. Как вообще я могу быть хорошим человеком?

Тристана озадачил её вопрос. Конечно она хорошая. Она всё для него.

— Будда сказал: «Ни огонь, ни ветер, ни рождение, ни смерть не стирают наших добрых дел». Прежде чем ты пострадала от рук тех злых людей, ты жила с двумя любящими тебя родителями. И хотя ты можешь этого не помнить, я верю, что их представления и ценности крепко укоренились в той, кем ты стала.

Джосси смотрела на его руку, всё ещё накрывающую её бедро, его большой палец прочерчивал широкую дугу на её джинсах. Она могла почувствовать жар, исходящий от его ладони, легкое сжатие, когда его пальцы оборачиваются вокруг неё. Было трудно поверить в то, что она хорошая, но она хотела этого. Она хотела быть хорошей для него.

— Тристан, есть то, что ты не знаешь обо мне. То, что...

И как только эти слова были готовы вырваться из неё, появился официант и расставил тарелки с их ужином на столе. Вид и запах принесённых блюд вызвали в ней чувство сильного голода, и она забыла, что хотела сказать.

И как бы Тристан ни хотел, чтобы она открылась ему, это было не то место. Он знал, что Джосси полагала, что сможет отпугнуть его своим прошлым, но она недооценила его преданность.

Они ели в тишине, хотя та и не была неловкой. Атмосфера была мирной и дружеской. У вина был очень насыщенный вкус, и Джосси не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь пробовала настолько вкусную пищу. Её интересовало, что же делают такого с продуктами, чтобы блюда получались настолько вкусными.

Во время ужина Тристан старался не глазеть на Джосси. Она всегда была красивой, но сегодня она ещё и такая таинственная. И даже учитывая её волнение, она была самым великолепным существом, которое он когда-либо видел. То, что она здесь, живая, её присутствие в его жизни, — иногда всё это сбивало его с ног. И часто он приходил в ошеломленное состояние, когда обнимал её или целовал, вспоминая, как когда-то молил о подобном даре.

— Ты когда-нибудь задумывался о том, что могло бы случиться, если бы я никуда не уехала? — спросила Джосси.

Она не могла думать ни о чём другом, с тех пор как узнала об их прошлом. Она представляла себе другую жизнь, где она могла стать кем-то, кем могли гордиться её родители. Она могла бы быть в списках отличников школы или участвовать в оформлении школьного ежегодника. Она могла бы поступить в колледж и изучать искусство. Она могла бы править миром с этим мужчиной на её стороне.

— Я думал об этом много раз, начиная с того дня, как ты уехала.

— Расскажи мне, — попросила Джосси, сложив свою салфетку и положив её на стол.

Она позволила своим пальцам скользить по татуировкам на его коже, очерчивая ствол и ветки дерева под его закатанными рукавами. Тристан улыбался сотням воспоминаний, окружавших их старый дуб.

— Вечером, перед тем, как уехать в Нью-Йорк, ты приходила к нам на ужин. Моя мама приготовила твой любимый десерт — брауни с арахисовым маслом. Мои родители постарались сделать так, чтобы мы смогли в последний раз насладиться обществом друг

друга, но ты была совершенно потерянной, а я по-настоящему зол. Мы провели весь ужин в дурном настроении.

Тристан вздохнул и допил пиво. Одно лишь воспоминание о её потере могло заставить его сердце снова болеть.

— После ужина мы ушли посидеть на нашем дереве. На тебе была моя любимая голубая футболка и джинсы с дырками на коленях. Я помню, что притворялся, будто играю с торчащими нитками, чтобы просто оправдать прикосновения к тебе. Мы сидели молча некоторое время, не обращая внимания, что уже шёл отсчёт часов до нашего расставания. Когда наступил поздний вечер, твой отец позвонил и сказал, что придёт забрать тебя. Моя мама позвала нас в дом, но ты не хотела шевелиться. Ты цеплялась за меня и просила остаться с тобой наверху. Ты надеялась, что, если не спустишься, тебе не придётся покидать Луизиану.

— Похоже на мою логику, — саркастически прокомментировала Джосси.

— Час спустя, после угроз твоего отца и миллионов обещаний данных друг другу, мы вместе спустились. Это был последний раз, когда я тебя видел.

И хотя Джосси не могла помнить эту сцену, как Тристан, рассказ принёс ей такую же боль. В каком-то смысле она даже чувствовала облегчение из-за отсутствия этих воспоминаний. Она не была уверена, что смогла бы пережить всю ту старую боль вкупе с новой. Они бы убили её уже давно.

— Я плакала? Могу поспорить, я была плаксой.

— Нет. Ты не плакала. Ты была очень сильной.

Пока Тристан платил за ужин, Джосси задумалась о том, где та сила, которая вела её вперёд, полумертвую и без воспоминаний.

Они прогуливались рука об руку по Сипорт Виллидж, останавливаясь у витрин, хотя ни один из них не обращал внимания на товары. Тристан сфокусировался на том, как её маленькие пальчики обернуты вокруг его пальцев, на стуке её каблучков по мостовой и на их искривлённом отражении в витринах магазинов.

— А о чём эта татуировка? — спросила Джосси, постукивая пальчиком по изображению циферблата часов на внутренней стороне его левого запястья.

— Моё рождение. Здесь указано точное время, когда я явился на этот свет.

— А что насчёт этой?

Джосси дотянулась до его шеи, пробежав большим пальцем через две строки текста ниже его уха.

— «Всё было прекрасно и ни капельки не больно», — сказал он. — Главный герой «Бойни № 5» Воннегута придумывал фразы касательно смерти. Что-то вроде того, что надо смотреть только вперёд.

Их глаза встретились, и она очередной раз восхитилась его способности объяснять простыми словами сложные вещи.

— Пойдём, — сказал он беспечно и потащил её за руку.

Он привёл её в шляпный магазин, где они мерили шляпы и смеялись над каждой до боли в животе. Тристан придерживал громадную пляжную шляпу на голове Джосси, потянув её за мягкие края. Она улыбнулась и потянулась к выбранной им фетровой шляпе. Он надвинул её на один глаз, и они встали перед большим зеркалом в раме.

— Ты выглядишь соблазнительно, — сказала она, осматривая его отражение.

— Уговорила, — ответил Тристан, подмигнув ей.

Джосси покраснела и положила свою шляпу на полку, пока Тристан платил за свою. Она находила странным, что, несмотря на то, какими бы отклоняющимися от норм поведения раньше не были её поступки, они никогда не заставляли её стесняться. Тристан смог вытащить эти чуждые ей чувства на поверхность. Она нашёл способ заставить её поверить, что она достойна вновь почувствовать себя невинной.

Когда они пришли в магазин «Апстарт Кроу», который сочетал в себе кофейню и книжный магазин одновременно, Джосси увидела, какое наслаждение Тристану приносило пространство, наполненное печатным словом. Она чувствовала, что он мог бы часами прочёсывать каждую полку в поисках интересной книги. Несмотря на то, что она не разделяла его страсть, ей нравилось видеть его счастливым и в своей стихии.

— Не волнуйся. Я буду ограничивать себя, — произнёс он, оставив поцелуй на её щеке.

Он повёл её туда, где ряд за рядом стояли полки с книгами. Когда что-то привлекало его внимание, он осматривал обложку, как будто изучал шедевр живописи. Затем переворачивал книгу и читал то, что было написано на обратной стороне — рецензию или описание книги. Последнюю книжку, на которой он остановился, он перелистывал несколько раз. Джосси изумлял этот ритуал, и она улыбалась каждый раз, когда он передавал ей то, что выбрал для покупки.

Тридцать минут и четыре книжки спустя, они разделили кусок чизкейка и мокко со льдом в кофейне.

Тристан убедил Джосси покататься с ним на карусели, так что они выбрали себе место, окруженное целой процессией животных. Золотые огоньки и зеркала отражали их, и Тристан не мог не думать о том, как они выглядят со стороны. Когда карусель пришла в движение, он придвинул Джосси ближе к себе и обнял её рукой за плечи.

— Ты знала, что карусели впервые появились у турков и использовались в качестве оборудования для тренировки солдат. Это доказывает, что они существовали уже через пятьсот лет после рождества Христова.

Джосси улыбалась, когда он делился с ней подобными фактами, обожая всю эту бесполезную информацию.

— Правда? Расскажи мне ещё, — дразнила она.

Тристан закатил глаза и оставил мягкий поцелуй чуть ниже её уха. Они смотрели, как дети катаются, опускаясь и поднимаясь на лошадях и тиграх. Органная музыка убаюкала их до состояния полного спокойствия, пока они кружились как двое влюблённых, вращающихся вокруг собственной оси в своей вселенной.

Когда поездка закончилась, он провёл её к воде, где они стояли под фонарем, освещающим пляж. Витрины гасли одна за одной. Окончание дня подчёркивалось знаками «Закрито» и запертыми дверями. Тристан облокотился на ограждение, повернувшись спиной к воде, и подтянул Джосси поближе к себе. Он наклонил подбородок и захватил её губы. Джосси застонала в его рот, когда его руки проскользнули к низу её спины. Она могла чувствовать его ускоренный пульс, его тепло и жар окружали её. Она хотела большего. Она всегда хотела большего.

Тристан повернул их и прижал Джосси к ограждению, поймав её в ловушку своих рук. Его тело прижималось к её спине, когда она вздохнула и посмотрела на воду. Огни от Коронадо блестели на воде колеблющимися полосками. Небо покрылось покрывалом из звёзд, и нарастающая луна светила только для них. Джосси закрыла глаза, желая запомнить каждую деталь этого момента. Ведь никогда не будет лучше, чем сейчас.

Роб встретился с Моникой в её квартире. Они собирались остаться здесь и посмотреть кино. Она не нуждалась в свиданиях по всем правилам и грандиозных жестах. Они просто пропустили несколько традиционных для свиданий ритуалов, достигнув главного — много времени наедине с друг другом.

Их поглотило и притягивало друг к другу мощное чувство. Моника поняла, как просто ей быть собой, когда Роб рядом, хотя очень долго она не знала, какой была на самом деле. Она так выкладывалась на работе и с детьми, что не подозревала, что делает её целостной.

Роб облокотился на дверной проём, его светло-каштановые волосы спадали на лицо. Небрежная поза была полна уверенности. То, как светились его прекрасные глаза, когда они были вместе, пробуждало в Монике желание сбежать с ним и исчезнуть в ночи. Роб отошёл в сторону, давая ей возможность отпереть дверь, пока он оставлял поцелуи на её шее. Она никак не могла сосредоточиться, пытаясь наощупь найти ключи. Когда она наконец-то открыла дверь, он стащил громадную сумку с её плеча и поставил её на пол в квартире.

— Чёрт, малышка. Что у тебя здесь? Мёртвое тело? — спросил Роб.

— Нет, не сегодня. Просто одежда и аксессуары. Всё необходимое для идеального свидания. Ну, не для моего свидания, конечно. Для свидания Джосси. Подруги. Ладно, кто-то вроде подруги. Она познакомилась с новым парнем, только он не новый. Она знала его раньше. Ну, до всех её безумных жизненных катаклизмов. Я просто помогла ей подготовиться.

— Даже не пытайся просить меня кратко повторить это, — сказал Роб, усмехаясь.

Моника чувствовала, как будто ей предоставили небольшую передышку от подавляющего чувства вины, обычно ассоциирующегося с Джосси Бенкс. Она совершила хороший поступок сегодня. Она была так взволнована, когда Джосси позвонила и обратилась к ней с просьбой о помощи. Она бы сделала всё возможное, чтобы компенсировать этой девочке то, что с ней произошло. И если и было что-то, в чём Моника хорошо разбиралась, то это свидания. Она побывала на стольких свиданиях за последние десять лет, что потеряла им счёт. Не все они прошли неудачно, но ни один из тех мужчин не оказался тем, кто ей нужен. А с Робом всё по-другому. Он казался ей идеальным, тем, на ком она закончит свои поиски.

— Ты можешь поверить, что мне сегодня пришлось пройти по магазинам, потому что вчера кто-то украл почти всё моё нижнее бельё? — прокричала Моника из спальни.

— Что?

— Да. Я принесла партию белья для стирки на цокольный этаж в прачечную, но забыла двадцатипятицентовые монеты для стиральной машины. Так что я оставила бельё внизу. Поднялась сюда за деньгами. И когда я спустилась туда, моей корзины уже не было. Ох! Я так взбесилась. Кому вообще понадобилось грязное бельё?

— У тебя какие-то странные соседи, — ответил Роб, обеспокоенный пропажей белья для стирки.

— Ага, — прокомментировала Моника рассеяно, бегло просматривая почту.

— Какой фильм ты взяла?

— Какой-то ужастик, где всех порубили, и никто не выжил, — ответила она. — Я уверена, все традиции фильмов ужасов здесь будут соблюдены. Никогда не говори: «Я сейчас вернусь». Не ходи проверять, что это за странный шум. — Моника вошла в гостиную

и ухмыльнулась ему. — И никогда, вообще никогда, не занимайся сексом. Это стопроцентный способ оказаться мёртвым.

— Те убийцы должно быть сторонники celibата, — пробормотал он, — Идиоты.

— Ну, или мы можем пропустить фильм и просто потрахаться как кролики, — предложила она.

— Только если ты сможешь обеспечить нашу безопасность от серийного убийцы-психопата, дорогая.

— Не могу дать никаких гарантий, — подразнила Моника, расстёгивая блузку, и очень медленно попятилась в сторону ванны.

— Хорошо, сударыня. Я рискну.

Пока Тристан ехал домой, он поймал себя на том, что подпевает радио, хоть и не знает ни одной популярной песни. Если бы это не было так трогательно, он бы посмеялся над тем, что эта девушка сделала с ним. И хотя он всё ещё имел при себе нож и всегда носил пистолет, он чувствовал, что жестокость в нём проявляется всё реже и реже. Это было как проблеск мальчика, которым он был когда-то, до предательства и душевной боли. Он опять видел свет и чувствовал надежду.

Сегодня ему повезло, и он припарковался в своём квартале. Тристан достал пистолет из-под сиденья, поставил машину на сигнализацию и закурил сигарету по пути домой.

Было так трудно покинуть квартиру Джосси. Он старался быть джентльменом, но, когда она схватила его за воротник и атаковала его губы, он потерял весь самоконтроль. Там, рядом с её дверью, когда его губы захватили её, он показал ей всю свою нужду в ней. Она покачивалась рядом с ним, и он сдерживался изо всех своих сил, чтобы не взять её прямо там.

Джосси пригласила его войти, умоляя продолжить их вечер. Он знал, чего она хотела. Чёрт побери, он тоже этого хотел, но ещё не время. Ничего не произойдёт, пока он не заставит её поверить, что она достойна этого. К счастью, пришёл Алекс, ворвался в их сексуальное напряжение и просто пожелал им хорошей ночи. Тристан хотел поблагодарить его и убить одновременно.

— Фоллбрук, — позвал его знакомый голос на подходе к дому.

От звука этого голоса у Тристана подвело живот, и он незамедлительно потянулся к оружию. Он повернулся и увидел Падре на скамейке напротив своего дома. Он был меньше Тристана, но более пугающим. Как обычно на нём была накрахмаленная рубашка на пуговицах и Докерсы. Падре больше походил на шишку с Уолл Стрит, нежели на смертельно опасного убийцу. Его зловещая улыбка неожиданно прерывалась ярко красным шрамом, проходившим вертикально по левой стороне лица. Давний помощник Тристана, он оставил духовенство, чтобы отомстить за убийство своего брата. И больше не вернулся.

— Милая шляпа, — сказал Падре, усмехнувшись.

— Да пошёл ты, — ответил Тристан.

Они обнялись одной рукой и отошли друг от друга на безопасное расстояние. В их деле, тот, кто-то когда-то был твоим союзником, не факт, что останется им в дальнейшем.

— Давненько не виделись, чувак.

— Я должен был уехать, — просто ответил Тристан.

— Да, ну, пожалуй, я должен поблагодарить тебя. Меня повысили, когда ты соскочил.

— Мои поздравления. Как я могу догадаться, это не дружеский визит.

— Молони прислал меня передать тебе послание.

Атмосфера изменилась, опасные путы из угроз окружили мужчин, связывая их друг с другом.

— Тогда поторопись, — со злостью сказал Тристан, теряя терпение.

— Он сказал, что никто не выходит из дела живым, но хочет проявить щедрость. Он позволит тебе жить, если ты найдёшь и убьёшь эту девчонку.

Падре протянул к нему руку и показал фото с оборванными краями. Тристан почувствовал тошноту, взглянув в глаза юной МакКензи Делон. Ему пришлось использовать всё своё хладнокровие, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица.

— Эта девчонка мертва.

— Нет. Молони сказал, она жива и здорова. Из достоверных источников ему известно, что она здесь, в Сан-Диего. Я приехал только для того, чтобы передать тебе это. Конечно, за ней охотится ещё один наёмник, но если ты найдёшь её первым, то будешь жить.

— Я не трачу своё время, гоняясь за призраками! — закричал Тристан.

— Я всего лишь передал тебе сообщение, Фоллбрук. Не заставляй меня возвращаться сюда.

И он ушёл. Тристан знал, что его не просто пытаются запугать. Молони никогда не тратил время и деньги на пустые угрозы. Послание было громким и понятным. Если Тристан не найдёт её, они вернутся и возьмут плату его плотью.

Прошло уже три страшных, бессонных часа с того момента, как Падре покинул сбитого с толку Тристана на тротуаре перед домом. Можно сказать, он сбросил метафорическую бомбу и исчез в дыме после взрыва. Сейчас Тристан лежал на кровати, крепко сжимая пальцами старое фото МакКензи Делон. Невинное, невредимое лицо смотрело на него с глянцевого бумаги. Девочка, которую он помнил, девочка, по которой он горевал. Если быть честным, то эта девочка действительно умерла. Если сравнивать с пошлой, идущей в дневное время «мыльной» оперой, роль МакКензи Делон играла бы мрачная, обиженная на весь свет Джосси Бенкс.

Он был подавлен, как только узнал об опасности, грозящей Джосси. Гнев вырывался из его груди, и он в неистовстве ломал всё, что попадалось ему под руку в квартире. Это не была сознательная ярость, скорее, необузданная терапия через разрушение. Теперь на полу валялись осколки стакана, любимые им книги лежали кучей под перевернутой полкой. На гипсокартонной стене остались дыры, след от разрушения протянулся до его спальни, где он, в конце концов, остановился. Кругом остались красные полосы засыхающей крови, размазанные его пальцами, и он усмехался тому, насколько это символично. Ему связали руки.

Когда гнев рассеялся, остался только очень сильный страх. Не за себя, за Джосси. Он бы без раздумий принёс любую жертву, если бы это гарантировало Джосси безопасность. Он никогда не передаст её этому монстру, но это не значит, что кто-то другой этого не сделает. Падре сказал ему, что есть ещё один человек, занимающийся её поисками. Если Молони платил кому-то, значит тот хорош. И ему не понадобится много времени на его поиски.

Из этого бизнеса невозможно сбежать. Нельзя считать, что ты в расчёте, без какой-либо расплаты, плотью или деньгами. И когда сбегал, Тристан знал это. Но в то время он

предпочёл бы умереть, нежели оставаться рядом с Фионой и её вероломным сердцем. И каким надо быть везунчиком, чтобы найти свою давно потерянную любовь наверху противопожарной лестницы.

Тристан раздумывал, знает ли Молони о его связи с Джосси, либо он заказал убийство как наказание или проверку. Он думал о тёмном провале в памяти Джосси и о том, что могло спровоцировать появление приказа об её убийстве. Но больше всего его интересовало, что он будет делать со всем этим.

Он мог поспорить, что Молони виновен в смерти отца Джосси и её амнезии. По какой ещё причине Молони желал бы её смерти? Здесь явно есть связь с делом её отца.

Он подумывал о побеге. Он мог забрать Джосси, силой, если в этом будет необходимость, и отвести её в какую-нибудь далёкую страну, где они будут прятаться среди местных. По правде сказать, Тристан знал, что этот план никуда не годится. Им придется всё время жить с оглядкой, находясь под дамокловым мечом. Джосси достойна лучшей жизни. Ему нужен козырь в рукаве, то, что нужно Молони больше, чем Джосси. Он вздохнул, перевернулся, спрятал фото под подушку, и, наконец-то, смог заснуть.

Глава 10

Перигей

Точка на орбите луны, где она ближе всего к Земле

В ночном воздухе уже чувствовалась прохлада, когда Алекс направился в «Тёмную комнату». Увидев вывеску, он пожалел, что не узнал заранее, что это за место. Он вдруг почувствовал себя чумазым работягой из шахты среди людей в костюмах. Но это не важно. У него миссия. То, что он собирался сделать, звучало как клише и выглядело слишком драматично, но он не мог ничего с собой поделать.

Не обращая внимания на косые взгляды, Алекс сел за барную стойку в ожидании Тристана. Светловолосая официантка поставила поднос неподалёку и вздохнула. В то время как Тристан выполнял её заказы, Алекс отвлекся, наблюдая за движениями её задницы под юбкой.

— Что я могу тебе предложить? — спросил Тристан.

— Я здесь не для того, чтобы пить, — ответил Алекс.

— Что ж, ты стоишь у моего бара, значит для этого. Как насчёт чего-нибудь лёгкого и фруктового?

Эти двое, похоже, пришли к негласной ничьей.

— Не, мужик. Давай покажем всем, откуда я родом, с помощью «Дос Эквис», — сделал заказ Алекс.

Тристан открыл бутылку и поставил её на пустую барную стойку.

— Вообще-то, «Дос Эквис» начал производить немец, эмигрировавший в Мексику.

— Как угодно, мужик.

Алекс достал несколько купюр из кармана и положил на барную стойку. Тристан подтолкнул деньги обратно к Алексу.

— За счёт заведения.

— Я пришёл сюда поговорить с тобой без Джосси. Она взбесится, если узнает.

— Так, это будет тот самый разговор, когда ты попросишь меня держаться подальше от неё. Я недостаточно хорош?

— Не, вы, два придурка, не слушаете меня. Я сделаю это проще, Дон Перфекто. Я

знаю, что ты заботаешься о ней, но у этой девушки есть проблемы.

— Мне не нужны советы о том, как справляться с её проблемами.

— Если ты обидишь её, я приду за тобой, — пригрозил ему Алекс.

— А, это же «я убью тебя» речь. Я сделал неправильные выводы. Предупреждаешь меня об опасности.

— Я серьёзно. Я заботился о ней ещё до того, как ты появился, — сказал Алекс и поднял брови, намекая на большее, чем отважился сказать.

— Да, я абсолютно уверен в том, как ты заботился, — выплюнул Тристан сквозь зубы.

— И я останусь с ней после того, как ты уйдешь, чувак.

— Я никуда не собираюсь уходить, — фыркнул Тристан.

— Я вполне могу заказать твоё убийство.

— Встань в очередь. — Воздух между ними искрился, подпитываемый страстью и заявленными угрозами. — Я никогда не сделаю ей больно. Спасибо, что заглянул.

Таким образом, разговор с Алексом был закончен. Тристан ушёл к другому концу бара и, включив одну из своих профессиональных улыбок, начал выполнять остальные заказы.

Удовлетворенный тем, что его послание доставлено, Алекс бросил несколько купюр на барную стойку и оставил нетронутое пиво там, где сидел. Домой он вернулся очень уставшим. Он устроился на кровати, включил спортивные новости и погрузился в сон.

Несколько часов спустя Алекс проснулся от крика. Он быстро освободился от комфортных дорогих простыней, готовый к драке. Через секунду после того, как его ноги коснулись пола, он уже чувствовал знакомые ощущения от пистолета в руке, до этого лежавшего на прикроватном столике. Немного погодя он понял, что это миссис Томпсон опять кричит на своего кота. Он рассмеялся и вернулся в постель, положив свою беретту на обычное место.

Сон не шёл к Алексу после того, как он снова лёг в кровать. Его мозг работал, разбирая по кусочкам прошедший день. Поставка, которую нужно было забрать, внести в опись и распределить. Одним из недостатков работы в одиночку является то, что приходится исполнять роль и генерального директора, и продавца, и бухгалтера. Работа заняла большую часть его дня. После обеда он отправился в Чула-Виста, чтобы разобраться с долгом. Он никому не позволял злоупотреблять его щедростью. С Алексом всегда надо расплачиваться. Когда-нибудь эти панкующие ребяташки запомнят, что его нельзя просто так кинуть.

Алекс уже точно не помнил, каким образом оказался втянут в эту игру, которая давалась ему так легко. Казалось, эта тропинка была вытоптана специально для него с рождения. Он был бандитом, самым настоящим торговцем наркотиками. Большинство сделок заключалось с богатенькими детками с Банкерс Хилл, с людьми среднего возраста с окраин и гомиками из Хиллкреста. И хотя его мать мечтала о лучшей жизни для своих детей, в их семье это вряд ли могло произойти в связи с отсутствием наглядного мужского примера. Его отец продавал наркотики, как и его старший брат. Они оба поплатились за это. Брат был убит за содержимое его кошелька и десятидолларовый пакетик наркотиков, в то время как отец пробыл в тюрьме большую часть детства Алекса. Когда его освободили, он попытался научить мальчика, как быть мужчиной. Он показал ему, как стрелять из пистолета, как хитрить на улицах и как сделать так, чтобы женщина знала своё место. Уроки не прошли зря для впечатлительного мальчика.

Сколько себя помнил, Алекс имел те же приоритеты в жизни: богатство, власть и женщины. Не обязательно в таком порядке. У него были немалые сбережения, набор

разнообразных наркотиков и кровавые деньги, отмытые от грехов и методично перемещаемые в банк на окраине. Он всегда легко получал власть. Внушительные размеры и авторитетная манера держаться помогали в этом. С женщинами была совсем другая история.

Алекс перевернулся и вздохнул. Он был разозлён тем, что старушка прервала его сон, а вместе с ним и жаркие мечты, включающие в себя двойняшек. Прошло уже две недели с того момента, как он трахался в последний раз. Но больше всего его беспокоило, что ему было всё равно. Секс обычно становился лишь средством получения удовольствия. Он звонил одной из своих постоянных подружек, трахал её, пока та не теряла дар речи, и уходил ещё до того, как её голова коснётся подушки. Его навыки в скором времени проводили к тому, что с губ насытившихся женщин слетали смущающие его слова и фразы: *Свидание, ужин, бойфренд*. Когда девушки становились слишком навязчивыми, он наносил удар в самое уязвимое место, а когда нуждался в тяжелой артиллерии, оскорблял их, указывая на недостаточную искусность в сексе.

Длительные отношения были чем-то неслыханным в его бизнесе. Совершенно непрактично доверять кому-то настолько, чтобы другой человек хранил твои секреты и знал твои сокровенные мысли. Алекс был счастлив в одиночестве с пятидесятидюймовым плазменным телевизором, силовыми тренажерами и импортным пивом. В конце концов, он так себя убеждал.

Потребовалось увидеть Тристана и Джосси вместе, чтобы повернуть его лицом к правде о его одиночестве. Алекс никогда не видел настолько явного проявления любви между двумя людьми. Каждый раз, когда Тристан смотрел на Джосси, в Алексе разгоралась такая ревность, что он просто не мог долго находиться с ними в одном помещении. И вовсе не потому, что у него появились чувства к соседке, он просто завидовал им. Он ревновал, потому что просто не знал, чего он на самом деле хочет. В первый раз в жизни, то, чего Алекс жаждал, не могло быть куплено или продано в независимости от величины его состояния, власти или женщин, которыми он обладал.

Джосси проснулась, чувствуя себя лучше, чем когда-либо. В воздухе потрескивало электричество, от её тела исходило тепло. Её губы ещё покалывало от воспоминаний о зубах Тристана, задевающих их. Её тело всё ещё горело в тех местах, где его руки крепко сжимали её. Полуденное солнце поприветствовало её через окно, позволяя радуге танцевать на её ногах. Она чувствовала себя странно, как будто внутри неё жил незнакомый ей человек. Что-то было не так, не плохо, но и не так, как раньше. Её руки скользнули по телу, поверх живота и, в конце концов, поднялись к лицу. Тут она поняла, что же было необычно. Она проснулась с улыбкой.

Оставаясь человеком привычек, Джосси в последнее время стала замечать, что отходит от своего обычного поведения всё больше и больше. Она стала рисовать меньше, лица больше не взывали к ней, призывая изобразить их. И она уже некоторое время не оставляла свои тэги. И хотя она любила бродить под покровом ночи, любила рассекающий воздух звук рисования и трепещущие в её сознании образы, она оставила это позади, больше не нуждаясь в них, как раньше.

Нынешняя Джосси устанавливала зрительный контакт с незнакомыми людьми и приветственно махала рукой своей ненормальной соседке миссис Томпсон, когда проходила мимо почтовых ящиков. Она до сих пор навещала Гэвин, хотя и не так часто. Она

чувствовала себя оторванной от прежней жизни в попытке ухватиться за что-то новое. Алекс до сих пор навещал её, приносил еду и составлял ей компанию, пока она ела. Джосси заметила, что ей приятна его опека, и хотела отблагодарить его, но пока не смогла придумать ничего подходящего.

Прошло три дня с их с Тристаном свидания, а она уже переживала из-за разлуки с ним. Казалось, даже дышать стало тяжело в его отсутствие. Свет тускнел, и пустота вызывала у неё тошноту. Если Тристана нет внутри этих тонких, как бумага, стен её квартиры, она тоже не хочет находиться здесь. Джосси задавалась вопросом, разумно ли так быстро чувствовать такую привязанность к кому-то. Она решила, что ей всё равно.

Часами она сидела на голом матрасе в своей спальне и рассматривала нарисованные карандашом лица. Здесь было так много изображений Тристана, каждое было настолько детальным и близким к оригиналу. Джосси задумалась, как она вообще могла забыть его.

У её матери была добрейшая улыбка, такая, какая по представлениям Джосси, должна быть у каждой матери. Взгляд этих тёплых глаз обращен на неё, небрежно нарисованные углём линии не могли убавить их мягкость. Тристан описал мать Джосси как весёлого человека свободного духом, как женщину, посвятившую себя заботе о своей семье. Она умерла в автокатастрофе за год до того, как они покинули Луизиану.

Её отец был красивым мужчиной, но казалось, что на каждом рисунке в его глазах отражаются волнение и печаль. Может быть, потому что она помнила Эрла только в период, когда её мать погибла. Она хотела, так сильно хотела, помнить, какими ощущались его объятия или каким был тембр его голоса.

Родители Тристана также присутствовали на стене её памяти. Его мать, Битси, и отец, Даниэль, были такой красивой парой. И нетрудно догадаться, в кого Тристан вырос таким привлекательным мужчиной. Его голос сквозил гневом и печалью, когда он рассказывал о своих родителях, но Джосси знала, что он скучает по ним. Из того, что он сообщил ей о них, она поняла, что они хорошие люди, желающие только лучшего для своего сына. Наблюдая за происходящим со стороны, они вполне могли представить то губительное будущее, которое предстояло ему, останься он с Фионой, и старались предостеречь его.

Солнце заходило в преддверии нового дня, и когда огненно-красный свет заполнил квартиру, Джосси задумалась о начинаниях и свершениях. Она осознавала свою потребность в Тристане, потребность закончить своё бесцельное скитание по жизни и начать всё заново с ним. Страх подавлял её, заставлял чувствовать себя недостойной мечты о подобном будущем.

Джосси хотела позвонить Тристану и попросить его зайти ненадолго, но при этом боялась отпугнуть его, проявляя такую навязчивость. Неожиданно она возненавидела одиночество. Пока он снова не появился в её жизни, когда Джосси испытывала подобные чувства, она просто отправлялась на поиски очередного сексуального партнёра. С этим никогда не возникало сложностей, небольшой флирт, продолжительные взгляды, и мужчины были словно глина в её руках. Она хотела лишь теплую постель и оберегающие руки, обёрнутые вокруг неё. Оргазмы и наркотики были всего лишь бонусом.

Теперь подобное казалось невозможным. Она не желала чувствовать чужие руки, она мечтала только о его сильных руках, покрытых татуировками. Она хотела поглотить его. Она хотела жить для Тристана и только для него.

Решившись на очередное ночное рисование тэгов, она надела худи Тристана, схватила сумку и повязала бандану вокруг шеи. Её внешний вид не соответствовал последним модным

веяниям, а служил для того, чтобы скрыть лицо во время рисования. Она как раз искала обувь, когда постучали в дверь.

Она понеслась через всю квартиру, её ноги в носках сильно скользили по деревянному полу. Джосси немного занесло, перед тем как она остановилась, чтобы открыть дверь. Облегчение от вида Тристана перед ней было слишком сильным, чтобы она могла совладать с ним. Джосси облокотилась на дверной проём, стараясь удержаться на ногах.

— Никогда больше не открывай так дверь, Джосси! Чёрт побери, спроси для начала, кто за дверью, — Тристан начал злиться.

Она помрачнела, когда его грубые слова ударили её, словно кулак. Тристан зашёл в квартиру, хлопнув за собой дверь и закрыв её на замок. Он устроился на диване, сминая случайные рисунки под своими ногами, не обратив на это внимания.

— Тридцать восемь процентов нападений и шестьдесят чёртовых процентов изнасилований случаются в домах жертв. Ты хочешь пополнить эту статистику? Я не могу вынести даже мысли о том, что тебя учтут через алгоритм для измерения данных уровня преступности в Сан-Диего.

Неуверенная в том, как повести себя в этой ситуации, Джосси осторожно подошла к нему. В своей жизни ей приходилось слишком много раз иметь дело с разгневанными людьми, даже не сосчитать, и она была уверена, что научилась всем возможным способам, которыми можно отвлечь разозленного человека. Не так давно в доме, который она была вынуждена называть родным, это было средством для выживания. Она стала экспертом в том, как выйти из опасной ситуации с минимальным ущербом для себя.

Но она не знала, как действовать в случае с Тристаном. Он ещё никогда не разговаривал с ней так резко. Тристан потёр своё лицо и сделал глубокий вздох, постепенно успокаиваясь. Джосси подумала, что он выглядит так, словно нуждается в сигарете. Она расстроилась, что у неё нет ни одной. Так что постаралась дать ему всё, что была в состоянии дать.

Забравшись на колени Тристана, Джосси оседала его ноги. Она обхватила руками обеспокоенное лицо Тристана и посмотрела в его глаза. Она увидела его сострадание, ей так хотелось расшифровать его мысли, успокоить его рассудок.

— Что не так? Что я сделала? — прошептала она.

Тристан покачал головой, он был сам себе противен. Его неосмотрительные действия заставили её чувствовать себя так, будто она совершила преступление. Её слова только подстегнули его гнев, ему хотелось наказать себя за своё же невежество. Тристану необходимо было показать ей, как много она для него значит. Он должен заставить её увидеть, что та девочка из его прошлого и девушка, находящаяся перед ним сейчас, владели его сердцем. Она всегда владела им. Его темперамент взял над ним верх, и он направил свой гнев на человека, который меньше всего этого заслуживал.

— Ничего, Джосси. Ты ничего такого не сделала. Я просто засранец. У меня был плохой день, — ответил он, целуя её в лоб.

Тристан лёг на подушки и закрыл глаза, стараясь успокоить свой сверхактивный мозг. Из-за близости Джосси сердце билось сильнее от тепла её тела поверх его. Его одолевали мысли о приближающейся опасности и о возможных выходах из возникших обстоятельств. На данный момент ситуация виделась ему очень ненадёжной, и он не мог найти решения.

— Позволь мне сделать так, чтобы ты почувствовал себя лучше.

Её проворные пальцы двигались быстро, умело справляясь с пряжкой его ремня. Одолев её, она приступила к пуговицам на ширинке. Медленно целенаправленно она ощупывала его

длину.

— Джосси, ты...ты не должна делать этого, — сказал он, заикаясь, пока её прикосновения не поглотили полностью его внимание.

— Я хочу сделать это.

Он так долго отказывал себе в физическом удовольствии с Джосси и более не намеревался так наказывать себя. Ему казалось, что она нуждалась в этом так же сильно, как и он. На несколько минут он смог забыть об опасностях, грозящих МакКензи, и сконцентрировался на способностях Джосси.

Тристан прочистил горло, когда их взгляды встретились. В квартире было пугающе тихо, как будто они вбирали в себя каждый вздох и желание друг друга. Его глаза были тёмными и голодными и, казалось, просили большего. «*Больше*», — звенел голос в голове Джосси, — «*Больше*». Она хотела дать ему больше. Она сама хотела большего.

Тристан сжал в руке диванную подушку, хриплые звуки слетали с его губ, пока он наблюдал, как Джосси спускалась вдоль его тела. И хотя это было далеко не первый минет в его жизни, он был определенно самым интенсивным. Он пришёл сюда в плохом настроении, неспособный больше ни минуты оставаться вдали от неё. Он был напуган и волновался за её безопасность. Ему хотелось наконец-то начать жить, а не просто существовать в водовороте утомившей его неразберихи. Благодаря мягким губам Джосси, обернутым вокруг него, он ожил.

Джосси ещё никогда так сильно не хотела доставить кому-то удовольствие. Она никогда так открыто не демонстрировала своё желание отдавать. Она понимала, происходящее сейчас больше, нежели просто физический акт, но она пока не могла принять это. Вскоре бедра Тристана задрожали, приподнялись ближе к ней. Его пальцы крепко обернулись вокруг её волос.

Она почувствовала, как заболела её челюсть, руки, поддерживающие её тело над его коленями, горели и дрожали, но она старалась не обращать внимания на ощущения дискомфорта. Тристан яростно подходил к кульминации, произнося её имя между тяжёлыми вдохами и выдохами. Она отдавала так же много, как и брала. Она чувствовала, что им никогда не будет достаточно.

— Я не поэтому пришёл сюда, — сказал Тристан, приведя себя в порядок. — Хотя должен признать, что твоё умение отвлекать оказалось на удивление эффективным.

Джосси оставалась тихой, не желая оправдываться за самый исключительный оргазм, которому была свидетелем. Вместо этого она придвинулась ближе к нему, крепче обхватив его вокруг рёбер. Тристан тяжело выдохнул, когда его пальцы пробежались по её волосам.

— Прости меня за то, что я накричал на тебя. Мне просто нужно было тебя увидеть, — признал он свою вину.

Джосси приподнялась и села так, чтобы видеть его лицо. Она провела кончиками пальцев по его бровям, разглаживая морщинки, олицетворяющие всё его волнение. По его лицу явно можно было прочесть выражение чувства вины, и она хотела стереть его.

— Ты видишь меня. Ты всегда видишь меня. Вот это и пугает.

Он поцеловал её губы, недоумевая, как сделать так, чтобы она поняла, что ей не надо бояться, только не его. Тристан обдумывал, стоит ли рассказать ей об угрозе, исходящей от Молони. Он не хотел принимать никаких решений без её участия, но при этом не желал своими руками серьёзно вовлечь её в это. Он очень боялся, что она снова исчезнет. Он знал без всяких сомнений, что во второй раз не переживёт это.

Морт три дня прочёсывал Парк Бальбоа в поисках девушки. Он даже оделся в истрёпанную и грязную одежду, стараясь влиться в группу местных бродяг. Большую часть дня почти все они прятались в тенях каньона или просили милостыню в даунтауне. Ночью же они свободно передвигались по парку в поисках еды или ещё чего-нибудь ценного.

Он знакомился и расспрашивал местных, но так и не нашёл Джосси Бенкс. Иногда он мог бы поклясться, что видел её лицо, но стоило им обернуться, как оказывалось, что это совсем другие девушки с тёмными глазами и страшным прошлым. Нищета и невезение не предопределялись каким-то определенным типом личности. Подростки, дети, даже целые семьи любого цвета и расы безнадежно прозябали. Морту было нетрудно представить себя в их положении, так могло случиться, если бы он не устроился работать на Дина Молони.

По случайности Морт расположился на той самой скамейке, к которой так часто приходила Джосси. Он наклонился, локти положил на колени, руками обхватил голову. В какой-то момент он почувствовал, что кто-то сидит рядом.

— Ты здесь новенький.

Мотр кивнул, не подняв головы.

— Я Гэвин, твой консьерж на этот вечер. Ты что-то ищешь?

— Девчонку.

— Что ж, сегодня у тебя счастливый день, красавчик.

Морт вздохнул и откинулся на скамейку, перед тем как пробежаться взглядом по своей новой знакомой. Она выглядела усталой, перенёсшей тяжелые невзгоды, но что-то такое глубокое было в её глазах.

— Определенную девчонку.

— О, хорошо, я поняла. Я не твой тип. Не беспокойся, ты тоже не мой тип.

— Девчонку зовут Джосси, — сказал Морт сквозь сжатые зубы.

— Джосси? Что же ты сразу не сказал? Не видела её уже пару недель, но ты определенно оказался в правильном месте.

Гэвин указала на замысловатую подпись «ДжейБи» на поверхности лавки между ними. Спина Морта выпрямилась, и он постарался сдержать выражение триумфа на своём лице.

— Круто. Это круто.

— Что тебе нужно от неё? — спросила Гэвин, вдруг заволновавшись.

— Я должен ей денег. Ты знаешь, где я могу найти её?

— Хм, я бы могла сказать. Но я не знаю тебя, чувак. Что если она не хочет, чтобы её нашли?

Тотчас выражение лица Морта обратилось из невинного в злое. Он вытащил нож с выкидным лезвием и приставил его к горлу Гэвин.

— Ты скажешь мне или умрёшь.

Мысли Гэвин зашатались в беспорядке, когда она почувствовала смертельную хватку. Этот мужчина убьёт её, она знала это. Если она не скажет ему то, что он хочет узнать, её жизнь закончится здесь, на этой скамейке. Она посмотрела на один рисунок Джосси, простой автопортрет. Тут не о чем было и думать.

— Значит, сегодня я встречу с создателем, — ответила она твёрдым голосом.

Крика не прозвучало, когда лезвие проникло в её плоть. Она не умоляла сохранить ей жизнь. Она не изменила своего решения. Гэвин закрыла глаза и тихо ушла под ярким

навесом из зелёных листьев.

Час спустя Морт вернулся в квартиру, где смыл кровь вместе с разочарованием со своих рук. Очистившись, он лёг на кровать, размышляя о том, что же он дальше предпримет. Стоило ему задремать, зажужжал телефон.

— Морт, — ответил он.

— Узнал что-нибудь о девчонке? — спросил его зловещий голос.

Морт взглянул на телефон, как будто этот человек мог выйти из него и схватить его за горло, если его не удовлетворит ответ.

— Я нашёл только её социального работника.

— Действуй агрессивней. Те ублюдки в Нью-Йорке действительно напортачили с этим делом, — усмехнулся Молони.

— Я понял.

— Я меня есть один мой бывший наёмник, который тоже занимается её поисками. Если он найдёт её первым, тебе не повезёт, мой друг.

Связь разъединилась, и Морт уронил голову на подушку. Слово «друг» резонировало в воздухе, сквозив пренебрежением и всем чем угодно, но только не дружелюбием. Он потратил так много времени на эту работу, и теперь Молони послал кого-то ещё закончить её. Морт прекрасно понял, какую мотивацию несла эта угроза. Ему нужны эти деньги, всё его будущее зависит от этого.

Бросив телефон на стол, он поклялся одержать победу в этой игре. Морт взломал внутренние архивы службы помощи детям. За какие-то несколько минут он вошел в систему как зарегистрированный пользователь и начал поиск Джосси Бенкс.

Он нашёл её файл и отметил, что ответственным сотрудником по этому случаю была Моника Темплтон, Морт удовлетворённо улыбнулся. Он проследит за Джосси с помощью недостатков системы по защите детей, изучая последовательные отметки о регистрации, происходившие каждые двенадцать недель.

Сначала она была размещена в детском доме для девочек в Сан-Диего Каунти. Через шесть месяцев она была помещена в приемную семью к мистеру и миссис Спенглер. Эта пара жила в хорошем районе на окраине города и казалась идеальной семьёй на бумаге.

Морт прокрутил документ до конца. Прискорбно, что почти четыре года из детства девочки с такой легкостью учтено и сжато в этом маленьком файле. Пока он читал записи, детально описывающие ужасающее жестокое обращение с ней, он чувствовал себя так, как будто его кто-то душит.

«Мистер и миссис Спенглер были обвинены в преступной халатности и жестоком обращении, будучи опекунами Джосси Бенкс. Они оба были осуждены и отбывали срок раздельно. Дениз была освобождена раньше, в марте 2010, а её муж, Стивен, освобождён в ноябре 2010, оба остались жителями Сан-Диего Каунти. Записи по информации об условно-досрочном освобождении смотрите ниже», — прочитал Морт. Эти слова внушали ему отвращение.

Из детального описания этого дела было ясно, что ни один из случаев жестокого обращения не был обнаружен до тех пор, пока Джосси не исполнилось восемнадцать лет, когда она уже перестала находиться под опекой штата.

Он почувствовал волну тошноты, прошедшую сквозь его тело. Исполняя свою работу, Морт повидал многое. Он видел достаточно крови и резни, и этого бы хватило на несколько жизней. Но это тут абсолютно другое. Он также когда-то стал жертвой жестокости взрослых

людей, которым он доверял, глава в его книге, которую невозможно забыть. Те люди были монстрами.

В то время как он сочувствовал Джосси и сожалел обо всём том, что ей пришлось вытерпеть, у него была работа, которую он должен выполнить. Поэтому для его же блага ему лучше воспринимать Джосси как чек, который он получит за работу. Он знал, что ему надо действовать быстро, в противном случае ему может помешать другой человек Молони. Он быстро вышел из системы и выключил компьютер.

Глава 11

Умбра

Тень Земли, перекрывающая свет Луны

В Северной Калифорнии шёл дождь, и местные жители как будто растерялись от неожиданности. Пешеходы торопливо передвигались по улицам, находя укрытия под навесами различных ресторанов и букинистических магазинов. Незнакомцы толпились под найденными укрытиями, стоя так близко друг к другу, что и речи не шло о личном пространстве и нарушении физических границ. Льющаяся с неба вода собиралась в лужи на уличных бордюрах и на сухих пальмовых листьях.

Моника торопливо шла по тротуару и была раздражена всем тем, что сопровождало подобную ненастную погоду. Вывеска одной из кофеен манила её войти внутрь, неоновый свет тотчас же напомнил её телу о потребности в кофеине. Она просачивалась сквозь группы укрывающихся от дождя людей то здесь, то там, иногда бросалась под сильный ливень, небольшими перебежками продвигаясь к пункту назначения. Мужчина, идущий перед ней, единственный одетый в соответствующую погоде одежду и обутый в дизайнерские туфли, так сильно размахнулся дверью, что сбил её с ног. Моника взвизгнула и схватилась за его рукав, чтобы не упасть, а в итоге опрокинула их обоих на землю.

— Чёрт! — воскликнула она, чувствуя, как вода просачивается через ткань её юбки-карандаш.

— Я так извиняюсь, — сказал мужчина, быстро поднявшись и предложив свою руку и извиняющуюся улыбку.

Она приняла протянутую руку и позволила укрыть её полый его плаща. Моника попробовала оценить ущерб. Она знала, что её задница намочила и, может быть, там будет синяк, её волосы в беспорядке, и она сломала ноготь. «Подобное дерьмо всегда происходит, как только они отрастают одинаковой длины», — подумала она.

— Вы в порядке? — спросил мужчина, в его голосе ощущалась забота.

У него было немного круглое лицо, как у ребёнка, но при этом он оставался привлекательным. Его выющиеся тёмные волосы коротко подстрижены, а хитрая улыбка как будто подсказывала, что он что-то скрывает.

Оксфордская рубашка обтягивала его грудь, очерчивая мускулистое тело под повседневной одеждой. Вскоре Моника поняла, что без всякой на то причины, улыбается ему в ответ.

— Со мной всё хорошо, правда.

— Хорошо, если вы уверены. Эй, позвольте мне купить вам кофе. Что будете пить? — предложил он, показывая на меню.

Моника покраснела, подошла к прилавку и сделала свой обычный заказ. Он последовал за ней и заказал то же самое. Они ожидали свои напитки в полной тишине —

продолжительные взгляды, лёгкая улыбка — на лицо все признаки флирта. И хотя она не могла не сравнивать этого мужчину с Робом, Монике льстило подобное внимание.

— Вы можете поверить в то, что люди просто сошли с ума, когда начался дождь? — в конце концов, сказал он.

— Мне ли не знать! Мне хочется крикнуть им: «Это просто вода!».

Он искренне рассмеялся, стали отчетливо видны ямочки на его щеках, смягчающие черты лица. Бариста сообщил о готовности их заказа, и они забрали свои чашки с прилавка.

— Так вы должно быть не местный?

— Нет, я из Такомы. Что выдало меня?

— Вы носите плащ, ни у одного местного жителя нет плаща, — она нервно вертела чашку в руках. — Так что вы, наверно, эксперт по подобной погоде, ведь так? Я слышала, что у вас там никогда не светит солнце. У людей дефицит витамина D, а дождь идёт чуть ли не каждый день?

Он покачал головой и улыбнулся ей.

— Не всё так плохо.

— Что ж, спасибо за кофе... — Моника сделала паузу, ожидая, что он назовёт своё имя.

— Эван.

— Эван, — повторила она. — Я Моника. Спасибо ещё раз и удачи вам там, снаружи. Постарайтесь оставаться в вертикальном положении до конца дня.

— Вы тоже, — ответил он, поднял свою чашку и триумфально улыбнулся, наблюдая за её скоропалительным побегом.

Джосси попыталась осознать заявление Тристана. Своими глазами, в которых отражалось всё её волнение, она практически видела, как его слова летели через комнату и проскальзывали в её голову. Он излагал всё таким обыденным тоном, но при этом так интересно, как будто он цитировал один из своих занимательных фактов.

— Ты хочешь сказать, что Дин Молони, один из боссов преступного мира, хочет, чтобы меня убили? И вдобавок ко всему, он попросил тебя сделать это? — пронзительно кричала Джосси.

— Да, — спокойно ответил Тристан.

— Почему меня? Кто тот другой человек, ищущий меня? Ты знаешь его? Знает ли Молони о том, что мы знакомы? Он никак не может этого знать.

— Я не уверен, что он уже обнаружил связь между нами. Мы были тогда ещё детьми. Но я точно знаю, что это как-то связано с твоей амнезией. Предполагаю, что он может быть ответственен за смерть твоего отца и твоё исчезновение. Ты бы не хотела попробовать гипнотерапию, чтобы восстановить память?

— Мы уже через это проходили. Ничего не работает. — Тристан увидел, как Джосси крепче ухватилась за край кухонной стойки. Её локти были согнуты, плечи приподняты и напряжены, голова опущена. — И что я собираюсь с этим делать? — прошептала она.

Слова лились из её рта и кружились перед исчезновением.

— Мы, — поправил её Тристан.

— Что?

— Что *мы* собираемся с этим делать? Думаю, я должен вернуться в Новый Орлеан и посмотреть, что там можно найти, но я не хочу оставлять тебя одну здесь.

— Возьми меня с собой, — предложила она, повернувшись к нему лицом.

— Абсолютно точно нет! Шансы, что кто-нибудь узнает тебя, невелики, но если кто-то узнает, информация распространится очень быстро. Тем более, ты будешь на территории Молони. Тебе нужно остаться здесь. Не говоря уже о том, что я вообще-то у него не на хорошем счету. Если Молони выяснит, что я был здесь... — он умолк.

— Я хочу помочь. Я не могу сидеть без дела, пока ты собираешься рисковать своей жизнью, Тристан!

— Просто не выходи из своей квартиры. Я поговорю с Алексом и попрошу его не спускать с тебя глаз в моё отсутствие. Кто бы не искал тебя, он пока тебя не нашёл, так что лучше оставаться здесь. Отсюда до Нового Орлеана тысяча восемьсот семьдесят две мили. Если я уеду утром, избежав пробок, и буду придерживаться среднего предела скорости на хайвэе, я буду там к вечеру вторника.

— Чёрт, — пробубнила Джосси, плюхнувшись на один из её шатающихся кухонных стульев.

Тристан наблюдал за тем, как она восприняла настолько плохие новости. Он знал, что это ситуация была опасна для них обоих, но он практически почувствовал облегчение, что теперь не он один знает об этом. Джосси обхватила себя руками, кончиками пальцев растирая виски.

Он никогда ещё не встречал человека, который мог бы заставить его чувствовать себя настолько целостным и неполноценным в одно и то же время. Она одновременно открывала в нём и лучшее, и худшее. Она заставляла его сомневаться во всём, что он когда-либо знал, а он всё равно желал ползать у её ног и исполнять всё, что она пожелает.

Когда он простился с ней, будучи ребёнком, он даже представить не мог, что получит второй шанс. Сейчас была возможность сделать всё правильно, помочь ей восстановиться и сделать так, чтобы она привязалась к нему. Они никогда не смогут вернуть потерянные годы, но они могут начать заново, если только она позволит.

Тристан обнял Джосси, посадив её на диван. Она забралась на его колени и устроила свою голову под его подбородком. Её пальцы беспощадно впивались в его кожу. Ей казалось, что, если она позволит ему уйти, он исчезнет навсегда.

Тристан тем временем рассматривал убогую квартирку Джосси и не мог сдержать досады от того, что на каждой поверхности, на всех стенах и дверных проёмах, красовались рисунки, сделанные красками или чернилами.

— Рисунки в твоей спальне — это одно дело, Джосси. Но ты должна перестать разрисовывать свою квартиру. Ты так никогда не вернёшь свой залоговый депозит.

— Кто сказал, что я платила залоговый депозит? Я могла договориться о других условиях в случае моего отъезда.

Тристан посмотрел в её глаза.

— Я могу быть очень убедительной, когда мне это нужно. У меня есть свои методы. — Он вздрогнул от скрытого смысла её слов. — Помимо этого, мне всё здесь нравится. Может быть, я никогда отсюда не уеду. И когда я умру, то буду настолько знаменитой, что люди будут приходить сюда. Эта квартира станет чем-то вроде большого мемориала.

— Ты не умрешь в этой дерьмовой квартире, я обещаю, — сказал Тристан.

— Ты не знаешь этого, Тристан. Ты не можешь давать подобные обещания.

— Обещания — мои лучшие замыслы.

— Тогда пообещай, когда я умру, сказать про меня хорошие слова и рассказать свои

истории, — сказала она.

Тристан сразу вытолкнул эту мысль из своего сознания. Для него это было бы самым жестоким и ужасным наказанием — потерять её после того, как он снова нашёл её.

— Я помню день твоих поминок в школе. Из-за высокой влажности воздуха было тяжело дышать. Это была вторая учебная неделя, и все уже разбились по своим компаниям.

Тристан глубоко вздохнул, закрыл глаза и ещё раз воспроизвёл тот день в своей памяти. Он так ясно мог представить сочувствующих учителей, взгляды сверстников.

— Они попросили меня сказать несколько слов о тебе, и сначала я отказался. Я был зол и осознавал, что эти люди не знали тебя так, как знал тебя я. Затем я понял, что хочу, чтобы они узнали тебя лучше, и, может, тогда я не буду так одинок. Я стоял перед всеми собравшимися и рассказывал, кем ты была и что значила для меня.

Джосси дотянулась до его руки и сплела свои пальцы с его. Татуировка, которая заканчивалась на запястье и оборачивалась вокруг него, заметно контрастировала с её бледной, чистой как холст, кожей. Они были двумя противоположностями и тем самым не переставали удивлять друг друга.

— МакКензи Делон была моим лучшим другом. Мы познакомились, когда нам было по семь лет. Она была сообразительной и остроумной и самой милой девочкой, которую я когда-либо встречал. Вы все помните её как скромную девочку, которая занималась даже во время ланча и никогда не вступала ни в какие клубы, но она была гораздо более глубокой. МакКензи забиралась на деревья. Она записывала свои секреты в красный дневник, который хранила под матрасом. Она любила старые черно-белые фильмы. Она часто кружилась в танце в гостиной вместе со своей мамой, включая музыку настолько громко, что тряслись стёкла в окнах. Но больше всего МакКензи любила рисовать. Портреты членов её семьи и знаменитостей покрывали стены её комнаты. Иногда она придумывала целые истории, происходившие с героями её рисунков, истории о драконах, пришельцах и супергероях. Все истории имели одну общую тему, счастливый конец. МакКензи верила в волшебство, рай и любовь. Я надеюсь, что где бы она сейчас ни была, она будет вместе со своей семьей и найдет своё собственное счастливое окончание истории.

Горло Тристана сжалось, и его рассказ закончился словами, которые он говорил, будучи подростком. Джосси до сих пор прижималась к его груди, её дыхание было медленным и равномерным. В какой-то момент он даже подумал, что она заснула.

— Я не могу поверить, что ты до сих пор помнишь ту речь, — мягко сказала она, приподнявшись так, чтобы видеть его лицо.

Он улыбнулся ей и не мог поверить, будто она думала, что он способен забыть такое.

— Я знаю, что сейчас дела идут не лучшим образом. И мы оба на данный момент находимся не в лучшем состоянии, но ты должна знать, что я здесь навсегда.

Джосси не понимала, как так сильно пострадав от любви, этот мужчина может произносить подобные слова, настолько страстные. Она видела его, на самом деле видела, и заметила, насколько ранимый он сейчас. Он так не похож на других людей, когда-либо встречавшихся на её пути. Он не умел скрывать своих чувств. И даже после всей той боли, что он вытерпел, Тристан до сих пор верил в любовь, в то время как у неё этой веры никогда не было.

Она соскользнула с его колен и переместилась на другой конец дивана, чувствуя необходимость отдалиться от него. Джосси подтянула к себе колени и крепко обхватила их руками, защитное действие, которое она усвоила за годы своей непростой жизни. В её голове

разгорелась битва, борьба между тем, что ей хотелось, и тем, в чём она нуждалась.

— Тристан, я не та девочка, которую ты помнишь. Я не МакКензи. Ты влюблен в воспоминание о той, кем я была, но не в ту, кто я сейчас. Ты не знаешь меня.

— Я хочу узнать тебя, Джосси. Если только ты мне позволишь. Я хочу знать всё, — умолял он.

Она покачала головой и сжала руки в кулаки. Он никогда не захотел бы знать, кто она. Она никогда не сможет конкурировать с его воспоминаниями из их детства.

— Нет, ты не хочешь, Тристан. На самом деле никто не хочет знать такие подробности.

Тристан встал и начал мерить шагами комнату, пытаясь взять свой темперамент под контроль. Его расстраивало, что она сомневается в его словах. Его расстраивало, что она не готова доверить ему свою безопасность. Но больше всего его расстраивало, что он действительно не был уверен в том, что сможет обеспечить безопасность её жизни.

— Да, я хочу знать, — сказал он, смотря ей в глаза, бросая ей вызов. — Мне нужно знать.

Джосси вскочила с дивана, потеряв последние крупы самообладания.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хорошо, Тристан. Ты хочешь знать обо всём? Я, чёрт побери, расскажу тебе. Ты хочешь знать, что когда они нашли меня, я была настолько обезвожена и истощена, что едва-едва выжила в ту ночь? Я провела немало дней в госпитале, и когда я, в конце концов, очнулась, повсюду меня окружали незнакомые люди! Ты хочешь знать, как меня отправили через всю страну в детский дом, где я никого не знала? Ты хочешь знать, как ночью, когда взрослые спали, старшие девчонки издевались надо мной, как могли, а остальные просто стояли и наблюдали. Это, чёрт возьми, то, что ты хотел знать?

Джосси кричала, она была так зла на него, она хотела остановиться, но не могла. Тристан просто качал головой, не зная, как успокоить стоявшую перед ним дрожащую девушку. Каждое высказанное слово, казалось, наносило ему удар зазубренным ножом, разрывая его сердце.

— А как насчёт того, как мне повезло, когда меня взяли в приёмную семью? Ты хочешь знать, как три года, которые я прожила там, меня держали в чулане размером девять квадратных футов, хотя наверху была отличная маленькая комната с постерами бойз бендов и разноцветными подушками? О, и я держу пари, ты хочешь знать, как те придурки били меня каждый раз, когда я говорила без разрешения.

— Нет, — прошептал он, — я не могу поверить...

— Да! Это не одна из твоих книжек, Тристан! Это моя жизнь. Это реальность.

Тристан хотел подойти к ней, хотел забрать все страдания, которые ей пришлось вынести. Он сделал шаг по направлению к ней, но она подняла руки, останавливая его. Грудь Джосси тяжело подымалась и опускалась, её дыхание было поверхностным и казалось, что ей не хватает воздуха. Комната начала вращаться у неё перед глазами, в то время как её сердце билось слишком быстро, и пульсация крови заглушала все остальные звуки.

— Я спала в парке и воровала, чтобы выжить, пока Моника не нашла меня. Ты хочешь знать, что я переспала с таким количеством людей, что потеряла им счёт? Мужчины, женщины, любой, кто мог дать мне то, в чём я нуждалась. Я делала это за еду, за мягкую постель и за несколько таблеток.

Тристан качал головой, не желая представлять то, о чём она рассказывала, не желая принять, что такая страшная жесткость коснулась её.

— Не качай своей чёртовой головой, Тристан. Ты хотел знать, теперь ты знаешь.

Сейчас её голос был почти неслышным, это была мучительная просьба об уединении.

— Ничего из этого не было твоей виной, Джосси. Ничего из этого. Ты можешь доверять мне. Я хочу помочь.

— Ты не можешь помочь мне, Тристан. Никто не может. Такая я сейчас. Я сломана, и меня невозможно починить. Ни тебе, ни Монике, ни кому-либо ещё. Просто уходи.

— Джосси.

— Вон! — закричала она, указывая на дверь.

Когда он остался стоять на том же месте, она закричала опять, её лицо покрылось розовыми пятнами, и по нему можно было прочесть все её чувства. Тристан ощущал себя, стоящим на краю пропасти. Он хотел сделать её счастливой, но его уход облегчит её состояние только на мгновение. Он в отличие от неё знал, ей нужно, чтобы он остался. Тристан расправил плечи и приготовился к противостоянию.

Глава 12

Приливы

Повышение и понижение уровня воды в океане

Тристан уверенно приближался к Джосси. Подойдя, он увидел в её широко открытых глазах удивление. Она не была готова к тому, что он окажет ей сопротивление.

— Нет! — выкрикнула она, толкая его в грудь в тщетной попытке остановить. — Убирайся, пока я не выставила тебя отсюда!

Он молча отбивался от её вздымающихся рук и пустых угроз. Своими большими ладонями он обхватил её запястья, останавливая удары. Прижав её руки по бокам от её тела, свои руки он обернул вокруг неё, держа девушку, как в тисках. Она пыталась выбраться из его захвата, но силы оставляли её с каждой неудавшейся попыткой.

— Отпусти меня! Оставь меня в покое! Просто уйди! Почему ты просто не уйдешь? — кричала она ослабевающим голосом.

Тристан сжал её ещё крепче, приблизив губы к её уху.

— Потому что я люблю тебя.

Побежденная, Джосси осела в его руках, прислонив лоб к его груди.

— Ты не можешь, — шептала она, — ты не можешь любить меня.

— Я люблю тебя, — повторил он.

Она моргнула несколько раз, перед глазами всё расплывалось, и она старалась сфокусироваться, старалась понять, что он только что сказал. Она не могла вникнуть в смысл услышанного. Никто никогда не говорил ей подобных слов. Это пугало её.

— Покажи мне.

Тристан захватил своими губами её губы. Он не думал и не планировал, он только чувствовал. Целуя, он ощущал влагу на её щеках. Он чувствовал жар, мягкую плоть её языка, двигающегося рядом с его языком. Тристан вспомнил, что до сих пор крепко держит её. Он позволил своим рукам подняться к её плечам, ещё ближе прижав девушку к своей груди. Так хорошо было чувствовать её рядом с собой, она идеально подходила ему. Тристан не мог представить более действенного физического удовольствия, чем её прикосновения.

Джосси казалось, что она сходит с ума, её переполняли эмоции. Она царапалась и впивалась пальцами в его тело, как будто пыталась забраться внутрь. Поверх линий его татуировок она оставляла своими ногтями розовые следы. Тристан мурлыкал в

удовлетворении, что её боль становилась его болью.

Джосси почувствовала, как его руки скользнули вниз, очерчивая изгибы её тела. Его ладони оказались на её бедрах, и она, подпрыгнув, обхватила его ногами. В благоговении она ощущала, как гудит каждая часть её тела, соприкасающаяся с телом Тристана.

Она чувствовала, как из его вибрирующей грудной клетки вырываются низкие звуки, выражающие удовольствие, в то время как он вёл их в её ещё ни разу не использованную спальню. Комната освещалась лишь светом луны, проникающим сквозь грязное окно. Тристан опустился на колени, Джосси всё ещё крепко держалась за него. В сплетении их ног и рук она пыталась стянуть с себя футболку и джинсы, Тристан, как мог, старался помочь ей в этом.

Они отважились ступить на неизведанную для Джосси территорию. Это было странно и пугающе, но настолько долгожданно. Джосси обычно держала под контролем подобные ситуации, брала, что хотела, а после покидала свое очередное завоевание. Но Тристану она желала сдать.

Джосси лежала перед Тристаном, её кожа светилась серебряным светом в лунном сиянии. Её глаза были прикрыты, грудная клетка поднималась и опускалась в быстром ритме, она выглядела, как прекрасное создание, принесённое в жертву и ожидающее своей дальнейшей участи. Она была восхитительной и принадлежала только ему. Здесь, в тишине этой комнаты, в сиянии луны, которая сейчас светила только для них, она не была той эмоционально травмированной девушкой, она была безупречной и неповторимой.

Приблизившись к Джосси, Тристан позволил весу своего тела вдавить её в матрас. Он оставлял мягкие поцелуи на её груди и шее, ощущая языком точку, в которой бьётся её пульс. Быстрые и сильные удары её сердца помогали ему осознать реальность происходящего, тем не менее он чувствовал себя так, как будто может вот-вот взлететь.

— Тристан, пожалуйста, — просила она, приподнимаясь, держась за его плечи так, чтобы можно было видеть его лицо.

Джосси покачивала бедрами рядом с ним, ей нравилось чувствовать жёсткую ткань джинсов обнажённой кожей. Доведённая до отчаяния жаром его тела, она изо всех сил пыталась стянуть его футболку, пока он не сел и не избавился от неё сам. Поверхность его грудной клетки была искусно расписана разноцветными узорами, которые изгибались и облегали его мускулы.

Она пальцами очертила каждое изображение, а потом опустилась к ширинке на его джинсах. Она умело расстегнула каждую пуговицу, в то время как её губы оставляли поцелуи на его шее. На вкус он был как соль и благоговение.

Мускулы и сухожилия его плеч были напряжены. Её язык пробежался по щетине, покрывающей линию его челюсти, и она заурчала от ощущения приятной шероховатости напротив её губ. Когда джинсы были расстегнуты, Тристан с лёгкостью избавился от них. Она улыбнулась, когда поняла, что он ничего не носит под ними.

Он опять опустился на неё, но в этот раз ощущения были совсем иными. Горячая плоть напротив горячей плоти, и их руки, движения которых выражали взаимное поклонение друг другу. Они чувствовали себя так, как будто время остановилось для них. Джосси пообещала себе не закрывать глаза, не желая пропустить ни секунды того, как он будет любить её, видеть его лицо, полное вожеления.

Губы Тристана дотронулись до её тела, посасывая кожу и кусая, пока она не потерялась в его ласках. Он сплёл руки с её руками, удерживая свой вес. Джосси желала сохранить в

памяти ощущения того, как он прижимает её к себе, как он удерживает её не только своим телом, но и своей привязанностью. До этого момента она никогда не желала принадлежать кому-либо.

Джосси в восхищении наблюдала, как сдвинулись его брови и как затрепетали его ресницы, когда он в конце концов скользнул в неё. Она чувствовала, как растянулось её тело, принимая его, и хотела зафиксировать эти ощущения в памяти. Когда они полностью воссоединились, он успокоился и оставил сладкий, целомудренный поцелуй на её губах.

— Идеально, — прошептал Тристан.

Он задал равномерный ритм, энергичный темп устанавливался его телом помимо его воли. У него всегда был хороший секс, необременительный и доставляющий удовольствие. Но ещё никогда он не был таким. Это было чем-то необъяснимым и новым. Это было воссоединение двух потерянных душ с целью опять стать целостными, любовь, которую невозможно измерить.

— Скажи это снова, — прошептала она.

Точно зная, чего она хочет, Тристан прошептал для неё три слова, наделившие её силой.

— Я люблю тебя.

Его слова отправили её за край. Пламенный оргазм пронёсся через тело Джосси, каждый мускул был напряжен и натянут, пока она повторяла его имя. Она ощущала себя опьянённой и ошеломлённой, и абсолютно пристрастившейся к нему.

Тристан застонал от картины, представшей перед ним: её глаза крепко зажмурены, губы приоткрыты в тихом крике. Он никогда не видел ничего прекраснее.

Джосси ненавидела, как три таких коротких слова могли вызвать так много радости и в то же время так много страха в её сердце. Она ощущала, что это может быть правдой, но у неё не хватало смелости признать, что их связь больше, нежели просто физический акт. Она держалась за привычные рамки.

— О Боже! Так хорошо, Тристан.

Джосси знала, что её слова были грубыми и далеко неромантичными, но их было легко произносить. Она не могла ответить ему таким же признанием, так что она придерживалась дикого желания между ними. Тихое хныканье сбежало с губ Тристана в момент его кульминации, его собственная эротическая мелодия.

Тристан перевернул их и обхватил Джосси руками. Постепенно их дыхание замедлялось, пульс успокаивался. Купаясь в лунном свете, они погрузились в глубокий сон, окруженные нарисованными карандашом лицами из их прошлого.

На следующее утро, в пригороде Клейрмонт, нежась в их собственном посткоитальном свете, Моника и Роб делились признаниями.

— Кажется, что это слишком скоро, но я просто знаю, что для меня ты тот самый, — сказала Моника, лёгким движением очерчивая дорожку волос на его животе, идущую к резинке его боксеров.

— Для меня всё так же. Я люблю тебя так же, как бисквиты и подливку.

— Ха. Лучше тебе на самом деле любить бисквиты и подливку, — подразнила его она.

— Конечно, мэм.

— Кажется, как будто некоторые люди ждут свою любовь всю жизнь. Некоторые люди даже не ожидают найти её. Как так получилось, что два таких человека как мы, смогли

найти друг друга? Наверное, это судьба или высшие силы, — произнеся это, Моника замолчала.

Роб кивнул, никак не комментируя её мысли о судьбе и сверхъестественных силах, ответственных за их встречу. Он не верил в такие вещи. Тем не менее, он притянул Моника поближе и поцеловал её в макушку. Он не хотел начинать полемику о её идеалах. Он просто хотел, чтобы она была счастлива, и он сделает всё, что в его силах, чтобы осуществить это.

Позже, во второй половине дня, когда они восполнили недостаток жидкости в организме и накормили друг друга, они рискнули заглянуть в Парк Бальбоа. Роб лежал на траве, подложив пиджак под голову. Нежась в теплом свете послеобеденного солнца, он хмыкнул, когда Моника пробежалась пальцами по его волосам. Они наблюдали, как играли дети и как их собаки бегали за ними. Пары гуляли рука об руку, наслаждаясь друг другом и прекрасной погодой. Когда большие реактивные самолёты пронеслись в высоте, они подняли свои лица к небу, наслаждаясь рёвом двигателей и недолгим затмением, созданным их тенями.

Они говорили о любви и жизни, о грядущих переменах, планировали своё будущее, как будто были уверены, что всё так и будет. Роб признался, что никогда никого не любил прежде. И хотя Моника не могла признаться в подобном, она была уверена, что никогда не чувствовала себя так, как сейчас. Роб жаловался на нереальные ожидания и требования по его работе и на страх провала. Так много ответственности лежало на его плечах, и временами этот вес казался неподъёмным. Моника призналась, что, несмотря на все трудности, она любит свою работу.

— Она приносит мне такое чувство удовлетворения, — призналась она. — Эти дети, которых так или иначе покинули, у них нет никого, кто бы позаботился о них. Поэтому я этим и занялась. Это моя работа — быть уверенной, что они в безопасности. Я хочу, чтобы у них был шанс реализовать свой потенциал.

— Да, но ты не устала нести ответственность за детей других людей? Разве ты не желаешь, чтобы родители исполняли роль родителей?

— Я чертовски сильно желаю, чтобы люди несли ответственность за своих детей, но я чувствую, что обязана помочь, — ответила Моника.

Для неё всё было просто. Она способна помочь, и она делала это.

— Когда я была моложе, я думала, что могу спасти их всех. Я была глупой. Я совершила ошибки, которые мои наставники скрыли, замели под ковер лёгким движением запястья. Порой я чувствую себя так плохо, когда вспоминаю, что я вышла сухой из воды, при том, что невинная девочка заплатила полную цену. Моника почувствовала, как слёзы появились на её глазах. Она быстро моргнула, стряхнув их.

— Что случилось? Она...? — спросил Роб, но не смог закончить свою мысль.

Моника покачала головой.

— Уже на тот момент её жизнь была очень непростой. Она потеряла обоих своих родителей, её перевезли сюда через всю страну. Она была моей третьей подопечной. Я поместила её в приёмную семью, к паре, которая казалась мне идеальной. У них был безопасный дом, работа на полный рабочий день, старший сын, который вот-вот должен был уехать в колледж. Они хотели предоставить свой дом девочке-подростку. Я отправила её туда. Я сделала это.

Слёзы текли по её щекам, и она не думала останавливать их.

— Это нормально, — прошептал Роб, захватив её руку в свою и поглаживая её ладонь

своим большим пальцем.

— Это ненормально. Они делали с ней ужасные вещи, Роб, ты даже не можешь представить. Это моя вина, что я ничего не заметила, верила в их ложь. Это моя вина.

Об этом были её ночные кошмары, предмет разговора с психотерапевтом, никогда не заканчивающееся черное облако, маячившее над ней. Несмотря ни на что, Моника не могла отпустить чувство вины и стыда, ассоциировавшиеся у неё с Джосси Бенкс.

— Ты представляешь, каково отвечать за что-то такое ужасное?

— Это не твоя вина, что те люди оказались настолько жуткими.

— Это моя вина, что ей пришлось жить с ними, моя вина, что она была настолько напугана, чтобы рассказать мне правду. Сейчас ей двадцать два года. Она использует наркотики, секс и бог знает, что ещё, чтобы избежать настоящих отношений. Она чертовски талантлива, художник. Я навещаю её, всегда стараюсь направить к лучшей жизни, спасти её от неё самой. Хотя Джосси и не хочет быть спасённой. Думаю, я просто эгоистка. Потому что, если с ней всё будет хорошо, это будет значить, что я не провалила дело.

И она снова сломалась, в этот раз потеряв весь контроль. Она рыдала, уткнувшись в его плечо, оставляя на его футболке бесформенные круги солёной водой. Моника схватила его руку, нуждаясь в том, чтобы чувствовать его силу и насытиться ею. Она вздохнула, когда почувствовала, как его рука выводила успокаивающие круговые движения на её спине. Любовь Роба помогла ей справиться с этим.

— Дорогая, ты делала, что могла. Я уверен, она знает, что ты не планировала ничего из того, что случилось.

Моника потёрла глаза и глубоко вздохнула. Она заставила себя улыбнуться, глядя в обеспокоенное лицо Роба, сожалея о том, что нагрозила его столь трагичной историей.

— Я знаю. Правда. Я просто хочу, чтобы она была счастлива. И сейчас я чувствую себя ещё более виноватой, потому что нашла тебя.

— Моника? — глубокий голос позвал её где-то совсем рядом.

Она взглянула вверх и обнаружила неподалеку своего кавалера из кофейни, Эвана. Она натянуто улыбнулась и оглянулась вокруг, стараясь понять, откуда он взялся. Чувствуя себя такой уязвимой, ей хотелось знать, слышал ли он хоть что-то из их разговора. Роб быстро сел, но остался расслабленным, пока Эван подходил к ним.

— Привет, Эван. Не ожидала встретить тебя здесь, — поздоровалась она, прикрывая глаза от солнца, чтобы она могла смотреть вверх на него.

— Ну да, я направлялся в музей с несколькими друзьями, когда заметил тебя. Ты выглядишь гораздо лучше, чем в последний раз.

Моника и Роб огляделись вокруг в поисках его друзей, но не увидели никого, кто бы его ожидал.

— Да, выходной помог, — сказала она. — Ох, Эван, это Роб. Роб, это Эван.

Эван подошёл ближе, явно наслаждаясь тем, как он возвышается над сидящим мужчиной. Он предложил свою руку как жест вынужденной учтивости. Это добавит ему очков в глазах Моника, если он проявит дружелюбие к её бойфренду. Роб удерживал его руку, и Эван ощутил силу его хватки. На предплечье Роба выделялись мышцы и сухожилия, пока его лицо выражало безразличие, а рука сдавливала руку Эвана.

Роб кивнул и освободил руку возможного поклонника, надеясь, что его предупреждение понятно. *Она моя.*

— Эван уронил меня на задницу в один из дождливых дней. Он купил мне кофе

извинение, — продолжила Моника, совсем не замечая того, что случилось между двумя мужчинами.

— Правда? — спросил Роб.

— Это было меньше, что я мог сделать, — сообщил Эван.

Он посмотрел вокруг, сжимая руки вместе, и вернул своё внимание парочке перед ним.

— Хорошо, мне уже пора. Был рад увидеть тебя снова, Моника. Роб, приятно с тобой познакомиться.

— Аналогично, — выплюнул Роб на прощание.

Когда Эван скрылся из их поля зрения, Моника повернулась к Робу и заметила, что его взгляд до сих пор направлен в пустое пространство, где до этого находился Эван. Его голубые глаза были сужены, а лицо искажено угрожающе сердитым выражением.

— Роб? Он ушёл, и ты уже можешь перестать пробовать сломать мне руку.

Роб смог заглушить ревность и отпустил её руку. Она улыбнулась ему и потрясла пальцами, слегка преувеличивая свою боль.

— Этот парень мешок с дерьмом.

— Оу, милый, ты ревнуешь, — подразнила она. — Это так мило.

— Нет, я не ревную, — отрицал он.

Моника оседлала его колени и поцеловала в лоб, затем в нос, а затем в губы.

— Да, ты ревнуешь, но это так восхитительно. Ревность тебе к лицу.

— Ты знаешь, ты могла бы представить меня как своего бойфренда.

— Так ты мой бойфренд?

Роб пожал плечами, вдруг осознав насколько неопределенны их отношения.

— Бойфренд звучит как-то по-детски. Ты можешь быть моим партнером, моим любовником, моим особым парнем, — пропела она, изобразив это очень драматично.

Роб засмеялся, позволив своему гневу испариться.

— Без сомнения, мне не нравится этот «Эван, посещающий церковь в штанах цвета хаки». Я хочу, чтобы ты постаралась держаться от него подальше.

Моника рассмеялась и покрыла поцелуями его лицо вдоль линии волос. Она зарылась пальцами в его шевелюру и покорно улыбнулась ему.

— Он — никто. Я никогда больше не посмотрю в его сторону, — пообещала она, хотя и не могла знать, как далеко от правды это утверждение окажется.

Почти час Тристан лежал, бодрствуя и обнимая Джосси, запоминая выражение её лица во время сна. Когда она начала ворочаться, он поцеловал её в макушку и вдохнул её запах. Он находил её опьяняющей.

— Доброе утро, — прошептал он, его губы до сих пор прижимались к её волосам.

Джосси захныкала в ответ и сжала его крепче. Идеально, она думала, что всё идеально. Её изумило, что она так неожиданно заснула и какой полностью удовлетворенной она себя сейчас чувствовала.

— Фаза быстрого сна составляет только двадцать пять процентов от всего нашего сна, но у тебя, кажется, она длится дольше. Ты помнишь свои сны?

— Раньше я видела те лица, твоё, моих родителей, но сейчас я не помню ничего из того, что мне снилось. Я могу поспорить, что большинство моих снов о тебе.

— Я надеюсь, что это так, — ответил он, пробежав пальцами по изгибам её спины. —

Джосси?

— Да?

— Ты когда-нибудь хотела узнать о своей жизни до амнезии?

— Иногда я думала, что хочу узнать, но я так боялась столкнуться лицом к лицу с моим прошлым. Вдруг оно ещё хуже, чем то, что я помню? И я была счастлива оставить всё, как есть. Я могла представлять, что это была хорошая жизнь.

— Это была хорошая жизнь, — подтвердил Тристан.

— Благодаря тебе, я теперь об этом знаю, — ответила она, улыбаясь.

— Когда нам было по тринадцать лет, ты заставила меня пойти с тобой в кино на «Историю рыцаря». Ты сходила с ума по Хиту Леджеру. Я умолял тебя пойти на «Приключения Джо Грязнули». Я даже не мог представить, как буду сидеть два часа в кинотеатре и смотреть, как ты вздыхаешь и пускаешь слюни по этому парню.

Джосси рассмеялась.

— Что ж, он был красивым. Я очень расстроилась, когда узнала о его смерти.

— В любом случае, я сдался и пошёл смотреть твой фильм. Ты говорила и говорила, насколько этот парень привлекателен. Я так ревновал, — рассказал Тристан, вспоминая и смеясь. — Хотя в дальнейшем это сыграло мне на руку.

Джосси подняла голову и уткнулась подбородком в его грудь.

— Каким образом?

— После того как фильм закончился, ты так распалилась, что затащила меня в книжный магазин и прямо-таки накинулась на меня в секции с книгами из серии «помоги себе сам».

— Я накинулась на тебя?

— Да, накинулась. Это наверно был единственный раз в моей жизни, когда я не обратил никакого внимания на книги. Запахи типографской бумаги и твоих духов смешались, полки впивались в моё тело, а мои руки расположились в задних карманах твоих джинсов. Мы целовались до тех пор, пока один из сотрудников магазина не заметил нас. Ты оставила мне мой первый засос и впервые дала мне потрогать твою грудь. По стандартам тринадцатилетнего парня, это просто грандиозно.

Джосси засмеялась и снова положила голову на его грудь, мечтая, чтобы она тоже могла вспомнить тот эпизод. Она хотела видеть его юное лицо, удивлённое её агрессивным поведением. Но больше всего она желала той связи с мальчиком, который разделил с ней так много всего впервые.

— И той же ночью моя мама застала меня онанирующим, — добавил Тристан.

— О, не может быть!

— Да, это травмирующий эпизод. Я не мог смотреть ей в глаза весь следующий месяц.

Она позволила пальцам очертить его ребра, отбивая на них плавный ритм, как на клавишах пианино.

— Остайся со мной на неделю, — прошептала она.

— Не могу. Чем быстрее я пойму, что происходит, тем быстрее ты будешь в безопасности.

— Пять дней? — умоляла Джосси, оставив поцелуй поверх татуировки красно-синего анатомически правильного сердца, расположенной на его груди. — Представь, как много раз мы сможем сделать это за пять дней, — дразнила она, двигая обнаженным телом рядом с ним.

— Один день, — торговался он, стараясь не поддаться её чарам.

— Три, — противостояла Джосси, нежно покусывая линию его челюсти.

Её пальцы двинулись вниз по его телу, под простыню, очерчивая невидимые линии под его пупком. Она опустила руку ниже и мягкими и нежными движениями дотрагивалась до него там, где он желал этого больше всего.

— Договорились, — едва смог произнести Тристан.

Джосси триумфально ухмыльнулась и поцеловала его в губы. Он улыбнулся и снова прижался к её губам, желая поглотить её. Теперь, когда он отведал этой сладкой плоти, он никогда бы не согласился на что-то меньшее.

Джосси переместила бедра. Обычно она ощущала свою власть, когда добивалась желанной физической реакции от мужчин, которых покоряла. Джосси опьяняло могущество обольщения. С Тристаном это было по-другому. Его тело двигалось под её телом, и даже только один вкус его солёной татуированной кожи приводил её в состояние эйфории. Она была рада отказаться от власти, чтобы остаться с ним.

Тристан сел, держа Джосси в своих руках. Её ноги оседлали его колени, и она обернула руки вокруг его плеч. Кожа к коже, они держали друг друга в тёплых объятьях, объединяя дыхание и желая навсегда остаться в этом моменте.

— Можем мы остаться в этом положении на следующие три дня? — спросил Тристан, потянувшись за её спиной к штормам, чтобы отдернуть их.

Яркий утренний свет проник в комнату, освещая их сплетённые тела, словно прожектор. Взъерошенные волосы Джосси отливали огненно-красным в ярко белом цвете, волнистые завитки выглядели, как пламя. Она всматривалась в его глаза, обычно темно изумрудные, но в солнечном свете они становились цвета весенней травы. Щетина на его лице давала красивую тень, которая как будто была нанесена карандашом.

— Да, — ответила она. — Навсегда.

Морт осторожно передвигался по квартире. Звуки льющейся в душе воды дали ему понять, что у него на поиски приблизительно десять минут. Он бесшумно передвигался из комнаты в комнату. Быстро пройдясь пальцами вдоль кухонной столешницы, он ненадолго остановился, чтобы бегло просмотреть её почту, найдя там всякий мусор и несколько счетов. Дальше он зашёл в небольшой кабинет рядом с гостиной и открыл бездействующий лэптоп. Тот был защищён паролем, так что он закрыл его и двинулся дальше.

Проникнув в спальню, он почувствовал цветочный запах её мыла и шампуня, смешанные с паром, исходящим от щели в двери ванной. Он не стал проверять её комод с зеркалом и прикроватный столик. Подобные поиски не откроют ему ничего, кроме извращенных сексуальных секретов. Вместо этого он потянулся к лежащей на углу кровати дизайнерской сумке, если верить логотипу. До сих пор спокойный, благодаря звуку бегущей воды, он покопался в её громадной сумке и выудил оттуда смартфон. Ему нужен только контакт, какой-либо вид физической связи с Джосси, и он его установит.

Он был уверен, что она до сих пор в этом городе, и что Моника до сих пор контактирует с девчонкой. Он не мог поверить в своё везение, когда отыскал эту важную зацепку, любезно предоставленную профессиональной неудачей Моника Темплтон. Бедная женщина даже не представляет, что её признание стало для него столь необходимой информацией, и у Морта заняло всего несколько секунд, чтобы соединить точки в целый рисунок. Прокрутив список контактов, он нашёл имя Джосси. Он набил номер в свой телефон и вернул смартфон

Моники обратно в сумку. С нынешними технологиями и небольшой оплатой за услугу, по номеру можно точно установить местонахождение Джосси.

Воду выключили, и через дверь он мог слышать мягкий голос Моники, поющий «Roker face» Лэди Гаги. Он ухмыльнулся, представляя её маленькое фигуристое тело, покрытое капельками воды, и пар исходящий от её кожи. Он заставил свои мысли вернуться в нужное русло, огляделся вокруг в последний раз и вышел из комнаты.

Моника вынырнула из теплоты ванной и не заметила вокруг ничего необычного.

Глава 13

Фазы

Различная освещенность Луны при изменении её положения на орбите

Джосси вышла из «Треjder Джоеc» с полными пакетами. Тристан отрабатывал свою последнюю смену в «Тёмной комнате», так что у неё не было возможности воспользоваться его машиной.

Ей нравилась Гэвин и чувство уверенности в том, что у детей на площади будет достаточно еды. Так как теперь в её жизни были такие удобства, как водопровод и крыша над головой, она чувствовала вину, что у неё есть то, чего эти дети не имеют. Она провела на улицах не так много времени, как многие другие. Большинство были бездомными долгие годы.

В одну из тех ночей, когда она бродила по пустым улицам, она наткнулась на граффити. Сначала она замечала только большие куски, например, целые стены или поезд, разрисованный с пола до потолка. Они всегда так резко контрастировали с отбеленными кирпичами или серым металлом. Её поразило, что каждое изображение имело свой определенный стиль. Позже Джосси стала замечать и маленькие куски. Чьё-то имя, украшающее автобусную остановку, или мантры в одно слово на дорожных указателях на шоссе. Она осознала, что они везде.

Вскоре она украдала свой первый набор перманентных маркеров и оставляла тэги «ДжейБи» на каждой чистой поверхности, которую могла найти. Потом она перешла к маркерам с жидкой краской. Она обожала большое разнообразие цветов и то, как блестит картина, когда высохнет.

Пока она бродила по улицам Сан-Диего, она столкнулась с парой других ребят, проставляющих тэги. Между ними не было вражды, их объединяло одинаковое понимание искусства. Взаимная оценка их самовыражения и противостояние обществу были их связующей силой. Но здесь имелись и свои правила, и, пройдя через ряд препятствий и ошибок, она выучила их. Банды отмечались в разных частях города, и Джосси старалась избегать их любой ценой. Она была просто девчонкой, которая старалась держаться подальше, не желая участвовать в их противостоянии.

Когда она повернула на Шестую улицу, Джосси заметила маленький кусок, нарисованный на мусорном контейнере. Он состоял из трёх цветов. Контур был неаккуратным и вниз просочились три небольших подтёка. Она улыбнулась и покачала головой. Кто-то только начал этим заниматься и только учится контролировать поток краски. В конце концов он или она научится срезать крышку баллончика или смягчать движение запястья.

Джосси купила больше продуктов, чем обычно, и ручки пакетов врезались в её ладони. Она разогнула пальцы и передвинула пакеты в руках, чтобы немного облегчить боль. Пройдя

по знакомой тропинке в парке, она удивилась, когда обнаружила, что никого нет. Обычно Гэвин сидела на левой части скамейки, ей крупная фигура и грязная одежда закрывали собой зелёные перекладины. Сейчас на пустой скамейке можно было рассмотреть каждое написанное слово. Это заставило Джосси содрогнуться.

Она поставила пакеты на скамейку и огляделась вокруг.

— Гэвин? — позвала она.

Она не хотела сильно шуметь. В такие поздние часы вдалеке от главной аллеи могут оказаться люди, которых бы не хотелось обнаружить.

Джосси села на скамейку и стала ждать подругу. Через час она начала сильно нервничать. Может Гэвин не особо ценит то, что она приносит продукты? Может Гэвин расстроилась, что Джосси стала приходить реже в последнее время? Подошёл Найджел, предлагая свой обычный товар, но Джосси отказалась.

— Ты где-нибудь здесь видел Гэвин? — спросила Джосси.

— Нет, как и на прошлой неделе.

— Дерьмо.

— Не волнуйся. Уверен, что она нашла себе какую-нибудь сладкую мамочку, чтобы та заботилась о ней. Мне тоже досадно. Вы были моими постоянными клиентами. А теперь ни фига.

Он ушёл разочарованный и, как видно, абсолютно не интересующийся тем, где Гэвин.

По прошествии двух часов Джосси начала испытывать страх. Это чувство проникло глубоко в её нутро. Оно вызывало у неё тошноту и дрожь. Те дети на площади были важны для Гэвин, она не могла так просто оставить их. Что-то было не так.

Джосси не хотела отвлекать Тристана от работы, но у неё было по-настоящему плохое предчувствие. Она увидела, как недалеко от неё угасал один из уличных фонарей. Даже отсюда она заметила мотыльков, мелькающих вокруг него и кидающихся на его свет. Это напомнило ей о том, как Гэвин относилась к жизни. Она никогда не боялась улиц. Она пробовала всё. Она могла кинуться в огонь, если это значило, что она испытает что-то новое.

После трёх часов ожидания Джосси решила отправиться домой. Она оставила пакеты под скамейкой, ей не хватило духу забрать их с собой. Может, Гэвин придёт позже, или это будет кто-нибудь из детей. Выйдя на тротуар, она обернулась и проверила в последний раз, скамейка была пуста.

— Привет, — сказал Роб, улыбаясь в телефонную трубку.

Моника вздохнула, на том конце линии она была необычно молчалива.

— Моника?

— Я скучаю по тебе, — ответила она.

— Я тоже скучаю по тебе, Пуговка.

Моника впервые столкнулась с подобным прозвищем и не могла для себя решить, нравится оно ей или нет. За всю её жизнь Монике Мари Темплтон никто и никогда не давал прозвищ. Её родители были бескомпромиссными, строгими людьми, которые никогда её не звали никак, кроме как по имени. И она никогда раньше об этом не задумывалась.

— Я ненавижу, когда ты работаешь допоздна, — сказала она, подойдя к холодильнику и взяв пиво. — Неужели ты не можешь всё время находиться в моем распоряжении? Любой джентльмен с юга гордился бы подобными обязанностями.

— Что ж, мэм, я вынужден работать, чтобы обеспечивать себя средствами для жизни, я уже закончу вскоре.

— Сегодня у меня был очень плохой день. Прежде всего, на работе не было Интернета около четырех часов. Они отключили нас из-за бреши в системе защиты или чего-то вроде этого. Потом я не могла выйти из здания, потому что потеряла свой бейдж с рабочим идентификатором.

— Мне очень жаль, дорогая. Завтра всё наладится, — пообещал он.

— Что ж, думаю с уверенностью можно сказать, что любой день, который я провожу дома без дела, находящегося на рассмотрении суда, и без угрозы для жизни, должен быть хорошим.

— Я сделаю его лучше, когда я увижу тебя, — ответил Роб, его голос умолк.

— Ты кажешься встревоженным, я отпускаю тебя. Пожалуйста, приезжай побыстрее. Ты нужен мне.

— Хорошо, дорогая.

Моника повесила телефонную трубку и сделала большой глоток пива. Время пролетело быстро, пока она занималась ужином. И час спустя стук в дверь прервал её приготовления. Она распахнула дверь и практически уронила Роба, накинувшись на него с обжигающим поцелуем.

— Чёрт, вот это приветствие, — сказал Роб, задыхаясь напротив её губ.

Моника затащила его в квартиру и прижала к стене, её маленькое тело удерживало его на месте.

— Я говорила, что соскучилась по тебе.

— Ну, я мог бы сказать, что это очевидно, — ответил Роб, посмеиваясь.

— Я дома одна и тебя нет рядом. Я должна сидеть здесь и развлекать себя просмотром реалити-шоу и чтением желтой прессы. Это пытка.

Она взяла холодное пиво и передала его Робу. Он принял бутылку и опустошил её наполовину одним глотком. Она наблюдала, как капля янтарной жидкости просочилась у уголка его рта, прокладывая дорожку по его подбородку и шее и проникая за воротник футболки.

— Что же ещё девушке делать, как не подвергаться воздействию плохого телевидения и дешёвых сплетен? — спросил он.

— Ну, я полагаю, что всегда могу развлечь себя сама, но предпочитаю, когда это делаешь ты.

Он ухмыльнулся, поднял её, удерживая за талию, и посадил на столешницу. Роб любил ощущение того, как её маленькое тело обхватывает его. Ему нравилось, как её разносторонняя личность умещалась в этой прочной маленькой упаковке динамита. Он обожал её вьющиеся тёмные волосы и улыбчивые глаза. Она была хитрой и смелой и никогда не давала ему расслабиться.

— Именно это я и люблю видеть перед глазами.

Они ожесточенно целовались, пока Монике не понадобился воздух. Она быстро пришла в себя, спрыгнув со столешницы, и опять занялась ужином, в то время как Роб разместился перед телевизором.

Пока её блюдо из риса закипало, она пошла проверить Роба и нашла его спящим на диване. Моника ненавидела то, насколько много сил требовала его работа. В некоторые дни она могла почувствовать уровень его стресса, ощущая это по его напряженным объятиям. Но

не сейчас. Он был полностью расслаблен, и она была счастлива, видя его таким безмятежным. Рука на его лице укрывала его глаза, пока он спал. Она вздохнула, глядя на его привлекательные надутые губы.

Пронзительный звук прорезал воздух, и она поняла, что это звонит её телефон. Подбежав к сумке, она ответила второпях.

Моника села на ближайший кухонный стул, удивлённая тем, что услышала голос Джосси на другом конце. Это был не простой разговор ни о чем, Джосси предложила устроить двойное свидание следующим вечером. Моника чувствовала себя так, будто земля начала кружиться у неё под ногами. Она поняла, что это инициатива Тристана, но она готова использовать любую возможность, чтобы искупить свою вину. По окончании этого странного будоражающего звонка, она сидела в состоянии оцепенения из-за надежды и возможности очиститься от своих грехов.

— Пуговка? Ты в порядке? — спросил Роб, неожиданно появившись в дверном проеме.

Её пустое выражение лица изменилось, и на лице появилась широкая улыбка, когда она кивнула и прыгнула в его объятия.

— Ты работаешь завтра допоздна?

— Неа.

— Хорошо, у нас есть планы.

— О, Боже мой, какой трудный разговор. Какого дьявола я позволила втянуть себя в это? — ныла Джосси, пристёгиваясь ремнем в машине. — Серьёзно, я чувствую себя так, как будто мне нужно принять Ксанокс после этого телефонного звонка.

— Она не может быть настолько плоха, — сказал Тристан, смеясь. — Кроме того, я хочу узнать твоих друзей.

— Я говорила тебе, у меня нет друзей.

— Теннесси Уильямс сказал: «Жизнь — это частично то, что мы делаем сами, а частично то, что делают наши друзья, которых мы выбираем сами». Дружеские отношения — это совершенствование отношений с людьми, которым ты нравишься, которые верят в тебя и разделят с тобой твоё бремя. У тебя есть Моника и Алекс. Это больше, чем есть у меня.

Тристан завел машину и наблюдал, как Джосси плотно скрестила ноги, ощущая рокот двигателя. Она закрыла глаза и откинула голову на сиденье.

— Я, чёрт побери, люблю эту машину, — прошептала она, неуверенная в том, собиралась ли озвучивать эту мысль.

Она провела руками по своим бёдрам, а потом вверх, концентрируясь на ощущении жёсткости денима, вибрирующего под её пальцами. Тристан наблюдал за её действиями, практически не дыша.

— В ней триста шестьдесят девять кубических дюймов, двигатель Turbojet V-8 в триста двадцать пять лошадиных сил с коробкой передач Muncie 4-speed.

— Я понятия не имею, что всё это значит.

— Это Импала 1967. Классика.

— Она чертовски горяча.

Тристан наслаждался мурчанием обеих своих девочек. Он старался сконцентрироваться на дороге перед ним, а не на лисице сбоку от него, которая неожиданно стала выглядеть так,

как будто хочет поглотить его.

— Так что, я в конце концов увижу место, где ты живёшь? Держу пари, у тебя там всё покрыто пластиком, чтобы можно было всё быстро очистить после убийства своих жертв, — дразнилась Джосси, глядя на Тристана. Его выражения лица осталось неизменным. — Может быть, там есть хлысты, обитые кожей столы с цепями и строгие ошейники.

— Это звучит не так уж и плохо, — ответил Тристан.

— Совсем неплохо, — ответила Джосси, продолжая заигрывать, — я видела и хуже.

Тристан подарил ей хитрую улыбку.

— О, я знаю. Ты гик, правильно? У тебя есть шесть тысяч фигурок из «Звёздных войн», стоящих небольшое состояние и расставленных на обычных полках по всему твоему дому?

Он покачал головой.

— Опять неправильно. Боюсь, ты будешь разочарована.

Джосси улыбнулась, она не могла представить, что Тристан мог бы её разочаровать. Она смотрела, как мимо пролетают городские пейзажи, трансформируясь от тёмных аллей из её жизни к ярко освещенным неоновым светом улицам из его жизни. Бордюры становились чище, здания выглядели лучше и с каждым новым кварталом становилось меньше тусующихся на каждом углу детей. Она ничего не имела против жизни в убогом районе этого города, ей было удобно там. Джосси задумалась о том, всегда ли так будет.

— Дин Молони живёт недалеко от Нового Орлеана?

— Да, в Гретне. Там, где мы жили.

— Так он мог знать меня, когда мы жили там. Я была ребёнком. Что же я такого могла сделать ему?

— Я не знаю, — сказал он, — я сам об этом думаю всё последнее время. Это должно быть связано с твоим отцом. Я просмотрю все судебные дела, в которые Эрл был вовлечен, и, может быть, найду связь.

— Я бы так хотела помнить, — прошептала она.

Отчаяние, которое наполняло её голос, было болезненным для слуха Тристана. Он заметил, как Джосси внимательно смотрела в окно. Он бы отдал всё, что угодно, чтобы оказаться в её голове, встряхнуть эти попавшие в ловушку воспоминания, чтобы она вспомнила своих родителей и то, насколько сильно они любили её. Он дотянулся до её руки и поместил её под свою на коробке передач, зная, что так ей будет комфортней.

Они остановились, и Джосси огляделась вокруг, изумлённая тем, как изменилась округа, хотя они уехали не так далеко. Тристан выпрыгнул из машины и взял сумку Джосси, пока она рассматривала здание перед ней. Оно выглядело как типичные для Сан-Диего апартаменты, окруженные пальмами. У здания был внутренний двор. Его отштукатуренный фасад выглядел старым в уличном свете.

— Я никогда не проставляла тэги в этом районе. Похоже, здесь можно будет проявить свои умения.

Тристан нахмурился и проводил её через улицу. Они прошли через ряд ступеней, пока он искал свои ключи. В конце концов, они вошли в квартиру 2D.

— Я отнесу твою сумку в мою комнату. В холодильнике есть пиво, если хочешь.

Сказать, что Джосси была удивлена его жилищем, было бы преуменьшением. Конечно, стены белые, а ковер светло-коричневый, но на этом всё типовое в этой квартире заканчивалось. Здесь вдоль стены находился встроенный книжный шкаф с пространством для телевизора. Всё было заполнено книгами. Новыми книгами, старыми книгами, твердые

обложки, бумажные обложки, все виды книг, которые она могла только представить, создавали мозаику, как в пэчворке, в противовес к остальному чистому пространству.

Открытый лэптоп лежал на небольшом деревянном столе с двумя разными стульями под ним. Поношенный диван украшал гостиную. Кроме этого, больше никакой другой мебели. Она подошла к книжному шкафу, провела пальцами по корешкам книг. Ни одно из названий не было ей знакомо, и неожиданно она почувствовала себя маленькой, находящейся вне своей лиги.

— Моя коллекция.

Джосси подпрыгнула, только сейчас заметив, как он близко к ней. Она повернулась и увидела Тристана, облокотившегося на полки.

— Я вижу, — ответила Джосси.

Он смотрел на неё так, как будто она постоянный и неизменно присутствующий здесь элемент, любимый предмет искусства на его стене. Их глаза встретились, когда он шагнул ближе. Его взгляд пригвоздил её. Тристан остановился всего в нескольких дюймах от её тела. Его большие руки схватились за полки позади неё, захватив Джосси в такую желанную для неё тюрьму.

— Мне нравится, что ты здесь, в моём пространстве, — сказал он, наклонив голову и шепча в её шею.

— В твоём пространстве?

— Да, ты знаешь, безграничное, трёхмерное, в котором объекты и происходящие события имеют относительное положение и ...

— Тристан, — прервала его Джосси. Он приподнял брови. — Заткнись.

Она закрыла глаза и потянулась к нему. Проскользнув своими указательными пальцами в петли для ремня на его джинсах, она притянула его ближе. И как всегда, пламя захватило её, и она задумалась о том, будет ли это чувство всепоглощающего желания когда-нибудь удовлетворено. Казалось, прошла целая жизнь до того момента, когда губы Тристана встретились с её губами, оставляя простые сладкие поцелуи. Время от времени его язык очерчивал её губы, и она забывала, как дышать.

— Есть кое-что, что я хочу тебе показать, — сказал он.

Отступив, Тристан потянулся к чему-то над её головой и вытащил книгу. Он проводил Джосси к дивану и посадил рядом с собой.

— Это наш ежегодник новичков, — сказал он, ответив на вопрос в её глазах.

Джосси смотрела на него с предвкушением, желая увидеть небольшую часть своего прошлого, счастливого и нормального. Когда она боялась узнавать что-нибудь о своем детстве, то никак не ожидала нормальности.

Пока они пролистывали страницы, Тристан взволнованно останавливался, указывая на их друзей и любимых учителей. Иногда некоторые фотографии он сопровождал историями, к которым в свою очередь вспоминал новые истории. Джосси внимательно слушала, впитывала каждое произносимое им слово и рассматривала чёрно-белые фотографии на страницах ежегодника. Когда они дошли до раздела, посвященного ученикам, она заметила что-то вроде закладки.

— Что это? — спросила она.

Тристан перевернул страницу и обнаружил маленькую металлическую заколку, которая зажимала страницу.

— Она твоя, — сказал он. — Я нашёл её в своей комнате через неделю после твоего

отъезда.

Он пробежался пальцами по странице вниз пока не остановился на её лице. Джосси смотрела, заинтригованная молодым более круглым лицом и знакомыми глазами.

Они продолжали просматривать книгу, Тристан отмечал некоторые фотографии, на которых она выглядела непринужденно. Намного счастливее. Беспечной и скромной. Джосси улыбнулась, глядя на фотографии, задумавшись о том, была ли в это время её улыбка искренней и неотретированной.

Следующим было фото Тристана, и он старался не обращать внимания на то, как Джосси хохотала до боли в животе.

Ему хотелось поймать звук её искреннего смеха и хранить у себя вечно.

— Ты был такой худенький! И твои волосы в таком беспорядке!

— Я был подростком. И я любил свои волосы, — парировал он, — и ты любила меня.

Она опустила взгляд на свои колени, ошеломленная его словами. Тяжелое молчание повисло между ними, пока Джосси не взяла себя в руки и не задала давно мучавший вопрос.

— Ты любил Фиону?

— Да, любил. Я бы никогда не остался с ней, если бы это было не так. Но всё было по-другому. Отличалось от того, что сейчас между нами, — объяснил он, указывая жестами на связь между ними.

— Я вроде как ненавижу её, — тихо призналась Джосси, рассматривая дыру на своих джинсах.

— Правда? — спросил Тристан, опустив руку на её плечи. — Но почему?

— Потому что она сделала тебе больно. Потому что ты был с ней всё это время, и она не ценила этого.

Тристан оставил поцелуй под её ухом и прошептал.

— Это должна быть ты.

В этот раз тишина ощущалась по-другому. Она была тёплой и комфортной, полная ощущения желания и любви.

— У тебя есть её фотография? Я хочу посмотреть.

Тристан неохотно кивнул и отошёл обратно к полкам, вытащив конверт между двумя книгами. Он сел на то же место рядом с Джосси и открыл конверт, достав из него фотографию.

Джосси внимательно смотрела на изображение. Девушка была красивой, со светлыми волосами и сверкающими голубыми глазами. В ней было всё, чего не было в Джосси. Она попробовала ассоциировать эту девушкой с болью и горем, причинённым Тристану, но у неё не получалось установить подобную связь. На этой фотографии можно было увидеть неподдельное счастье. Фиона улыбалась и обнимала мальчика, но не Тристана.

— Кто он? — спросила она.

— Это её брат-близнец. Я никогда его не знал. Он умер, когда им было по шестнадцать лет. Я украл это фото, перед тем как уйти. Глупость. Просто хотел сделать ей больно.

Джосси кивнула, абсолютно понимая его поступок.

Следующим утром Джосси проснулась в настоящей кровати с чистыми простынями и мягкими подушками. Её голова лежала у Тристана на груди, рука и нога были переброшены через его тело.

Она подавила зевок и перекатилась на спину, растягивая мышцы рук и ног. Комната была наполнена солнечным светом, и она не могла поверить, что спала так долго в таких

условиях.

Она повернулась к Тристану, её глаза запоминали каждый нюанс в мужчине перед ней. Он лежал на одеяле, голые ноги были скрещены в районе лодыжек. Чёрные пижамные штаны низко сидели на его бедрах, немедленно уговаривая посмотреть вверх. Все выпуклости и впадинки мускулистой груди, а также его пресс освещались солнечными лучами, которые отбрасывали золотые тени на его кожу. Трепещущие очертания и пересекающиеся линии татуировок облегали его руки, как будто они всегда здесь были. Длинные пальцы обернуты вокруг открытой замусоленной бумажной книжки. Его волосы отросли на данный момент и находились сейчас в небольшом беспорядке. Щетина на челюсти отбрасывала легкую тень на лице, и она вздохнула, вспомнив, как она ощущается под её пальцами. Рот Тристана слегка открыт, его розовый язык скользил взад и вперед по нижней губе, в то время как его глаза были устремлены к книжной странице. На его носу располагалась пара очков в чёрной оправе.

— Ты пялишься, — сказал он, не отрываясь от книги.

— С каких пор ты носишь очки?

— Ох, — сказал он, немедленно потянувшись, чтобы снять их. — Иногда, когда я читаю.

Джосси перехватила его руку, останавливая движение и улыбаясь ему.

— Они мне нравятся.

— Правда? — спросил он.

— В тебе появилось что-то от горячего нёрда.

— Горячий нёрд? Разве это не оксюморон?

— А как ты называешь меня? — подразнила его Джосси.

Она поцеловала его в губы и спрыгнула с кровати, направляясь в ванну. Тристан покачал головой в неверии, обожая то, как она всегда может найти способ удивить его. Отметив страницу, он положил книжку на ночной столик и закрыл глаза, стараясь очистить свой разум.

Он проснулся до рассвета, мысли не оставляли его в покое. Джосси в опасности, и ему нужно узнать почему. Он не мог поверить, что позволил уговорить его остаться с ней на три дня. Это время можно было провести с большей пользой, обеспечивая её безопасность.

Она вышла из ванной, и он тотчас понял, как именно ей удалось убедить его. Одно лишь её присутствие взывало к его слабости. Джосси, стоящая рядом с его кроватью, была прекрасна со своими взъерошенными волосами и бесконечно длинными ногами. Прошло уже некоторое время с тех пор, как он хотел разделить свою жизнь с кем-то, но она здесь, и Тристана радовало, что он мог видеть её рядом с собой.

Морт зашёл в душ и позволил воде бежать по лицу. Он прижался предплечьем к холодной плитке и улыбнулся, всё ещё в восторге от вчерашней находки. Он устроился неподалеку от квартиры Джосси Бенкс в Норт Парк и весь предыдущий день провёл в ожидании того, чтобы наконец взглянуть на неё. Ему не терпелось увидеть её, так как ничто другое не могло подтвердить её существование. Он внимательно смотрел на здание с чувством ненависти, моля о том, чтобы она, наконец, появилась. В конце концов она вышла, спеша вниз по ступенькам с большой сумкой, перекинутой через плечо. Она сильно отличалась тёмной и мрачной красотой от той девочки-подростка, которую он помнил по

фотографии.

Она была маленького роста, простая мишень для такого человека, как он. Но она была не одна. Рядом с ней шёл молодой парень, возможно, её возраста. Его руки были покрыты татуировками. То, как он улыбался девушке, явно демонстрировало влюбленность.

Морт щёлкнул несколько фото этой пары и наблюдал, как они исчезли вдали квартала. На его лице появилась злая ухмылка от мысли, что он избавится от девушки. Чёрт возьми, убив её, он, возможно, сделает ей одолжение. После всего того дерьма, через которое ей пришлось пройти, она должна была встретить его, как ангела сострадания. Он никогда ещё не тратил столько времени и столько усилий на работу, и ему было немного не по себе от того, что он привязался к этой девушке. Он, конечно, хотел закончить с этим заданием, но дело ощущалось по-другому по сравнению с прочими убийствами.

Выйдя из душа, он вытерся и протер зеркало. Его расплывчатое туманное отражение смотрело на него в ответ. Но он не верил своим глазам. Казалось, что он неким образом изменился.

Одевшись, он отправил фотографии Джосси Молони, чтобы подтвердить, что он нашёл её. Адреналин яростно стучал в его венах так же, как когда он впервые успешно побил человека.

Осталось дел лишь на пару дней: нужно определить, есть ли у неё что-то вроде распорядка дня. Ему надо синхронизировать свои внутренние часы с её, стараясь связать их любым возможным способом.

Всегда лучше убивать человека в каком-то публичном месте, подальше от дома. Тогда убийство кажется менее личным. Хотя он знал, что где бы оно не происходило, это всегда что-то личное. И всегда был шанс, что могут появиться свидетели, но Морт никогда об этом не волновался. За все эти годы в этом деле он превосходно овладел искусством быть невидимым, когда это необходимо.

Как только Морт вышел за дверь, прожужжал его телефон. Он проверил, кто это, и улыбнулся.

— Вы видели фотографии? — спросил он спокойно.

— Есть изменения в планах, — голос Молони звучал насмешливо. — Не убивай её. Доставь девчонку ко мне живой. — Морт замер, сердце стучало в его груди. Между собеседниками повисла тишина. Он ненавидел, когда происходило что-то неожиданное. Это случалось редко. — Какая-то проблема? — спросил Молони.

— Нет проблем.

— Хорошо. Время пошло.

Глава 14

Вращение

Движение одного небесного тела по орбите другого

Тристан и Джосси устроились на открытой веранде «Новоорлеанского Креольского Кафе». Это было чудесное место в исторической части Старого Города. Тристан потягивал пиво, в то время как Джосси одолевало сильное желание достать маркер из сумки и отметить свой стул тэгом. Прошло слишком много времени с того момента, как она в последний раз рисовала что-то значительное, и сейчас она уже с трудом боролась со своими позывами.

— О чём ты так сильно задумалась? — спросил Тристан.

— Собираюсь что-нибудь нарисовать. Я слишком давно этого не делала.

Тристан нахмурился и поставил бутылку пива на стол.

— Мне не нравится, что ты этим занимаешься, — сказал он, не глядя на неё.

— Я знаю. Это не так опасно, как ты думаешь. Меня ещё ни разу не поймали.

— В закрытом обществе, где каждый виновен, преступление состоит в том, что тебя поймали.

— Хмм... Кто это сказал? — спросила она.

— Хантер С. Томпсон. Он был настолько прогрессивным человеком, что журнал «Роллинг Стоунз» опубликовал предсмертную записку, оставленную им перед самоубийством.

— Вау.

— Я читал книжку, которая называлась «Притягательность искусства». Это учебник, но его интересно читать. В этой книге говорится, как любое искусство в наши дни будет поощрять будущие поколения к тому же самому.

— Видишь? Я направляю будущие поколения, — сказала Джосси.

— К чему тогда ты их направляешь? К вандализму? В книге также обсуждается мотивация людей, которая стоит за способами их художественного самовыражения. Так какая же у тебя мотивация?

— Я не знаю, Тристан. Мне нравится сама идея того, что где-то есть часть меня, которая будет существовать вечно. Это как способность общаться без слов. Ты меня понимаешь?

Тристан кивнул и допил своё пиво.

— Ты талантлива. И всегда будешь. Ты можешь проявлять свой талант другими способами, вполне легальными. Если тебя поймают, то тебя можно будет связать с каждым твоим граффити.

— Не волнуйся так сильно. Будет сложно связать все мои работы, так как я сменила свою подпись несколько месяцев назад. Раньше я использовала подпись «ДжэйБи».

— А сейчас? — спросил он.

Джосси посмотрела в сторону, улыбка появилась на её губах.

— Банди.

Тристан рассмеялся и обернул руки вокруг её плеч.

— Джосси! — окликнула её Моника, заметив их.

Она проигнорировала стон Джосси, когда та поднялась поприветствовать её. Моника едва сдерживала воодушевление. Ей так хотелось обнять Джосси и поблагодарить её за то, что она дала шанс их отношениям, но она понимала, что не может нарушать установленные ими личные границы. Вместо этого она взволнованно помахала рукой в ответ.

— Извините, я опоздала. Пришлось задержаться на работе. Клянусь, мне приходится регистрировать в документах даже перерывы на туалет. В обществе принято убивать деревья на постоянной основе. В любом случае, вы двое выглядите великолепно.

— Спасибо, — ответил Тристан, хотя это прозвучало больше как вопрос.

Несколько секунд он изучал Моника. Их последняя встреча была короткой, но он мог сказать, что таких людей как Моника, его мать называла воодушевлёнными.

— Где твой бойфренд? — спросила Джосси, осматривая улицу.

— Уф, — пробормотала Моника. — Он не смог прийти. Опять работа. Какая-то крупная закупка недвижимости, или что-то вроде этого. Я не знаю. Ну, я думаю хорошо, когда много

работы. Нет страха потерять работу и всё такое.

Сама того не ожидая, Джосси поняла, что хорошо проводит время в обществе Моники. Обидно, что Робу приходится работать допоздна. Джосси было бы любопытно познакомиться с человеком, который смог приручить такой непреклонный сгусток энергии, как Моника Темплтон. Как и следовало ожидать, Тристан был профи в том, как сделать так, чтобы Моника почувствовала себя уютно и включилась в их разговор. Моника говорила много и ни о чём. С Тристаном под боком Джосси удавалось не увлекаться закатыванием глаз и вздохами.

Их ужин проходил в узком кругу, и после двух бокалов вина Джосси заметила, что кипучая личность Моники её больше развлекает, нежели раздражает. Тристана же казалось совсем не трогает её склонность к драматизму. Он был добрым, обаятельным и очаровательным, как всегда.

— Что ж, спасибо вам за чудесный вечер, — сказала Моника.

Джосси фыркнула в ответ на такую формальность. Тристан толкнул её локтем.

— Было очень приятно, — ответил Тристан, блеснув своей кривоватой ухмылкой.

— Ох, Боже мой, ты просто восхитителен. Тебе лучше держаться за него. — сказала Моника Джосси, перед тем как, подмигнув, поспешила на улицу.

Монике не хотелось возвращаться домой после того, как их ужин закончился. Но она поняла, что Тристану и Джосси очень хочется остаться наедине друг с другом, так что она попрощалась и направилась в ближайший бар, чтобы выпить. Она села у барной стойки и заказала их фирменную маргариту. Декор бара вызвал у Моники улыбку. Праздничные цвета и музыка, казалось, способствовали поднятию настроения. Она отправила Робу смску, сообщив, где находится. Он пообещал, что вскоре присоединится к ней. Моника расстроило, что он пропустил ужин, в очередной раз застряв в офисе. Насколько Моника была счастлива с Робом, настолько ненавидела те моменты, когда он был недоступен для неё. Она знала, что он руководитель в корпорации, занимающейся недвижимостью, но она никогда не расспрашивала его о работе. Казалось, что любые разговоры об этом заставляли его нервничать. Она делала всё возможное, чтобы отвлекать его внимание от этой темы. Моника до этого никогда не ощущала, что она настолько важна для другого человека, и она была в абсолютном восторге от этого ощущения.

Оценив тех немногих, кто был в баре, она потягивала алкоголь и наблюдала за барменом, смешивающим какой-то фруктовый коктейль и флиртуящим с туристками.

— Моника? — услышала она знакомый голос позади себя.

Обернувшись, она увидела Эвана, который стоял рядом с ней и смотрел на неё так, словно она добыча. Он был одет в тёмные потёртые джинсы и в чёрную рубашку, выглядел он при этом привлекательно и немного опасно. Его тёплые карие глаза блестели из-под бейсболки. Несмотря на всё его обаяние, она могла почувствовать, что его мысли были какими угодно, но не невинными.

— Эван, — сказала она, одарив его осторожной улыбкой.

Он присел рядом с ней и заказал виски. В тот же момент Моника начало терзать чувство вины из-за того, что она находится рядом с этим человеком. Она колебалась между желанием, чтобы Роб появился как можно скорее, и желанием, чтобы он находился подальше отсюда.

— Я был неподалёку. Почему ты здесь одна?

— Мой парень работает сегодня допоздна, но он совсем скоро присоединится ко мне, — сказала она уверенно, надеясь, что Эван не поймёт, что это не совсем правда.

— Здорово, здорово. Кажется, сегодня ты в отличном настроении. У тебя был хороший день?

— Ага. Просто у меня сегодня был ужин с подругой и её парнем. Правда она на самом деле не считает меня своим другом, но я думаю, что теперь мы стали ближе друг другу. Надеюсь, что я увижусь с ней вскоре, после того как её парень завтра уедет из города. Может, заскочу к ней на минутку, сделаю ей сюрприз или что-то вроде этого. О, Господи, я слишком много болтаю.

Моника быстро закрыла свой рот и дала знак бармену, чтобы он принёс ей ещё один коктейль. Она не могла понять, почему рядом с этим мужчиной она становилась бубнящей дурочкой. Она не страдала подобным словесный поносом, с тех пор как закончила старшую школу.

Эван засмеялся и сделал большой глоток виски, наслаждаясь тем, как оно медленно обжигает горло. Он наклонился ближе к ней, отчётливо ощутив аромат цветочного парфюма.

— Я заставляю вас нервничать, мисс Темплтон?

— Ох, нет, я просто... подожди, откуда ты знаешь мою фамилию? Я не припоминаю, чтобы я её называла.

Моника глядела на него с подозрением, неожиданно почувствовав себя неуютно под его голодным взглядом. Эван подвинулся, поменяв своё положение, и опустошил стакан. Его глаза стреляли взад-вперед, как будто он искал приемлемый ответ.

— Хорошо, мне стыдно в этом признаваться, но я прочитал твою фамилию на твоём бэйджке, когда мы встретились в кофейне. Также я нашёл тебя на Фейсбуке. Так что я знаю где ты работаешь и где развлекаешься, — сказал он, показывая на бар. — А где ты живёшь?

— Я думаю, я и дальше буду хранить сей любопытный факт в секрете, — пошутила она, уже не так нервничая, как до этого.

— О, я неплохой парень, — сказал он. — И ради справедливости, я расскажу тебе, где живу я. Район Океанский Пляж.

— Мне нравится О.П. Я проводила там много времени, когда была подростком. Мы старались приехать туда пораньше и пропадали весь день на пляже. Мы обедали в «Ходадс» и брали мороженое, перед тем как вечером отправиться смотреть на прилив. Было здорово.

Эван улыбнулся и дал знак бармену повторить заказ.

— Хорошо, эй, ты должна заехать как-нибудь. Мы могли бы приготовить что-нибудь на гриле, и ты бы помогла мне украсить моё новое жильё. Я знаю, ты хороша в этом.

— Откуда ты можешь это знать? — спросила она.

— Ну... ох, ты всегда выглядишь безупречно. Я могу поклясться, что это также распространяется и на твой дом.

Моника почувствовала себя слегка польщенной, но в тоже время эти слова внушали ей сомнение. Она сделала большой глоток и улыбнулась Эвану, поджав губы, не желая, чтобы он принял её вежливую улыбку за что-то большее. Решив, что она надумывает лишнего, она приняла для себя тот факт, что ей приятно его восхищение. Не так часто мужчины оказывали ей подобное внимание.

— Так что же с той подругой, которая не подруга, но может стать ею, — он сделал

паузу, надеясь, что она подхватит его дразнящий тон. — Это очень заботливо с твоей стороны — проводить с ней время, пока она будет в разлуке со своим парнем.

— Я должна ей гораздо больше, чем это.

— Звучит так, как будто ты готова на многое ради неё, она явно важна для тебя.

— Это сложно, — ответила она быстро, допив коктейль.

— Что ж, я готов предоставить тебе свои уши, если ты нуждаешься в слушателе.

— От тебя она ни в чём не нуждается, — хриплый голос Роба прервал их разговор.

Моника и Эван обернулись и увидели Роба, нависающего над ними. Эван распрямил плечи и стал как будто выше несмотря на то, что сидел на стуле, в то время как у Моника вид был кроткий и немного виноватый. Роб выглядел угрюмо, его взглядом, казалось, можно убить.

— Роб, ты ведь помнишь Эвана? — приняв невинный вид, спросила Моника, указывая на своего соседа у барной стойки. Роб кивнул в ответ, но при этом держал свои руки прижатыми по бокам, его губы были сжаты в твёрдую линию.

— Он ведь уже уходит, правда? — сказал Роб с насмешкой в голосе.

Эван опять облокотился на барную стойку, чувствуя себя при этом как дома.

— Вообще-то я только пришёл.

Гнев затуманил зрение Роба, когда он бросился на мужчину и столкнул того с его места. Его кулак обхватил воротника рубашки Эвана, заставив того встать.

— Я сказал, ты уже уходишь, — голос Роба звучал устрашающе спокойно.

— Роб! — закричала Моника, удивлённая его внезапной враждебностью.

Он проигнорировал Моника, ожидая от Эвана согласия. Натянуто кивнув, тот отступил. Он кинул несколько купюр на барную стойку и пожелал доброй ночи, перед тем как удалиться. Моника не смотрела, как он уходит, всё её внимание было сконцентрировано на мужчине, сидящем сейчас рядом с ней.

— У вас всё в порядке? — спросил бармен.

— Чистый виски «Джемисон», — сказал Роб и обратился к Монике. — Что он здесь делал?

— Я клянусь, я случайно столкнулась с ним в этом баре. Хотя я не думаю, что это было просто случайное стечение обстоятельств. В нём есть что-то пугающее.

Роб натянуто кивнул и одним махом опустошил рюмку, сразу попросив ещё одну. Моника ещё ни разу не видела его настолько разгневанным. Хотя это было немного пугающе, но в то же время и невероятно сексуально. Она чувствовала неловкость, что в этот момент её захватило влечение.

— Моника, я говорил тебе, что не доверяю ему. Я знаю, это всего лишь моё предположение, но я ожидаю, что ты прислушаешься ко мне. Я не делюсь.

Она принадлежала ему всеми возможными способами, но в его устах эти слова приобретали особую весомость. Она решила ещё спровоцировать его. Тот факт, что он думает, что она так легко может предать его, выводил её из себя.

— Ох, что ж, очень жаль. Я как раз собиралась оседлать его колени посреди этого бара, перед тем как ты пришёл, — дразнящим тоном сказала Моника. — Мы просто разговаривали.

Вскоре они покинули бар, Роб за рулем вел себя нервозно. Он не промолвил ни единого слова за прошедшие тридцать минут, её это с ума сводило. Но когда они зашли в квартиру, он набросился на неё. Сначала она отпрянула, неуверенная в том, чего ожидать от его атаки,

но глубоко в своём сердце она знала, что у неё нет причин бояться его.

Словно пещерный человек, отстаивающий свою территорию, он рвал её одежду, не отрываясь от её губ. То, что началось, как нечто грубое и маниакальное, медленно трансформировалось в нечто медленное и чувственное, когда он оставлял мягкие горячие поцелуи на её губах и шептал слова извинения напротив её кожи. Их переплетённые тела были доказательством их обоюдной одержимости друг другом и взаимопонимания.

Моника засыпала, ощущая его сильные руки вокруг себя и слушая произнесённые шёпотом признания в любви.

Вернувшись в квартиру Джосси, Тристан раздевался, чтобы лечь спать, пока Джосси умывалась. Тристан настоял на том, чтобы они перевезли некоторые вещи из его квартиры к ней. Так что теперь он застилал её матрас новыми чистыми простынями и взбивал подушки. Он улёгся и начал читать книгу, пока ждал Джосси.

— Так что, ты уезжаешь утром? — голос Джосси донёсся из ванной комнаты.

Тристан оторвал взгляд от книги и посмотрел на её отражение в зеркале. Она нервничала. Он хотел разгладить морщинки на её нахмурившемся лбу и сказать ей, что всё будет хорошо, но не любил давать неоправданных обещаний. Последние три дня он провёл, как будто в раю. Они существовали в своём небольшом уютном мыльном пузыре и вели себя так, как будто не существовало ни убийц, ни злых замыслов, направленных на них.

— Да, я планирую проезжать в день от восьми до десяти часов, так что должен буду добраться туда ночью в субботу.

Джосси стояла в дверном проёме спальни и наблюдала за тем, как он рассматривает её. Она улыбнулась, глядя на Тристана, лежащего на её матрасе с книжкой в руках и в очках. Он так подходил этому месту, Джосси не могла представить здесь никого другого.

— Дай мне только дочитать главу, и я выключу свет, — пробормотал он, не отрываясь от книжной страницы.

Она легла рядом с ним, устроившись на одолженной подушке. Джосси нравились новые простыни и эти мягкие подушки. Когда-то для неё это было роскошью и сейчас она поняла, что даже не знала, что упускала.

Тристан закрыл книгу, снял очки и положил свои вещи на пол. Он повернулся к Джосси и притянул её ближе к себе, желая запомнить ощущения от её рук, обёрнутых вокруг него. В последнее время они проводили так много времени вместе, и он с трудом представлял, какой будет его жизнь вдалеке от неё.

— Я буду скучать по тебе, — прозвучали его слова в тишине комнаты, и он обнял её крепче. — Это будет долгая и одинокая поездка в Луизиану.

Джосси избегала его взгляда и выражения своих истинных эмоций.

— Думаешь, ты сможешь что-нибудь найти? Это может быть опасно. Я не думаю, что тебе стоит ехать туда.

— Со мной всё будет в порядке. У меня есть связи там, люди, которые смогут помочь.

Джосси кивнула, она знала, что он чувствовал себя обязанным сделать это. Ей хотелось кричать и плакать, умолять его остаться, но она понимала, что все её усилия будут бесполезны. Так что она только привстала и оставила поцелуй на его груди. Она переместила его руку поперек тела Тристана и пальцами проследила линии татуировки, изображающей их дерево.

— Это моя старая толстовка? — спросил Тристан, разглядывая чёрный комок в углу комнаты.

— Да, я спала в ней раньше, но она больше не пахнет тобой, — Джосси сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, пытаясь усмирить возрастающую в ней панику. — Пожалуйста, вернись ко мне, — прошептала она.

— Я обещаю, — ответил он, приподняв её подбородок, чтобы наконец увидеть её глаза.

— Обещания — это только лишь твои лучшие намерения, — напомнила она ему.

До конца ночи они чередовали занятия любовью со сном. Каждый раз, когда он дотрагивался до неё, сон уходил, и они цеплялись друг за друга и шептались друг другу о своих чувствах. Рано утром, ещё до рассвета, Джосси разбудила его в последний раз. Со слезами отчаяния она умоляла его. Она не хотела мягкого и нежного занятия любовью, она хотела жесткого собственнического секса. Она желала, чтобы её тело могло напоминать ей об этой ночи приступами боли и ноющими бёдрами.

Тристан дал ей то, в чём она нуждалась. Когда она лишилась всех сил, он обернул её прохладной простынёй и поцеловал в висок. Он был изнурён, но всё-таки заставил себя пойти в душ.

И когда луч раннего утреннего солнца пытался найти для себя путь сквозь плотные шторы, Тристан уже был на ногах, стоял рядом с матрасом и наблюдал за спящей Джосси. Даже во сне она звала его. Он посмотрел на собранную им в дорогу сумку, ожидающую его около двери. Тристан призвал всю свою волю и прошептал слова прощания. Вспомнив о своей старой толстовку, он надел её, представляя, как будто это Джосси обнимает его.

Глава 15

Покрытие

Явление, когда одно небесное тело затеняет другое

В своей жизни Тристану не раз доводилось совершать трудные для него поступки. Ему пришлось столкнуться лицом к лицу как со своими демонами, так и с чужими. В него стреляли, ему угрожали, он нашёл в себе силы собрать своё разбитое сердце, но ничто из этого не шло ни в какое в сравнение с тем, как тяжело ему было покинуть девушку, которую он любил.

Во время сна с её лица исчезал отпечаток суровости и сомнений, которые почти всегда были с ней, когда она бодрствовала. Её ресницы бросали небольшие тени на веснушчатые щеки. Несмотря на то, что её полные губы были сжаты, они, казалось, так и молили о поцелуе. Словно оказавшись в трагедии с предсказуемым сюжетом, где-то глубоко внутри Тристана преследовало чувство, что он больше никогда не увидит её. Именно из-за этого ему было так тяжело покидать Джосси.

Пройдя по тёмному грязному холлу дома, в котором жила его девушка, он добрался до двери в квартиру Алекса и стучал по ней, пока тот не проснулся. Дверь распахнулась и к голове Тристана приставили пистолет. Тристан даже не дёрнулся, ожидая момента, когда Алекс поймёт, кто стоит перед ним. По своему опыту он уже знал, какие ощущения испытывает человек, когда на него направлено дуло пистолета, и спустя годы он научился относиться к этому спокойно. Алекс улыбнулся и опустил оружие.

— Чёрт, мужик. Что настолько адски важное не могло подождать, пока солнце встанет? — спросил Алекс, показывая Тристану, что тот может войти.

Тристан зашёл в квартиру.

— Мне нужно, чтобы ты присматривал за ней даже внимательней, чем обычно. На неё может быть организовано нападение. И это будут профессионалы. Я еду назад, в наши края, чтобы разузнать побольше.

— Я убью любого, кто приблизится к ней, — прорычал Алекс. — Почему ты не возьмёшь её с собой?

— Я не могу поехать вместе с ней. Это слишком опасно. Я думал о том, чтобы перевезти её в мою квартиру, но они знают, где я живу. Здесь она в большей безопасности.

Алекс прислонился к дверному проёму, скрестив руки, и шумно выдохнул.

— Ты знаешь, я уберегу её. Связавшись со мной, ты связался с лучшим!

— Очень мило, Тони Монтана.

Они стукнулись кулаками, признавая этим единство своих интересов, что-то вроде молчаливой клятвы между ними о том, что они могут безоговорочно доверять друг другу.

Пока Тристан мчался на восток по трассе I-10, он осознал, насколько сильно его напрягает тот факт, что ему придётся много времени провести наедине с собой. Он не знал, насколько близко к ним подобрался человек Молони, именно поэтому решил ехать на машине, а не лететь на самолёте. Так он сможет быть вне их радаров ещё какое-то время.

За последние тридцать восемь часов все его мысли были о Джосси. Оказавшись в условиях, когда не с кем поговорить, кроме бескрайней дороги перед ним, он невольно стал узником своих воспоминаний. Ничто не могло отвлечь его от этих мыслей, кроме дорожных знаков, указывающих сколько он проехал, и других водителей. Он раздумывал о том, куда они направляются и что они ожидают найти там, когда доберутся. Те же вопросы он задавал и себе. Иногда он часами вёл машину, не зная, где находится в данный момент или где он был несколькими часами ранее.

Всё больше отдаляясь от Западного побережья, он начал замечать, как воздух становится всё теплее и плотнее. Юг представлял собой знакомую для него картину, на которой деревьев было больше, чем зданий. Сосны, дубы и кипарисы пролетали мимо островками зелёной дымки в его окне. Он чувствовал себя как дома.

Дом был там, где жили его родители, в этом прекрасном особняке в викторианском стиле на западном берегу реки Миссисипи. Там он провёл всё своё детство, окружённый знакомыми лицами и всегда одной и той же группой сверстников. Домом было то место, где начинались и заканчивались все воспоминания о МакКензи. Именно здесь, когда Фиона вошла в его жизнь, он принял опрометчивое решение и отказался от всех своих планов на будущее. Это было место, где он, сидя на кожаном диване в гостиной, разбил сердца своих родителей.

Тристан раздумывал о том, стоит ли звонить матери и отцу, чтобы предупредить их о своём приезде. В конце концов малодушие одержало верх, и он просто решил сделать им сюрприз. Лёгкая ухмылка появилась на его губах, когда он подумал, что отца наверно хватит сердечный приступ, когда он его увидит. Такой авторитетный врач, как Даниэль Фоллбрук, абсолютно точно не обнимет своего единственного ребёнка, который своим видом больше смахивает на бандита. И всё же Тристан был уверен, что его мать это не остановит. Она повиснет на нём и утопит его в своих слезах радости от того, что он вернулся к ним. Неожиданно он перестал бояться возвращения домой и вжал педаль газа.

Около одиннадцати часов вечера он свернул на дорогу, вдоль которой росли столетние дубы, покрытые испанским мхом. Волнение взяло над ним верх, и он вытер вспотевшие ладони о свои джинсы. Его пульс ускорился, и он усиленно раздумывал о том, почему

тревога так изводит его. А потом он понял в чём дело — он боялся, что его отвергнут.

Он припарковался позади машины своего отца и погасил фары. Почти две минуты он размышлял, может быть, стоит уехать отсюда и найти отель в городе. Он раздумывал ровно до того момента, как его взгляд остановился на старом, таком знакомом ему дереве. Сидя в машине на границе их собственности, он отчётливо видел его даже при отсутствии лунного света, который еле-еле проникал через облачное ночное небо. Это дерево пробудило тёплое чувство в его груди, и он напомнил себе, что приехал сюда главным образом из-за Джосси.

— Перестань быть таким трусом. Отказ — это избавление от чего-то испорченного и бесполезного. Они так не поступят, — говорил он сам себе.

Тристан встряхнул головой, перекинул ремень сумки через плечо, решив оставить пистолет под водительским сиденьем. Он поднялся на крыльцо к двери и сделал глубокий вдох, перед тем как позвонить в дверной звонок. Это казалось странным, он осознал, что никогда ещё не звонил в звонок своего собственного дома.

Время, казалось, двигалось слишком медленно, с каждой секундой его беспокойство росло в геометрической прогрессии. Он нажал на звонок ещё раз и выдохнул, мечтая о том, чтобы уже закончить с этим, чтобы он смог сконцентрироваться на Джосси. Несколько секунд спустя за дверью он услышал чьи-то шаркающие шаги и шёпот беседы. Красная дверь отворилась со скрипом и оба его родителя предстали перед ним, уставившись на него. Тристан расправил плечи и спрятал руки глубоко в карманах, ожидая, что будет, когда они поймут, что это он.

Они выглядели уставшими и изнурёнными. Но его мать была красива, как и всегда. Даже когда она стояла, съёжившись позади своего мужа, одетая в ночную рубашку, её причёска казалась идеальной, волосок к волоску. Отец Тристана стал выглядеть старше, седые волосы на висках выдавали его возраст. Их глаза начали осмотр с его ног и в синхронном танце двигались вверх по его телу, останавливаясь на рисунках на его коже и, в конце концов, достигнув лица. Его мать начала шумно ловить воздух, трясущиеся руки взлетели к её открытому рту.

— Тристан? — едва слышно произнёс Даниэль глухим голосом.

— Привет, — ответил Тристан, шаркая ногами и потирая рукой шею.

Отойдя от шока, Битси отодвинула мужа в сторону. Со слезами в глазах она бросилась к Тристану, спрятав лицо на его груди. Тристан крепко обнял маму.

— Ты здесь? Ты на самом деле здесь? — шептала она, хлюпая носом.

— Да мам, я здесь.

Тристан поцеловал её в макушку, как только она отпустила его и сделала шаг назад. Даниэль наблюдал за их воссоединением с противоречивыми эмоциями. Ликование, насторожённость и облегчение окутывали его разум, делая невозможным принятие сознательного решения. Не отдавая себе отчёта, он протянул руку Тристану в надежде что этот жест покажет, что он простил своего сына.

— Сын, — сказал Даниэль.

— Отец, — ответил Тристан, взяв отца за руку и пожав её.

Не позволив ему отойти, Даниэль притянул его в свои объятия. Несмотря на все их разногласия в прошлом, Тристан был его ребёнком, его плотью и кровью, и он безоговорочно любил его.

Битси провела их в дом, снова немедленно взяв на себя материнские обязанности. Она чувствовала себя превосходно в этой роли, так удовлетворённо. Слезы заполняли её глаза,

пока она наблюдала за Тристаном, сидевшим у кухонного островка и практически целиком заглатывающего сэндвич, который она ему приготовила. Её мальчик стал мужчиной. Он выглядел по-другому, таким повзрослевшим. Казалось, что в её кухне находится незнакомец.

Даниэль присоединился к жене и с изумлением рассматривал сына. Ему было интересно, какой из всех возможных сценариев жизни выбрал его мальчик. Какой именно путь сделал его таким мужчиной с коротко стриженными волосами и татуировками.

— Тристан, это на самом деле здорово, снова увидеть тебя, — мягко произнёс Даниэль, не зная, как поднять вопрос о намерениях Тристана. — Что привело тебя к нам?

Тристан прекратил жевать и внимательно посмотрел на отца. Конечно, они заслужили объяснения причин его внезапного приезда, но он не мог заставить себя поделиться с ними сейчас полной историей. Он откусил последний кусочек от сэндвича и быстро проглотил его.

— Мы можем поговорить завтра? Я был за рулём целых три дня. Мне на самом деле необходимо поспать.

— Конечно, — ответила его мать, грустная улыбка появилась на её губах.

— Мы поговорим завтра утром, — сказал его отец тоном, не принимающим отказа.

Без слов Битси отвела Тристана наверх, в его старую комнату, где, как он заметил, ничего не изменилось. Его глаза просканировали помещение, и он улыбнулся всем воскресшим в его памяти воспоминаниям. Каждая полка была заполнена книгами и его коллекцией музыки, не было ни одной пылинки на его вещах. Слишком уставший для дальнейшего исследования комнаты, он упал на свою кровать лицом вниз.

— Тебе что-нибудь нужно, малыш? — спросила его мать.

— Нет. Всё хорошо. Просто я сильно устал. Очень сильно, — пробормотал он в матрас.

— Ну тогда ладно, ты знаешь, где нас можно найти, если тебе что-нибудь понадобится. Просто постучи.

Битси улыбнулась, глядя на его крупную фигуру, распластавшуюся по кровати. Его ноги свисали, а раскинутые руки доставали до противоположных краёв постели. Она хотела подойти к нему, пристроиться позади и обнять, но она понимала, что не должна этого делать. Она всеми силами сопротивлялась желанию поцеловать его на ночь и аккуратно закрыла за собой дверь.

Этой ночью, когда все они спали глубоким сном, здание дома Фоллбруков из кирпича и известкового раствора, как по волшебству, снова превратилось для них в родной дом.

Чувствуя себя заложником, Джосси обошла периметр своей квартиры уже двадцать раз. У неё до этого никогда не было проблем с ограничением её передвижений. Она проводила так много времени в маленьких пространствах и не меньше времени в одиночестве, что подобная ситуация, казалось бы, должна быть для неё привычной. Она осознавала, что всё это связано с тем, что Тристан и Алекс запретили ей покидать квартиру. Одиночество было для неё приемлемым только на её условиях.

Это было третье по счёту утро после отъезда Тристана. И когда она пыталась вспомнить, какой была её жизнь до его появления, у неё не получалось. Она хотела только, чтобы он был здесь, рядом с ней. Она желала, чтобы он был счастлив и был в безопасности. Она просто хотела его.

Громкий удар в дверь прервал её внутренние блуждания. Она быстро пересекла

гостиную, чтобы открыть входную дверь. Она открыла уже два замка, когда вспомнила, что надо спросить кто это.

— Алекс, *tati*, — прокричал он.

Джосси впустила его в квартиру, а вместе с ним потрясающе пахнувший завтрак в пластиковом контейнере.

— Ох, что это? — спросила она, протягивая руки.

Он передал ей еду, сел на диван и поместил ноги в огромных ботинках на кофейный столик.

— Буррито на завтрак от «Сомбреро». *De nada*.

— Спасибо, — пробормотала она наполненным едой ртом.

Алекс кивнул и включил телевизор, жалуясь при этом, что у неё так мало каналов.

— Может тебе лучше пожить в моей квартире. По крайней мере, у меня есть кабельное.

— Ни в коем случае. Тот факт, что я застряла здесь вплоть до дальнейших распоряжений, уже является достаточным наказанием.

— Хорошо, как хочешь. Что-нибудь слышно от твоего парня?

— Он прислал мне смс вчера вечером, сообщив, что он дома у родителей, но это всё, — ответила она, стараясь чтобы в её голосе не было заметно разочарования.

— Не волнуйся, Джо. С ним будет всё нормально.

— Я знаю.

Но на самом деле она не знала, только надеялась. Джосси никогда не прибегала к молитвам, но последние две ночи она молилась о том, чтобы он вернулся в целости и сохранности. Она старалась убедить себя, зная, что он умён и закалён улицами, но утешение не приходило.

— Здесь, со мной, ты в безопасности. Никто не захочет связываться с этой коброй.

Алекс согнул свою большую руку и сделал вращающее движение кулаком, имитируя движения змеи. Джосси закатила глаза.

— Знаешь разницу между этой коброй и настоящей?

— Нет, но я уверена, что ты мне расскажешь.

— Если настоящая кобра достанет тебя, ты ещё сможешь выжить.

Он рассмеялся над собственной шуткой и лёг на диванные подушки. Джосси покачала головой и решила это не комментировать. Она не хотела поощрять его.

— Как ты думаешь, он найдёт там что-нибудь, Джо? — спросил Алекс.

— Мне уже всё равно. Я просто хочу, чтобы он вернулся ко мне. Мы могли бы уехать. Попробовать убежать от них. Или, если это неминуемо, что они найдут и убьют меня, я бы лучше провела оставшееся мне время рядом с Тристаном.

— Это тяжело. Ты скучаешь по нему? — спросил Алекс, его глаза внимательно изучали её.

Перед тем как ответить, она посмотрела на свои колени и на свой уже не такой аппетитный завтрак.

— Я люблю его.

Заставив родителей поклясться, что это останется тайной, Тристан усадил их за обеденный стол и рассказал всё, что знал. Он вновь пережил своё вступление в криминальный мир, разрыв с Фионой и переломный момент в его жизни, когда он

обнаружил МакКензи Делон. Они сохраняли молчание на протяжении всего его рассказа, обращая внимание на каждую деталь пересказанной им истории. Закончив, Тристан откинулся на спинку стула и выдохнул, почувствовав облегчение, что теперь он не один несёт эту ношу. Даниэль и Битси продолжали молчать, стараясь вникнуть в предоставленные им факты и понять, какими могут быть возможные последствия.

— Мне необходимо найти, каким образом Молони связан с Джосси, почему он желает ей смерти. Я не хочу вовлекать в это никого из вас. Я не хочу навлечь на вас опасность. Просто поймите, что мне нужно это сделать. Я не могу снова потерять её.

— Не могу поверить, что она жива, — прошептала Битси, дотянувшись через стол до руки Тристана.

— Большую часть времени я также не могу поверить в это, — сказал он серьёзно.

— Организованная преступность, Тристан? Ты ведь несерьёзно, — воскликнул Даниэль. — Ты ничего не сможешь сделать!

— Дорогой, — проговорила Битси, положив руку на его плечо.

— Я просто не могу понять, когда мы упустили тебя, — сказал он с поражением в голосе.

Битси стёрла слёзы со своих глаз, перед тем как они смогли бы испортить её макияж. Она посмотрела на мужа, а затем на сына, не зная каким образом вмешаться в их противостояние.

— Это неважно сейчас, отец. Может мы сфокусируемся на том, почему я здесь?

Даниэль сделал глубокий вздох и медленно выдохнул.

— Какой у тебя план, Тристан? — спросил Даниэль.

— Я собираюсь поговорить со всеми в полицейском участке, кто когда-либо работал с Эрлом. Я также знаю нескольких людей, которые работали с Молони. Я не хочу сообщать ему о моём присутствии здесь, так что их я оставлю напоследок.

— Это опасно. Мне не нравится, что ты будешь вовлечён во всё это, — предупредил его отец.

— Я уже вовлечён.

— Я знал, что Молони опасный человек. Но я и подумать не мог, что он зайдёт так далеко.

— Откуда ты знаешь Молони? — спросил Тристан, высказывание отца разожгло в нём любопытство.

Даниэль вздохнул и обхватил грудь руками. У него не было намерения когда-либо оглашать эту историю. Он обратил свой взгляд на Битси, зная, что она будет недовольна тем, что он скрывал это от неё.

— Это было весной перед твоим шестнадцатилетием. Сыну Дина Молони, Дину Младшему, был диагностирован порок сердца. Заболевание поздно диагностировали. После того, как мы переговорили с его родителями, все согласились, что операция была единственной надеждой. Операцию проводил я, мне ассистировал доктор Маркус. Его сердце останавливалось дважды на операционном столе, во второй раз мы не смогли вернуть его.

— Атриовентрикулярный дефект перегородки? — спросил Тристан. Даниэль кивнул, гордясь и вспоминая об уникальной памяти своего черноволосого мальчика, который устраивался на полу его кабинета, читая медицинские журналы, словно это комиксы.

— Фиона никогда не рассказывала о том, что с ним произошло, — пробормотал

Тристан.

— Когда я объяснял его семье, что мы потеряли его, Молони пришёл в ярость. Он сказал мне: «Ты заплатишь за это. Кровь за кровь, мой друг» Его речь выдавала в нём безумца. Я до сих пор помню его взгляд. Тогда я просто предположил, что это пустая угроза, которую спровоцировало горе.

— Господи, отец, ты не думал, что мне было полезно знать об этом, когда я начал встречаться с Фионой?

— Это бы что-нибудь изменило?

— Нет, — подтвердил Тристан, покачав головой.

Они сидели в тишине, впитывая всю ту важную информацию, которая открылась им. Битси тотчас же представила образ креста и крепко зажмурила глаза. Произнесённое шёпотом «Отче Наш» проносилось по комнате, эхом отражаясь от стен. Затем Битси открыла свои глаза, вспоминая свой собственный секрет.

— Есть ещё кое-что, — прошептала Битси, прервав свою молитву и содержащуюся в ней просьбу. Взгляды мужчин обратились к её полному раскаяния лицу. — Я сейчас вернусь.

Тристан и его отец сидели в тишине, окружённые рисунками Одюбона и столовым фарфором Битси, расставленным в старинном шкафу. Тристан не сводил глаз со своих пальцев, отстукивающих неопределённый ритм по столешнице, в то время как Даниэль пытался рассмотреть каждую деталь во внешности сына.

Битси вернулась с конвертом из плотной бумаги. Она села на своё место и вздохнула, позволяя вине и сожалению проникнуть в её слова.

— Я должна была отдать тебе это очень давно, — сказала она, подтолкнув конверт через стол к Тристану. — Оно пришло через шесть недель после того, как они уехали.

Тристан взял конверт и раскрыл его. Книга в пурпурном переплёте громким ударом приземлилась на полированную деревянную столешницу, раздавшийся в комнате звук был похож на звук пощёчины.

— Прости меня за то, что я утаила его от тебя. Не знаю, почему я хранила его до сих пор. Я думала, что лучше будет отгородить тебя от той части твоей жизни. Я никогда не думала, что...

Голос Битси становился просто путаницей из слов, пока пульс Тристана, казалось, отдавался в его ушах.

— Это дневник МакКензи, — в конце концов сказал он, пробежав пальцами по обложке. — Как ты могла?

— Прости меня, — было её единственным ответом, когда она отпрянула из-за его резких слов.

Он развернул конверт и увидел адрес, нацарапанный почерком четырнадцатилетней Макензи. Тристан резко поднялся из-за стола, схватив дневник, и устремился в тишину своей комнаты. Он закрыл на замок дверь и опустился на пол. Так он провёл несколько часов, читая слова, написанные лучшим другом его детства, каждая запись уносила его всё дальше в её мир, предшествующий её дальнейшей боли.

Молони сидел в старинном кресле в гостиной своей свекрови, чувствуя, что теряет мужественность из-за избытка текстиля в этой комнате. Этот розовый цветочный рисунок выглядел просто смешно в качестве антуража для его крупной фигуры и хмурого выражения

лица. Он потягивал виски «Джеймсон» и нетерпеливо постукивал пальцами по пухлой ручке кресла. Он хотел уйти отсюда несколько часов назад. Молони не привык делать то, что ему не нравится. Только одно удерживало его здесь, его единственной слабостью была его красавица-жена Джейн.

Она была мечтой во плоти и с годами становилась только краше. Её длинные рыжеватые светлые волосы, падающие завитками на плечи, прекрасно обрамляли её ангельское лицо. Молони улыбался, пока она с воодушевлением рассказывала историю, при этом энергично размахивая руками. Его привлекала её отвага, её огонь. И он любил то, что она любила его без всяких условий. Джейн не устанавливала никаких правил, когда это касалось их совместной жизни. Она поклялась быть преданной ему и с охотой терпела то, что предоставляла жизнь с Молони.

Не то, чтобы она при этом сильно страдала. С помощью вымогательства, оружия, торговли наркотиками и азартных игр, Молони обеспечивал им комфортную жизнь. У них были призовые лошади, скрытая ото всех частная собственность и красивый дом. Не хватало только семьи.

Молони вылил остатки виски из стакана в рот и сделал глоток. Огонь от алкоголя прошёл по его глотке и достиг холодного сердца, перед тем как переместиться в желудок. Со всем его богатством и властью, у него до сих пор не было того, чего он желал больше всего — наследника. Его сын умер, а дочь на другом конце страны начала новую жизнь.

Он нахмурился, глядя на пустой стакан и попытался покомфортней устроиться в этом неудобном предмете мебели. Он заметил, что ему трудно поддерживать идущую в данный момент беседу, в то время как существовало достаточно много проблем, о которых стоило позаботиться. Чуть раньше позвонил Барри с новыми новостями о том, что Джино Галлис убивает подчинённых Молони. Как будто итальянцев ему было недостаточно, так Тристан и Джосси также длительное время были словно две занозы в его боку.

Девчонка знала секреты, которые определённо могли расстроить всю операцию. Её отец, Эрл, был достаточно глуп, чтобы обратиться к федералам, и сейчас она должна расплатиться за его ошибку. Люди Молони похитили и удерживали шефа полиции и его дочь, и она была свидетелем их достаточно архаичных методов пыток. На протяжении дней они били, кололи, жгли и ранили этого мужчину, спрашивая о том, что он рассказал федералам. Джосси кричала и умоляла их остановиться, но они, словно машины, не обращали внимания на детские слёзы. В конце концов, они получили всю информацию, в которой нуждались. Молони выстрелил и убил Эрла Делон прямо на глазах его дочери. Сообщив ей, что она будет следующей, Молони приказал своим людям покончить с ней, покинул Бруклинский товарный склад и сел на самолёт домой.

И только восемь лет спустя Молони узнал, что его люди из Нью-Йорка провалили это дело. Один из этих ублюдков, как-то напившись, признался Барри, что девчонка сбежала. И хотя имелся официальный рапорт Департамента полиции Нью-Йорка, что тело мёртвой девочки было обнаружено на конечной станции метро, он не был настолько глуп, чтобы поверить в это. Он нутром это чувствовал. Подозревал, что ФБР связало произошедшее с ним, и они спрятали её. Он злился, как никогда.

Избавившись от Тристана и этой девчонки, ничто не мешает ему уничтожить итальянцев и укрепить свою власть в Новом Орлеане. Он не покинет город из-за этих грязных итальяшек.

— И тогда Миртл пообещала саботировать клумбу Салли, — восклицала его тёща.

Молони усмехнулся, зная, что настало время применить хитрость.

— Нам действительно пора уходить, — сообщил он.

После долгих объятий он кивком дал знак Фрэнку подогнать машину. Молони держал пальто Джейн, пока она продевала руки в рукава. Улыбаясь, она поцеловала свою мать в щёку и пообещала приехать в ближайшее время.

Когда пара вышла на улицу, где их окутало прохладой, Фрэнк дистанционно завёл машину. Таким образом обогреватель успевал согреть салон машины до того, как пассажиры сядут в неё. Незначительная роскошь, которую Молони очень ценил, удобства, о которых его бедные и нищие родители даже не знали.

Когда посланный рукой Фрэнка электронный сигнал достиг машины, искра пролетела через устройство, прикреплённое к ходовой части автомобиля. Громкий взрыв прорезал их слух, когда огонь и дым поглотили автомобиль.

Молони заслонил жену, защищая её от обломков, пока она кричала, уткнувшись в его плечо.

— Я позвоню в полицию, — закричала его тёща.

— Нет, — ответил Молони.

Его резкое возражение заставило её замереть на ступеньках крыльца. И хотя она не привыкла подчиняться чьим-либо приказам, она знала, что не надо недооценивать этого мужчину. Он опасен. Если бы не его неоспоримая любовь к её дочери, она бы прекратила эти отношения много лет назад.

— Что это было? — спросила Джейн, паника заставляла её заикаться.

Красно-оранжевые всполохи отражались в его глазах, и он смог произнести только два слова.

— Джино Галло.

Глава 16

Обратная сторона

Сторона лунной поверхности, которую не видно

Морт сидел на своём крыльце, разглядывая те немногие звёзды, которые можно увидеть в огнях ночного города. Он нервно подёргивал ногой, и в то же время перекидывал мобильник из одной руки в другую, буравя его глазами в попытке найти ответы на не заданные вопросы. Он вспомнил, что, когда был маленьким, у него был магический шар для принятия решений. Надо было только задать интересующий тебя вопрос, потрясти шар и ждать, когда появится ответ в маленьком, наполненном жидкостью, окошечке. Если бы в жизни всё было так просто.

Сделав глубокий вздох и медленно выдохнув, он решил поскорее разделаться с этим и позвонил. Морт знал, что если у тебя важная информация, касающаяся Дина Молони, то неважно, в насколько позднее время суток ты ему позвонишь.

— Молони.

— Девчонка будет у меня в течение этой недели.

— Отлично, — решительно ответил Молони.

— Когда я выполню эту работу, я выйду из дела. Ухожу в отставку.

— Это утверждение или вопрос?

Морт стиснул зубы и крепко зажмурил глаза.

— Я бы хотел, чтобы эта работа стала моей последней.

— Ты присоединишься к банде Галло?

— Нет. Я бы не предал Вас подобным образом. Я просто хочу уйти.

— Я не думаю, что это хороший вариант для тебя, — ответил Молони.

— Я просто хочу исчезнуть, — в интонациях Морта звучала просьба.

— Будь осторожней со своими желаниями.

Связь оборвалась до того, как Морт успел сказать ещё хоть что-то. Нельзя просто взять и объявить, что ты выходишь из дела. Ты должен умереть или пуститься в бега. Морт хотел избежать обоих вариантов. Он не мог представить, что остаток своей жизни проживёт в страхе и неволе. Он знал, что надо быть осторожным.

Некоторые парни были предназначены для подобной жизни. Они были рождены в этих условиях и обучались достигать успеха в своём деле. Морт был хорош в этом. Его завербовали в совсем юном возрасте, когда Морт заканчивал старшую школу. Не желая жить под одной крышей со своими жестокими родителями, он ушёл и никогда не оглядывался назад. Жизнь на улицах не была простой, но это лучше, чем жить, следуя родительским деспотичным правилам и жестоким наказаниям. Барри взял его под своё крыло и продемонстрировал ему, насколько лучше станет его жизнь, если он принесёт клятву верности Молони. Морт не стал думать дважды. Он включился в игру.

Все те обещания сытой жизни и лёгких денег звучали тогда очень убедительно, но он не был готов к тому, что всё его время будет посвящено работе. Вскоре он осознал, что его жизнь больше ему не принадлежит. Он принадлежал Молони, и ему напоминали об этом ежедневно. И однажды, в конечном счёте, Эрл Делон добился вынесения обвинительного приговора для шести человек из подчинённых Молони, включая Морта, и отправил его в тюрьму ненадолго. Он тихо отсидел свой срок, подпитываемый гневом и планируя возмездие.

Годы прошли, не успел он даже глазом моргнуть, и вот он уже является человеком с репутацией безжалостного убийцы. Морт не возражал; это обеспечивало уважение от его окружения и держало врагов в узде. Когда эту работу поручили ему, он был только рад оказать подобную услугу. Эта работа не только могла обеспечить его деньгами, благодаря которым потом можно было бы завязать, она также давала ему возможность отомстить человеку, который уже умер. Вопреки всем документам, МакКензи Делон была жива. Но это ненадолго.

Глава 17

Пепельный свет луны

Солнечный свет, отраженный Землей, освещающий Луну

Тристан устроился на кровати своего детства с телефоном, зажатым между щекой и подушкой. Раскрытый пурпурный дневник Джосси лежал прямо перед ним.

«3 августа 2002 года. Жизнь в Нью-Йорке настолько хаотична, что иногда у меня возникает ощущения, как будто я задыхаюсь».

Тристан читал громко. По телефону он мог слышать тревожное дыхание Джосси.

«Я ни разу не встречала наших соседей, но я знаю, что у них шумная собака. Мы с папой несколько раз совершали поездку до моей новой школы, чтобы я без проблем могла добраться туда как на автобусе, так и пешком. Это большое кирпичное здание, которое совсем не похоже на здание старшей школы в Гретне».

«Возможно, я не смогу найти здесь друзей. Ну и что с того. Потерплю три года и затем

смогу вернуться домой. Я скучаю по зелени и деревьям. Центральный Парк — ближайшее к моему дому подобное место, и я всё чаще ловлю себя на том, что стараюсь проводить там, как можно больше времени. Я так сильно скучаю по Тристану. Разговоры по телефону только сильнее расстраивают меня, так как я не могу увидеть его или поцеловать. Господи, я так скучаю по его поцелуям. Кроме того, мы ограничены десятью минутами, так что у меня просто не хватает времени, чтобы рассказать ему хоть что-нибудь. Отец говорит, что это пройдёт, но я думаю, что он не прав».

«8 августа 2002 года. Мы с отцом очень сильно поссорились вчера. Я плакала и кричала на него, обвиняла его во всех моих несчастьях. Я ненавижу этот город. Папа обнимал меня, пока я плакала, и пытался донести до меня свои аргументы. Он объяснил, что мы вынуждены были переехать, потому что нам грозит опасность в лице одного очень влиятельного человека, по делу которого он работает. Отец сказал, что пытался поступить так, как было бы лучше для нас. Позже я подслушала, как папа говорил по телефону кому-то, что он думает, что тот человек виновен в смерти моей матери. Я не понимаю, как это возможно, ведь она погибла в автокатастрофе. Я очень сильно по ней скучаю».

«Я хочу позвонить Тристану и хочу, чтобы он сказал мне, что всё будет хорошо. Я хочу услышать, что он скучает по мне хотя бы вполтину так же сильно, как я скучаю по нему. Я хочу забраться на наше дерево и целовать Тристана, пока из его горла не начнут доноситься тихие стоны. А между тем, я застряла в квартире на пятом этаже в доме без лифта, слушая «Тысячу миль» Ванессы Карлтон снова и снова. Я просто-таки слышу жалобы Тристана, чтобы я выключила её, потому что его тошнит от этой песни. Могу поклясться, что Трейси Велтин уже обдумывает способы, как вцепиться своими сверкающими, блестящими ногтями в моего парня. Тупая мелированная блондинка с третьим размером».

— Та песня просто ужасна. Кто такая эта Трейси? — спросила Джосси.

— Просто одна девчонка.

— Хах. Одна из девчонок, которая хотела переспать с тобой?

— Может быть, — сказал Тристан.

— Она была красива?

— Я не помню, Джосси.

— Лжец. Ты помнишь всё.

Тристан засмеялся и немедленно продолжил чтение дневника.

— Это последняя запись.

«13 августа 2002 года. Отец позвонил мне утром и сказал сегодня не покидать нашу квартиру. Он казался расстроенным. Это напугало меня, но он сказал мне не беспокоиться. С каждым днем папа работает всё больше и больше, и сейчас я чувствую себя так, будто мы с ним больше не увидимся.

Какие-то мужчины в костюмах приходили прошлой ночью, и он отправил меня в мою комнату, чтобы они могли поговорить. Я ненавижу, что он всё время что-то скрывает от меня, как будто я чёртов ребёнок. Я уже практически взрослая.

Это последняя страница моего дневника. Кто бы мог подумать, что я смогу весь его заполнить своим вздором. Признаюсь, на некоторых страницах просто рисунки, но большая часть страниц заполнена в последние два года моей жизни. Хорошие времена, дурные времена. И есть только один человек с которым я могу поделиться этим.

Тристан, пожалуйста, сбереги этот дневник. Находясь так далеко от тебя, это единственное, что я могу дать тебе. Сохрани его, и когда мы снова будем вместе, ты

сможешь вернуть его мне. С любовью, МакКензи».

— Вау. Я была такой плаксивой дурочкой, — сказала Джосси, неловко посмеиваясь.

— Ты была ребёнком, Джосси. Я думаю ты была типичной четырнадцатилетней девочкой.

— Да, пожалуй, так и есть. Так что, он был у твоей мамы всё это время?

— Она посчитала, что сжечь все мосты будет лучшим решением для меня. Что за дурацкая шутка. На данный момент она сделала актуальным вопрос о доверии родителям.

— Переведи.

— Я больше не верю в то, что она знает, что для меня лучше.

— А дети вообще в это верят?

— Я имею в виду, что она скрывала от меня ту единственную ниточку, которая могла связать нас.

— Она просто пыталась помочь тебе.

— Я знаю.

Он вздохнул, закрыл дневник и положил его на ночной столик.

— Ты думаешь, мой отец был вовлечен в расследование по делу Молони в Новом Орлеане и поэтому нам пришлось сбежать?

— Да, это достаточно очевидно. Твой отец подозревал Молони в причастности к смерти твоей матери, и это напугало его настолько, что он перебрался на другой конец страны, тем более, он предполагал, что ты в опасности.

— Думаешь, Молони напал на наш след в Нью-Йорке?

— Теоретически это возможно.

Джосси вздохнула и пробубнила что-то про теории. Тристан заметил усталость в её голосе. Он хотел обнять и поцеловать её так, чтобы она забыла все свои страхи, но снова расстояние стало их врагом.

— Я скучаю по тебе, — сказал Тристан, глядя в темнеющее вечернее небо за его окном.

— Боже, я тоже скучаю по тебе. Я ненавижу то, что я застряла в своей квартире, и что единственным человеком, с которым я контактирую, стал Алекс. Он развлекается, только считая таблетки и подтягиваясь на моей дверной раме.

— Ты можешь позвонить Монике. Вы могли бы устроить девичник или что-то типа этого.

— Я произвожу впечатление человека, который может наслаждаться девичниками? Я хочу вернуться в Сипорт Виллидж вместе с тобой. Мы бы могли снова покататься на карусели, и в этот раз я бы позволила тебе купить мне шляпу.

Её разочарование было осязаемым. Инстинктивно Тристан хотел удовлетворить её желание. Он никогда не хотел отказывать ей в чём-либо, но ради безопасности она должна находиться там, где она сейчас.

— Мне очень жаль. Когда я вернусь, мы сможем это сделать.

— Ты поклянёшься своей привлекательной задницей, что так и будет.

Тристан рассмеялся и почувствовал облегчение в её дразнящем тоне.

— Считаешь мою задницу привлекательной? — спросил он.

— В тебе всё привлекательно, — произнесла она прозаично.

— Но в каком соотношении тебе нравится моя задница по сравнению со всем остальным моим телом, принимая во внимание, что она представляет приблизительно 9 процентов из 575 дюймов всей поверхности моего тела, — дразнил он. — Моя задница —

твоя любимая часть моего тела?

— Нет. Твой член — моя любимая часть твоего тела. Он настолько идеален, что я хочу сконструировать двадцатифутовую статую в честь него, чтобы я могла преклонять колени перед ним и почитать его каждый день.

Тристан был ошеломлён её словами, почувствовав возбуждение в паху. Он понял, что не дышит и мямлит что-то невнятное в телефон.

— Чёрт, Джосси, — выдохнул он.

— Спокойной ночи, Тристан.

— Подожди! Что? Ты хочешь повесить трубку?

— Ага. Мне надо пойти помыть волосы или что-то вроде этого. Целую, — она дразнила его, едва сдерживая смех.

— Ох, пока.

Связь прервалась как раз перед тем, как он собрался произнести что-то очень жалостливое.

Ветерок с реки был теплым и влажным, но в целом ощущался, как будто разгорячённой плоти Тристана дали передышку. Он курил сигарету, нуждаясь в токсинах больше, чем в воздухе. Он взял почитать одну из старых книг в своей комнате, но не выносил раздражающего света от фонаря на крыльце. Здесь ему нравилось находиться в темноте. Это место не озарялось городскими огнями. Сверчки пели серенады друг другу, и эти песни отзывались в его душе спокойствием.

Битси очень тихо пересекла крыльцо и села рядом с сыном. Так как её присутствие причиняло ему боль, Тристан не подавал вида, что заметил её.

— Я знаю, что огорчила тебя, Тристан. Я знаю, поступила неправильно. Сейчас я это вижу, — мягко сказала Битси. — Тогда я просто хотела защитить тебя. Твое состояние было таким хрупким, я просто не могла добавить ещё больше боли. Я хотела забрать твою печаль и не видела, как твоя дальнейшая связь с МакКензи сможет помочь в этом.

Тристан выдохнул, наблюдая за дымком, который парил между их лицами, создавая занавес между ними. Но этот занавес всегда существовал. В действительности его мать никогда не видела, какой он на самом деле. И как все остальные, она никогда не заглядывала за привлекательный фасад и за проявления его ума. Большую часть своей жизни у Тристана было ощущение, что Битси в большей степени его восхищенная фанатка, нежели мать. Она всегда говорила, насколько он умён, как красив и вежлив, но на самом деле она никогда не старалась узнать его. И кажется, не знает его сейчас.

— Я не понимала, как много она значит для тебя, Тристан. Я бы хотела вернуться назад и сделать всё правильно. Ты знаешь, как говорят. Если бы желания были лошадьми, мы бы все ездили верхом.

Битси вглядывалась в темноту сада, верхушки деревьев создавали четкий силуэт на фоне серого облачного неба. Она шмыгала носом и прикасалась к своим глазам, перед тем как к ним подступали слёзы.

— Мне жаль, малыш. Мне так жаль.

— Я знаю, мам.

Битси расслабилась, пригладила волосы и вытерла то, что осталось от макияжа под глазами. Она всегда говорила, что женщина с Юга должна выглядеть хорошо, даже когда у

неё всё плохо.

— Это ничего не меняет. Я не готов простить тебя.

Битси оглянулась на дом в поисках Даниэля.

— Сделай мне одолжение, не говори никому, что я сейчас здесь.

Тристан встал и направился в сторону задней двери.

— Ошибаться свойственно людям, прощать — богам, — произнесла Битси ему в спину.

Тристан удерживал свой взгляд на двери.

— Каждый из нас — свой собственный дьявол, и мы превращаем этот мир в свой собственный ад, — ответил он.

Тристан оставил маму на крыльце наедине с её слезами и словами Оскара Уальда.

На улице было тихо, пока Морт прокладывал свой путь вокруг дома. Он проверил каждую дверь и каждое окно, в конце концов найдя одно незакрытое. Оказавшись внутри, он позволил глазам привыкнуть к приглушенному освещению и начал исследование.

Дом был типичным жилищем холостяка. Немного элементов декора, мало еды в холодильнике и ненадёжная система безопасности. Он обошёл все комнаты, не найдя нигде ничего особенного. Толчком открыв дверь в небольшой кабинет, Морт сжал губы, чтобы сдержать готовые сорваться с них слова. У одной из стен стоял небольшой стол с ноутбуком. На соседней стене сотни фотографий Моника Темплтон были приклеены и пришиты к стене, формируя коллаж. Фото, как она покидает работу, как выходит из своей квартиры, машины, ест ланч и пьёт. Среди фотографий к стене было также прикреплено несколько предметов. Обертки от жевательной резинки, пара кружевных трусиков и её потерянный рабочий бэйдж.

Медленными рассчитанными движениями Морт сорвал со стены каждую фотографию, каждый предмет и сложил всё это в небольшую сумку, которую он взял с собой. Он пришёл сюда в поисках информации, но сейчас его планы изменились. Он должен избавиться от этого надоедливого человека.

Удовлетворенный тем, что на стене ничего не осталось, он достал пушку из-за пояса и направился в сторону спальни.

— Просыпайся, сучонок, — голос Морта прозвучал громко в пустой комнате.

Мужчина проснулся, но, кажется, так и не мог осознать, что в комнате он не один.

— Я сказал, просыпайся!

Эван вскочил с кровати, испугавшись громкого голоса. Когда его глаза приспособились к темноте, он обнаружил, что на него направлен ствол очень крупного оружия.

— Что за...? — закричал он, стараясь увернуться, прижавшись к изголовью кровати. Паникующий голос Эвана надломился, как у подростка только достигшего половой зрелости

— Вперёд, давай и постарайся бежать, это только сделает процесс веселее.

Голос был холодным и до боли злым. Мурашки пробежались вдоль его позвоночника, когда глаза в конце концов рассмотрели обладателя этого голоса. Он не мог ясно видеть мужчину, стоящего над ним тени, но безошибочно идентифицировал его.

— Роб? Как ты попал сюда?

Ужас поселился в его желудке, вызывая тошноту. Страх покалыванием прошёлся по коже, и он знал, что у него осталось мало времени.

— Я нашёл твой алтарь, посвященный Монике, — сказал Роб, направив оружие в

сторону стены. — Я всё это забрал. Не желаю, чтобы подобный кусок дерьма каким-либо образом был связан с моей девушкой. Ты чертов преследователь.

— Нет. Это не то что ты думаешь! Клянусь!

— Что тогда? Ты работаешь на Молони?

— На кого? — спросил Эван.

— Так я и думал. Как долго?

— Как долго что? — глаза Эвана сканировали комнату в поисках возможности побега.

— Как долго ты следишь за ней?

— Я не следил ...

Морт приставил пистолет к его лбу.

— Я даю тебе возможность закончить это предложение.

— Д-девять месяцев, — заикаясь, сказал Эван.

— Ах, так по справедливости ты нашёл её первым. Очень плохо. Она просто была нужна мне для работы. Она привела меня к кое-кому другому. Но она зацепила меня. Ничего не могу поделать с тем, что хочу её.

— Тогда ты понимаешь, — Эван увиливал от прямого ответа, — её притягательность. Насколько она потрясающая.

— Я понимаю её так, как ты никогда не сможешь понять.

— Я прекращу. Клянусь. Я оставлю её в покое. Только оставь меня в живых, — умолял Эван, тяжёло дыша.

— Чёртов трус. Разве это преданность? Ты готов оставить её, чтобы спасти себя. Она достойна большего. Слишком поздно.

— Что я могу сделать? Чего ты хочешь? — спрашивал Эван, готовый отдать всё, что угодно, чтобы спасти свою жизнь.

— Я хотел, чтобы ты держался подальше от моей девушки, но ты ничего не смог с собой поделать.

Роб приставил глушитель ко лбу Эвана и перед тем, как мужчина только собрался молить о спасении своей жизни, нажал на курок. Он не дожидался того, как угаснет свет в глазах Эвана, ему это не было нужно. Это убийство принесло ему самое мощное удовлетворение из всего, что он когда-либо чувствовал. Этот человек был вором, который собирался украсть у него самое ценное.

Следующим вечером по новостям сообщили, что Эван Рэндал, мужчина тридцати восьми лет, был найден мёртвым в его доме домработницей. Не было обнаружено следов взлома, также не было свидетелей. У полиции нет подозреваемых.

Глава 18

Терминатор

Граница между затемнённой и освещённой частью небесного тела

Барри стоял на углу между Шартрез-стрит и Ерсулайнс авеню, ожидая прибытия своего бывшего коллеги. Он прислонился к стене здания и зажёл сигарету, прикрывая её рукой от ночного бриза. И хотя он никогда не покидал юга страны, Барри не чувствовал пресыщения и не был равнодушен к его очарованию. Он наслаждался влажным городским воздухом и резкими гудками, которые доносились с барж, пересекающих реку.

Когда он не был занят работой на Дина Молони, он любил рыбачить. Барри находил покой, проводя время между водой и небом. Он чувствовал себя маленьким и ничего не

значащим. Его окружало ощущение спокойствия, это было место, где он ни за что не нес ответственности. Его дочь всегда волновалась, когда он уходил один. Она просила его надеть спасательный жилет, не пить много пива и всегда иметь при себе телефон. Он смеялся над подобной перестановкой ролей между ними и спрашивал, как мобильный телефон сможет спасти его от утопления.

Иногда Барри представлял, как погружается в теплую солоноватую воду, и как вода наполняет его лёгкие. В его мыслях подобная смерть была не самым плохим вариантом. С другой стороны, куда проще представить, как он доживает последние дни в окружении женщин и виски во Французском квартале.

На данный момент он был уже человеком в возрасте. Это подтверждали седые волосы и морщины на лице. Размер его талии и банковского счета увеличились с течением лет, но не так уж и сильно. То, что не забрал у него физический возраст, забрало время, проведенное в делах Молони.

Молони делился секретами с Барри. Он был уверен в нем и доверял ему. Пока Барри уважал и посвящал свою жизнь этому человеку, он знал, что отношение к нему не изменится. Чаще всего он чувствовал себя хорошо одетым человеком на побегушках. Этот бизнес был грязным и опасным. В любое время, когда Молони не хотел пачкать свои руки, это становилось работой Барри. Он подчинялся приказам на протяжении тридцати лет и был готов делать это до конца своей жизни.

Барри чувствовал тревогу по поводу этой встречи. Всё его нутро сжималось, когда он представлял, что кто-нибудь увидит его здесь. Для него было большим риском встретиться с Тристаном, но он должен парню. Тот два раза спасал его задницу, когда дела шли не так, как надо. Это меньшее, что он мог сделать.

За все годы жизни он никогда не встречал никого, похожего на Тристана. Парень был умным, не по-уличному умным, а по-настоящему одаренным. У него была холодная голова и острый глаз. И для Барри не было сюрпризом то, как быстро он стал набирать авторитет. Конечно, не повредило и то, что он трахал дочь Молони. Известие о том, что Тристан покинул организацию шокировало Барри, он ожидал, что Тристан будет с ними до конца.

Словно в подтверждение его слов, Тристан появился из-за угла, его внешний вид удивил Барри. Сейчас он был гораздо выше, мужчина во всех отношениях, и за эти годы количество татуировок увеличилось. Волосы чернильного цвета, которые когда-то являлись его самой примечательной чертой, были коротко пострижены. Барри не мог понять, почему современные дети хотят выглядеть как чёртовы хулиганы. Он сам был приверженцем костюмов и шелковых галстуков.

— Барри, рад видеть тебя, — сказал Тристан, обняв его одной рукой.

— Я тоже, — ответил Барри, выбросив сигарету. — Пройдем?

Тристан кивнул и пошёл за ним внутрь. Хостес, узнав постоянного клиента, посадила их в уголке и тотчас принесла им по пиву.

— Вау, какой сервис, — не смог не заметить Тристан.

— Ты даже не представляешь, — ответил Барри.

Рассмеявшись, они пустились в легкую беседу, которая включала в себя рассказ о последних двух годах их жизни. Когда всё было сказано, Барри уже допил своё пиво и его терпение было на грани.

— Давай уже перейдем к делу.

— Что ж, короткая версия: Молони хочет убить мою девушку и мне необходимо узнать

почему.

— Я знаю, что он хочет убить ребёнка одного из полицейских, больше ничего. Ты ведь помнишь Шефа Делона из Гретны? Ах, ну ты тогда был еще совсем мал. В те дни он не смог нарыть ничего на самого Молони, и в конце концов арестовал группу наших за мелкие правонарушения. Делон практически прикрыл наш бизнес где-то на шесть месяцев.

Тристан молча кивнул, желая выжать из этого разговора столько информации, сколько возможно.

— После вынесения приговора Молони поручил Конорсу убить жену Шефа. Всё выглядело так, будто это была автокатастрофа. Старина Эрл Делон получил ясное и громкое послание, поэтому он схватил своего ребенка и уехал на другой конец страны.

Тристан уже практически рычал из-за того, насколько пренебрежительно Барри говорил о семье Джосси. Ярость нарастала настолько быстро, что он чувствовал, как кровь, словно огонь, прилиwała ко всему телу. Он сделал глубокий вздох, успокоив себя, перед тем как заговорить.

— Зачем она ему нужна? Какая может быть от неё угроза?

— Ах, ну ты знаешь. У Молони всегда есть свои причины. Раз он принял такое решение, так и будет. Эрл общался с федералами, так что мы убили его. Предполагалось, что ребёнок тоже умрет, но она сбежала. Она была достаточно сообразительной. Разбила окно, а сама скрылась в вентиляционной трубе. Человек Молони подумал, что она выбралась через окно. Когда он направился на её поиски, она на самом деле сбежала. Очень находчиво для маленькой девочки.

— Она ничего не помнит.

Барри поднял глаза и встретился взглядом с Тристаном, на его лице было неподдельное удивление.

— Откуда ты знаешь?

— Его дочь и есть моя девушка.

— Ничего себе! Мир на самом деле мал! — воскликнул Барри. — Черт, мужик, это очень плохо. Он отправил за ней Морта. Как же она смогла не засветиться столь длительное время?

Тристан взглянул на своего бывшего коллегу. Он знал, что у этого человека можно было выудить больше информации, и проигнорировал его вопрос.

— Насколько близок Морт к тому, чтобы найти её?

— Он в Сан-Диего.

— Дерьмо, — прошептал Тристан, почесав лицо грубыми руками. — Этот отморозок перережет горло родной матери, если цена будет подходящей. Он типичный пример диссоциативного расстройства идентичности. Могу поклясться, что у него даже есть ярко выраженные симптомы.

— Я точно не знаю, что всё это значит, но он холоден, как лед, это точно. Смотри, всё что я могу тебе сказать, так это то, что на нас очень сильно давили, чтобы мы заканчивали с этим делом. Итальянцам не нравится, что бизнес Молони разрастается. Джино Галло приехал в город и пытается переманить нас. Предлагает много денег и помилование. Он решил исключить конкуренцию.

Тристан снова кивнул, так как точно знал, что Барри имеет в виду. Галло был настоящим представителем итальянской мафии. Молони каким-то образом не был ими замечен ранее. Но очевидно, что его дела стали намного масштабнее и на данный момент

они видели в нем угрозу.

— Какой у Морта приказ?

— Я не знаю, — ответил Барри.

— Это дерьмо собачье, Барри. Ты знаешь обо всем, что происходит. Дай мне что-нибудь!

— Следи за своим языком, мальчик. Я сказал тебе правду. Это личное для Молони. Он сам руководит этим делом.

Тристан снова выругался и встал, чтобы уйти.

— Спасибо за информацию.

— Забудь Фоллбрук, мы свели наши счета. Тебе надо вернуться к своей девушке и вам двоим стоять исчезнуть. Я не знаю, уехать в Мексику или типа того.

— Меня никогда здесь не было, — сказал Тристан, постучав костяшками пальцев по столу.

— Конечно, не было.

Барри проводил парня взглядом и застонал. Он дал ему достаточно информации. И когда придёт время, Тристану всё станет очевидно.

Моника сидела, расположившись на половине дивана Джосси, крася свои ногти на ногах в темно пурпурный цвет. Джосси зачарованно наблюдала за ней, не скрывая любопытства. Ей не доводилось наблюдать за женщиной, которая бы находилась настолько в своей стихии, как Моника прямо сейчас.

— Я рада, что ты меня пригласила, — сказала Моника, улыбаясь сама себе. — У нас Робом были планы, но я сказала ему, что мы должны их отложить. Мне нужно поболтать с моей девочкой.

Джосси смазала линию, которую вела карандашом по бумаге, заштриховывая лицо Моника. Она никогда раньше не была чьей-то девочкой. Она не была уверена в том, что чувствует по этому поводу. Что это влечет за собой? Моника ожидает, что они будут сплетничать о мальчиках, завивая волосы друг другу? Или она получит поддержку от Моника во время драки в баре? Такие моменты, как казалось Джосси, двадцатидвухлетняя женщина уже должна была бы знать.

— Тебе не стоило динамить своего парня из-за моего приглашения.

— Всё в порядке. Я вижусь с ним каждый день. А с тобой почти не вижусь.

Джосси хотелось закатить глаза, но она не желала обижать Моника. Она была рада, что у неё появилась компания в лице другого человека, поэтому она делала всё возможное, чтобы задержать её здесь. Каким-то образом с Моникой Джосси чувствовала себя настолько нормально, как ни с кем другим. Она вздохнула и задумалась, с каких пор она стала настолько одержима нормальностью.

Моника наклонилась и подняла с пола книгу.

— Ты читаешь Джей Ди Сэлинджера? — спросила она.

— Это для Тристана. Книги заполняют всю его квартиру.

— Ох.

— Эй, у тебя есть сигареты? — спросила Джосси.

— Нет, Джосси. Ты же знаешь, я не курю.

— Может что-нибудь получше сигарет? — юлила Джосси, зная, какая за этим последует

реакция.

— Ты реально спрашиваешь меня про наркотики?

— Расслабься. Я пошутила. С тех пор как я встретила Тристана, я ничего не употребляю, только курю, иногда балуюсь косячком.

— Он один из «Просто скажи нет» парней? — спросила Моника, заинтригованная и взволнованная признаниями Джосси.

— Нет. Он никогда не стал бы осуждать. Я думаю, что, когда он рядом, он заполняет все те пустоты, которые я обычно пыталась скрыть своими рискованными поступками.

Джосси усмехнулась и потрясла головой, удивлённая, насколько её слова схожи с тем, что говорили все наблюдавшие её терапевты. Почему она всё-таки поделилась этой информацией со своей почти подругой Моникой? Давящий груз лёг на её плечи и ей не понравилось, в какое серьёзное русло перешла их беседа.

— Так он заполняет твои дыры? — спросила Моника, её брови приподнялись в удивлённом выражении.

Через несколько секунд оглушительной тишины, обе начали безудержно смеяться. Вокруг них уже не было того напряжения. Когда Джосси, в конце концов, смогла восстановить дыхание, она искренне улыбнулась. Может это и есть то, что называется быть чьей-то девочкой: знать и предвидеть, что тебе нужно, именно в тот момент, когда тебе это нужно. Джосси боялась того, что никогда не сможет взять на себя такую ответственность.

Алекс, услышав шум через тонкие стены, поспешил к Джосси и застал её вытирающей слёзы со своего лица. Шокированная видом мужчины, ворвавшегося в квартиру, Моника, открыв рот, указала на него пальцем.

— Что случилось? — спросил он взволнованно.

— Ничего. Остынь. Ты не можешь врываться сюда, словно ты какой-то Могучий Рейнджер. Мы просто смеялись.

— О... Вот поэтому я здесь. Никогда не слышал до этого подобного дерьма из твоей квартиры, — ответил он. — Могучий Рейнджер, Джо? Те парни выглядели как jotos. Могла бы сделать меня кем-то крутым, вроде Хи-Мена.

— О, да. Он выглядел настолько традиционно в своей набедренной повязке и с классической стрижкой боб. — ответила Джосси, закатив глаза. — В любом случае, я не знаю, чем ты занимаешься в своё свободное время.

— *Mamacita*, ты лучше многих знаешь, что я предпочитаю женщин, — ответил Алекс, в его голосе ощущались победные нотки.

Джосси покраснела от смущения.

— Ох, это моя... подруга. Ум, Моника. Моника, это мой сосед-надзиратель, Алекс.

— Привет, — сказала Моника, помахав пилочкой для ногтей.

— Приятно с тобой познакомиться, Ум Моника.

Джосси показала ему средний палец и сконцентрировалась на рисовании.

— Чем вы собираетесь заниматься? Запилите меня до смерти?

Моника улыбнулась и вернула своё внимание к ногтям.

— Что-нибудь слышно от Тристана? — спросил Алекс, смотря то на одну, то на другую женщину, на зная насколько много знает Моника.

Непроизвольно по губам Джосси скользнула улыбка при упоминании имени Тристана.

— Да, мы немного поговорили вчера ночью. Там нашлось кое-что интересное.

Алекс понял по напряжённой интонации Джосси, что Моника ничего не знает.

— Понятно, хорошо, я свяжусь с ним, когда буду возвращаться.

— И куда ты направляешься? — промямлила Джосси.

— Мне надо в даунтаун. Я скоро вернусь. Оставайся здесь, и никаких проблем не возникнет. И говорю тебе в последний раз, запирай на замок чёртову дверь! — предупредил он, указывая на неё огромным пальцем.

Джосси вздохнула и помахала ему на прощанье рукой. За ним захлопнулась дверь, и она поторопилась закрыть все три замка, делая это чересчур драматично, а потом повернулась, скрестив руки в защитном жесте. Дело не в том, что её не волновала собственная безопасность, она просто терпеть не могла, когда ей указывали, что ей надо делать. Как-то один из её психотерапевтов диагностировал ей оппозиционное вызывающее расстройство. Конечно, она утверждала, что он шарлатан, который никак не может логически описать эту выдуманную болезнь. Она послала его куда подальше, когда он указал ей, что она своим поведением доказывает его точку зрения.

— Он сказал тебе не выходить из квартиры? Почему? Ты под домашним арестом или вроде того? — пошутила Моника, шевеля пальцами на ногах и глядя на них с довольным выражением.

— Ага, что-то вроде того. Не совсем. Может немножко, — ответила Джосси, явно чувствуя себя некомфортно, и села на диван.

Моника подняла взгляд, чувствуя беспокойство из-за того, что Джосси явно хочет избежать продолжения этого разговора. Она сталкивалась с этой манерой Джосси столько раз, что сложно сосчитать.

— Что на самом деле происходит?

— Я, вроде как, попала в беду, — ответила Джосси, стараясь не встречаться с обеспокоенным взглядом Моника.

— В беду? Вроде как «я украла пачку жевательной резинки» беду? Или «Я убила проститутку» беду?

— В беду «вроде как, мы знаем, кто ответственен за смерть моих родителей, и сейчас он ищет меня», — выдавила из себя Джосси.

Судорожный всхлип Моника прорезал воздух, и её трясущиеся руки потянулись к Джосси, чтобы обнять. Когда она отошла от шока, Джосси рассказала ей всё, что знала. Она раньше даже не осознавала, какой ношей для неё было хранить этот секрет ото всех. Закончив рассказ, она сидела молча, стараясь проанализировать реакцию Моника.

— Джосси, мы должны обратиться в полицию, — сказала Моника.

— Нет! Моника, это вне пределов возможности полиции. От этого только станет хуже. Тристан что-нибудь придумает. Я знаю, он сможет. Я пойму, если ты захочешь уйти. Я имею в виду, тут может быть опасно для тебя.

Моника потрясла головой, помня о том, что ни разу не выручила эту девочку из беды.

— Я могу позвонить Робу, чтобы он приехал, — предложила Моника.

— Нет! Ты никому не должна об этом рассказывать.

— Хорошо, хорошо. Я не скажу ни слова, — пообещала Моника, хотя это обещание далось ей нелегко.

Остаток вечера они провели в напряжённой тишине. Обе пытались занять себя чем-то простым, Джосси делала набросок взволнованного лица Моника, а Моника подпиливала свои и так уже идеальные ногти. Когда уже было достаточно поздно и Монике пора было идти домой, она пожелала Джосси спокойной ночи и пообещала, что придёт к ней на

следующий день. Она старалась удерживать храброе выражение лица в квартире Джосси, пока не вышла на лестничную площадку. Уже через несколько секунд Моника звонила Робу, прося его встретиться с ней в её квартире.

Той ночью Роб обнимал Монику, пока та плакала из-за непредсказуемости судьбы, которая постигла её подругу. И чем крепче становились объятия Роба, тем сильнее её мучило чувство вины, потому что на другом конце города её подруга спит в одиночестве.

Джосси проснулась на следующее утро, волнуясь из-за позднего ночного звонка Тристана. Он старался вести с ней непринуждённую беседу, но она чувствовала, что что-то явно было не так. Его голос был напряжённым. Не желая себя и далее загружать стрессом, она старалась во всем искать светлые стороны. Джосси рассказала ему, как провела вечер с Моникой и что она не возненавидела подобное времяпрепровождение. Через несколько минут Тристан сказал, что ему пора идти, но пообещал, что вскоре позвонит ей проверить, как у неё идут дела.

Она растянулась через весь свой пустой матрас и пробежалась руками по тому месту, где должен был бы находиться Тристан. Матрас был холодным, и это вызывало печальные мысли. Джосси сползла со своего спального места и направилась на кухню, надеясь, что скоро появится Алекс с завтраком или кофе. Одета только в майку и трусики-шортики, она почувствовала, насколько в квартире прохладно. Она нервничала, как в ситуации, когда взгляд незнакомца задерживается на тебе дольше, чем положено.

Вступив в комнату только одной ногой, Джосси замерла. За её кухонным столом сидел мужчина, и эта картина как будто приклеила ноги Джосси к полу.

— Привет, МакКензи, — сказал мужчина, не двигаясь со своего места за столом. — Или я должен называть тебя Джосси?

Ею завладела паника, заставляя напрячься каждый мускул тела. Голова начала кружиться, и она не могла ясно сфокусировать свой взгляд на мужчине.

— Как, чёрт побери, вы сюда попали?

Её взгляд устремился к двери, все три замка были закрыты. Быстро, насколько могла, она прикинула возможность добежать до двери, открыть все замки и попасть в холл её дома до того, как он поймает её. Не нужно быть гением, чтобы понять, что удача сегодня не на её стороне.

— У тебя не получится, — сказал он, как будто ответив на вопрос, крутившийся в её голове. — Пожалуйста, присаживайся.

Роб указал на стул напротив него, но Джосси так и не сдвинулась с места. Он взял в руку оружие, вытащив его из-за стола.

— Я сказал тебе сесть.

Из Джосси вырвался писк, и она поторопилась занять указанное место.

— Так-то лучше.

— Кто вы? — спросила Джосси.

— Кто я — неважно. Важно то, почему я здесь. Ты знаешь, почему я здесь?

Джосси кивнула, её взгляд устремился к пистолету, который до сих пор находился в его руке, и затем посмотрела в лицо этому человеку.

— Хорошо, тогда нет нужды представляться друг другу. Иди, накинь что-нибудь из одежды.

— Ты не сделаешь этого, — сказала Джосси.

Роб поднял лицо, глядя прямо на неё, и улыбнулся.

— Что именно?

— Не убьёшь меня. Ты не похож на киллера. Я не думаю, что ты сделаешь это.

— Также думала твоя маленькая подружка в парке. А сейчас одевайся.

— Гэвин? Ты ублюдок! — закричала она. — Что ты...

— Я не отвечаю на твои вопросы. Видишь этот пистолет? — спросил он, помахав им. —

Этот пистолет означает, что я контролирую ситуацию. А сейчас иди!

Джосси стояла, скрестив руки. Она смотрела на него. Если вскоре она умрёт, она сделает это на своих условиях.

— Да пошёл ты! — сказала она со злостью. — Я не собираюсь делать то дерьмо, что ты мне говоришь.

Роб вскочил со стула, заставляя её отступить. Он грубо схватил её за руку и потащил в спальню, бросив на матрас.

— Мне не нравится повторять по несколько раз, — сказал он.

Именно в этот момент вызывающие тошноту паника и страх взяли верх над Джосси. Воспоминания о нежеланных прикосновениях и грубых руках приниживали её вспышками ужаса.

— Пожалуйста, не трогай меня. Просто убей меня, — молила она, пока слезы падали на её майку.

Роб отвернулся, его челюсть была сжата из-за чувства злости и неуверенности. Он отругал себя и поднял пистолет, чтобы она поняла, насколько он серьёзен.

— Заткнись, — прорычал он. — Я здесь не для того, чтобы убить тебя. В мои обязанности входит доставить тебя к Молони.

— Всё, что угодно, только не прикасайся ко мне, пожалуйста.

Отчаянные слова Джосси вызвали у него чувство вины. Незнакомое ощущение оставило после себя больше страха, чем он когда-либо испытывал, страха неудачи и нехарактерного для него чувства сострадания.

— Вставай. Мы уходим.

Она вскочила с матраса и вытерла слезы с лица. Пересекая комнату по направлению к шкафу, она чувствовала взгляд, изучающий её тело. Навязчивый и неправильный взгляд. Она заставила себя натянуть первые попавшиеся джинсы и футболку и направилась в ванную комнату.

— Куда ты собралась? — спросил Роб.

— Мне надо воспользоваться ванной.

Он сделал шаг по направлению к ней, как будто собирался последовать за ней.

— Ты собираешься помочь мне сменить тампон? — быстро спросила она.

Роб нахмурился и направился к коридору, ведущему в кухню.

— Я буду ждать тебя здесь, — сказал он. — У тебя три минуты.

Джосси соскользнула вниз по двери, облокотившись на неё. Она погрузила пальцы в волосы, царапая ногтями кожу на голове. «Мне нужно оружие, хоть что-нибудь», — думала она. Упав на колени, она принялась изучать содержимое шкафа под раковиной, найдя там только полотенце и баллончик с пурпурной краской.

— Дерьмо, — прошептала она, прислонив лоб к столешнице.

Зная, что она ограничена во времени, Джосси встала и скрутила волосы в хвост. Она

открыла аптечку, нашла там резинку для волос, разбросанные карандаши и маркеры с краской.

Тук. Тук. Тук. Джосси подпрыгнула, когда мужчина постучался в дверь.

— Шестьдесят секунд, и я вхожу, — предупредил он.

— Я почти закончила, — сказала она.

Её голос звучал очень слабо и как будто принадлежал не ей. Ей это не понравилось. Она прочистила горло и попыталась снова.

— Только секунду, — сказала она.

Джосси начала быстро писать на зеркале, только раз обратив внимание на стиль и форму букв.

Она смыла воду в унитазе и поторопилась покинуть ванную комнату.

— Надевай обувь, — приказал он.

Она резко вздохнула, повернулась и увидела, что он ждёт её в коридоре. Её сердце быстро стучало в грудной клетке, когда она сглотнула и ответила ему.

— Она рядом с входной дверью.

Она быстро прошла мимо него, молясь о том, чтобы он не последовал за ней. Он последовал.

Когда они дошли до кухни, Роб убрал пистолет, спрятав его за поясом брюк, и грубо обхватил её за плечи.

— Мы собираемся выйти отсюда и направимся к моей машине. Если ты попытаешься сбежать, ты умрёшь. Если ты позовёшь кого-нибудь на помощь, вы умрёте оба.

Джосси кивнула, не сказав ни слова. Она обулась и обхватила себя руками, чтобы он не видел, как они трясутся.

— Давай уже пойдём.

Когда они подошли ко входной двери, раздался громкий стук. Оба устремили взгляды к двери и покачивающейся цепочке.

— Кто это? — спросил Роб.

— Мой сосед.

— Избавься от него. Быстро.

Громкий стук раздался вновь.

— Джо! — голос Алекса было слышно из холла.

В Джосси боролись два намерения. Должна ли она попробовать спастись или должна подчиниться похитителю? Её мысли металась от одного варианта к другому, все эмоции обострились.

— Я убью его, — тихо предупредил Роб.

Джосси кивнула и прислонилась лбом к деревянной двери.

— Я заболела, — ответила она.

— Что с тобой? Открывай и я посмотрю, что там с тобой случилось, — ответил Алекс.

— Нет. Здесь так отвратительно. Меня вырвало... и сейчас у меня температура. Ты не захочешь находиться здесь. У меня карантин.

Она понадеялась, что её голос прозвучал болезненно, и в нём не чувствовалось испуга.

— Угх, это отвратительно. Хорошо, я навещу тебя позже.

— Хорошо, — ответила она.

Джосси повернулась и приложила ухо к двери. Она услышала тяжёлые шаги Алекса вниз по лестнице и осознала, что стояла, задержав дыхание.

Глава 19

Апогей

Наиболее удалённая от Земли точка на орбите Луны

Это, пожалуй, был самый длинный день за всю её профессиональную карьеру. В какой-то момент Моника могла поклясться, что время просто остановилось или даже пошло в обратную сторону, чтобы задержать её как можно дольше на рабочем месте. Облегчение приносило только то, что сегодня она снова увидится с Джосси. Встретаться два дня подряд — для них это рекорд, и она чувствовала ответственность за ту связь, которая начала устанавливаться между ними. С того момента, как она проснулась этим утром, Монике не покидало болезненное волнение о Джосси. Опасность, которая нависла над ней, поглощала все её мысли. Моника поклялась себе, что будет отвлекать Джосси всеми своими силами.

Вооруженная девчачьими фильмами, упаковкой попкорна для приготовления в микроволновке и мороженым, Моника стояла перед дверью Джосси, теряя уже все остатки терпения. Она стучалась в дверь так сильно, что её рука уже ныла от боли. И тем не менее, никто не отзывался. Несмотря на то, что ей так сильно хотелось быть для Джосси другом, она начала уставать от этих игр.

— Я знаю, что ты там. У меня с собой мороженное, — громко сказала она, снова стучась в дверь. — Я же говорила тебе, что вернусь. Прекрати вести себя как капризный ребёнок и открой уже эту чёртову дверь.

Она набрала номер телефона Джосси и терпеливо ждала, когда тот начнёт звонить. Она слышала звонок, доносящийся из квартиры, но никто не поднимал трубку. Голос в её телефоне предложил ей оставить сообщение.

— Да ладно! У меня с собой есть Патрик Свейзи. Танцы на бревне, поддержки и, конечно, «Никто не загонит Бэби в угол», — проговорила она, снова обращаясь к тому, кто должен быть за этой дверью.

Моника старалась не волноваться, но страх мурашками прокрадывался по её коже. А вдруг что-то случилось? Вдруг Джосси вовсе не избегает её?

Алекс припарковал мотоцикл и снял шлем. Он ждал около минуты или чуть-чуть дольше, слушая тиканье и скрип охлаждающегося двигателя между ногами. На данном этапе его жизни люди редко когда могли удивить чем-то Алекса. Он находил большинство представителей рода человеческого достаточно предсказуемыми и лицемерными. Однако в последнюю неделю его удивляла и не раз красивая блондинка по имени Эрин.

Они познакомились в продуктовом отделе магазина. В тот момент, когда он её заметил, ему показалось, что он её где-то раньше видел, как будто он уже встречал её. Алекс был покорен её бесконечными ногами и длинными развивающимися волосами. Притворившись, что он с интересом рассматривает прилавок с разнообразным выбором томатов, он следил за ней, пока она совершала покупки. Мужчины кружили вокруг неё подобно стае волков, только чтобы поближе рассмотреть её. Для Алекса самым её привлекательным качеством стало то, что она совсем не замечала переполоха, которому сама же и была причиной. Женатые мужчины, одинокие мужчины, молодые парни, и все, кто был между, никто не мог оторваться от неё.

Заручившись всей своей уверенностью, он медленно приблизился к девушке, изобразив

самую привлекательную улыбку.

— Привет! А мы не знакомы?

— Я в этом сомневаюсь, — ответила она, не отрываясь от своего списка продуктов.

— Нет, я думаю мы где-то встречались раньше.

Никакого ответа.

— Может ты сможешь мне? Я совсем не разбираюсь в помидорах. Я понятия не имею, что это. Виноград? Вишни? Помидоры?

Эрин рассмеялась и поведала ему, как определить нужный ему продукт. После этого беседа протекала непринужденно, она смеялась над каждой шуткой, в которой он высмеивал своё покупательское невежество. Её улыбка освещала всё пространство вокруг них, а её голубые глаза казалось заглядывают глубоко в его душу.

Чувствуя уверенность в себе после настолько удачно сложившейся беседы, он предложил ей сходить куда-нибудь вместе. Она отказалась. Ошарашенный её отказом, он просто помог загрузить её пакеты в машину. Тогда-то он и рассмотрел фартук с надписью «Темная комната» на заднем сидении. Вот откуда он её знает. Она работала с Тристаном.

Двумя днями позже, он разыскал её там, и они оба удивились такому удивительному стечению обстоятельств. Ему потребовалось двенадцать дней, две почти случайные встречи, шесть довольно крупных счетов из бара и пинта томатов черри, чтобы она согласилась пойти куда-нибудь вместе с ним.

Сегодня у них был ланч в Пойнт Лома, а вторую половину дня они провели в парке «Морской мир». Как оказалось, Эрин никогда здесь не была. Он увидел, насколько она могла быть забавной, и при этом она оказалась не просто девушкой с красивой внешностью. У неё были серьёзные планы на будущее и просто убийственное чувство юмора.

Когда Алекс заходил в подъезд, он улыбался, изумленный, что он оказался таким везунчиком и нашел девушку, которая бросала ему вызов, хотела его и не желала ничего в нем менять. Чем бы не были чувства между ними — похотью, дружбой или просто любопытством, он хотел попробовать. И если быть совсем честным, он хотел быть пойманным в это лассо и находиться в нем до конца своей жизни.

Услышав тяжелые шаги на лестнице, Моника обернулась и увидела Алекса, направляющегося в свою квартиру. Он резко остановился, когда увидел её: руки опущены, лицо нахмурено.

— Что такое, коротышка? Она устроила тебе нелегкую жизнь?

— Я-я не знаю. Я могу слышать её телефон там, внутри, но она на него не отвечает и не открывает дверь. Я боюсь, что... — Моника остановила себя, не желая произносить эти слова вслух. — Я волнуюсь. Ты навещал её сегодня утром?

— Ага, она сказала мне, что заболела.

— Понятно, она нормально выглядела?

— Она так и не открыла дверь.

— Алекс... — прошептала Моника, самые плохие из возможных сценариев пробежали перед её глазами.

— Дерьмо!

Алекс толкнул дверь в квартиру Джосси. Он таранил её своим крупным телом снова и снова, было слышно, как дерево начало раскалываться под воздействием его атак. Моника зачарованно смотрела, как он выбивает дверь. Громopodobный звук эхом разносился по всему пространству тихого здания. Наконец, дверь поддалась, и Алекс смог проникнуть

внутри, выбив её. Моника вошла за ним, они оба звали Джосси, обыскивая её совсем небольшую квартиру.

— Алекс! Иди сюда!

Алекс пересёк коридор, и они оказались в ванной комнате Джосси. Оба неотрывно смотрели, открыв рты, на отражение в зеркале. Тонкие розовые линии пересекали их лица, на которых выражался весь ужас сложившейся ситуации. Линии формировали два слова. *Новый Орлеан.*

— Я звоню Тристану, — сказал Алекс приглушённым голосом.

Моника кивнула и наблюдала за тем, как Алекс делает самый трудный звонок его жизни.

Два дня непрерывного молчания. Это то, что пришлось вытерпеть Джосси на протяжении их дороги в ад. Она была словно в ловушке в этой маленькой железной консервной банке с очень привлекательным убийцей внутри, который по неизвестным ей причинам пока оставил её в живых. Напротив, он вез её на восток, по направлению к её родному дому. Она прижала лоб к прохладному оконному стеклу и считала уличные фонари, мимо которых они проезжали, просто для того, чтобы занять себя хоть чем-то.

Джосси не знала, чего можно ожидать от этого плохого парня. В одну минуту по его лицу нельзя была понять, что за эмоции он испытывает, в следующую, он щурился, не отрывая взгляда от дороги. Она могла только предполагать, что сейчас он ведёт какую-то свою внутреннюю битву. Для человека, у которого было оружие, он выглядел слишком нервным.

Его телефон звонил, не переставая, со вчерашнего дня. Каждый раз, когда это происходило, он молча смотрел на номер, но никогда не отклонял его. Его отвратительное настроение казалось было связано с этими телефонными звонками. Джосси почти рассмеялась над тем, какой наблюдательной она становилась, когда ей было нечем заняться.

За два дня они сделали только четыре остановки. Ели только один раз. Джосси очень хотела есть и пить и была сильно раздражена ролью заложницы. Она с уверенностью могла сказать, что её мочевому пузырю будет нанесён непоправимый вред, пока её похититель делает вид, что не знает о том, как функционирует женское тело.

Джосси скрестила руки, находясь в дурном настроении, вся в ожидании развязки. Она бы предпочла, чтобы он уже закончил со всем этим. Одно она знала точно: её воображение рисовало ей более страшную судьбу, чем то, что могло случиться на самом деле. Незнание было самой страшной частью сложившейся ситуации. Она думала о Нью-Йорке. Наверно было бы лучше, если бы она погибла в тот раз. Не было бы амнезии, ужасных приемных родителей, и не было бы чувства, что она недостойна того, чтобы жить. Но тогда не было бы и их воссоединения с Тристаном.

— Как долго ещё? — спросила Джосси.

Нет ответа.

— Что ты собираешься со мной делать?

Он все также смотрел вперёд, его лицо не выражало никаких эмоций.

— Что ж, до тех пор, пока ты не захочешь отвечать на мои вопросы, я буду говорить без перерыва. Так, я знаю, что ты плохой парень, но как плохие парни становятся такими горячими? Я имею в виду, в случае, когда парень старше, это наверно что-то из разряда

влечения к отцу. Я чертовски голодна. Ты хочешь уморить меня до смерти? Это план?

Он вздохнул и усилил хватку на руле. Джосси почти улыбнулась. Интересно, сможет ли она достать его до такой степени, что он отпустит её?

— Знаешь, ты мог бы меня отпустить. Высади меня где-нибудь у мексиканской границы и уезжай, не оглядываясь. Можешь посадить меня прямо здесь. Скажешь Молони, что убил меня. Я исчезну и все останутся в выигрыше.

Он слегка покачал головой.

— Какова вероятность того, что я выживу, если выпрыгну из машины во время её движения, — она наклонилась, чтобы рассмотреть спидометр, — восемьдесят миль в час. Наверно это не очень удачная мысль.

Джосси сделала глубокий вздох и снова устроила свою голову на подголовнике пассажирского сидения.

— Ты самый худший чертов злодей на земле. Предполагалось, что ты будешь необыкновенно умён и остроумен. Также предполагалось, что ты проболтаешься о том, в чем состоит ваш план, удовлетворив моё любопытство перед смертью. Ты что, никогда не смотрел фильмы ужасов?

Она повернулась в сторону окна и рассматривала деревья, проплывающие мимо, словно в дымке. На секунду она уловила своё отражение в зеркале и вспомнила о сообщении, которое оставила в ванной комнате. Она надеялась, что кто-нибудь найдёт его.

— Это Морт. — Его глубокий голос заставил её повернуться, она подумала, что он наконец-то решил заговорить с ней. Вместо этого, она увидела, что телефон прижат к его уху. — Я в трёх часах езды от вас, девчонка у меня. Да. Да. Понял.

Он завершил звонок и посмотрел в её сторону. Джосси быстро отвела глаза, не желая нервировать его. Три часа. У неё осталось три часа жизни. Что же она сделает в оставшееся ей время? Больше чем ей хотелось сбежать, она хотела услышать голос Тристана ещё один раз.

Джосси закрыла глаза и начала молиться. Она была такой же лицемеркой, как и те люди, которые становились верующими только внутри самолёта. Она не молила о спасении или возможности побега, только о том, чтобы у Тристана не было сомнения, что в её обеих жизнях, она любила его. Проведя столько времени в раздумьях в пределах этой машины, она осознала, что никогда не говорила Тристану этих слов. Как она могла ни разу не сказать ему, что любит его?

Роб не заговаривал с девушкой без необходимости и смотрел на дорогу. На данный момент он функционировал на чистом адреналине в отсутствии возможности выспаться. Если он не будет смотреть в её вопрошающие глаза, он найдёт в себе силы и дальше вести машину. В какой-то момент он подумал, что убьёт её только для того, чтобы она заткнулась. Она задавала вопросы, много вопросов. Как он и ожидал, её интересовало куда они едут, что он собирается с ней делать. Роб понимал, что на самом деле она не желает слышать его ответов, поэтому продолжал молчать.

Он бросил на неё мимолётный взгляд, её глаза были закрыты, а ладони сведены вместе. Он вздохнул и вернулся к дороге, стараясь разобраться с беспорядком в мыслях. Он до сих пор был зол, что ему пришлось похитить девушку, а не убить её. Для него было бы проще убить. Она не пыталась бороться с ним и не попробовала сбежать, всё прошло как по писанному. Но его просто убил тот её умоляющий голос, голос, наполненный ужасом. Тот голос и образ печального лица Моники.

Роб был слишком погружён в это дело, слишком много общего было у него с Джосси и её прошлым. Женщина, которую он любил, женщина, которую он желал больше, чем чего-либо ещё, будет просто сломлена смертью этой девушки. Ночью, продолжая путь, он не терял надежды, что Молони не сделает его тем человеком, который нажмёт на курок. Если он не убьёт Джосси, он сможет спать рядом с Моникой с чистой совестью. Он сможет обнимать её и облегчать болезненное чувство вины. Он сможет жить так до конца своих дней, сколько бы ему их не выпало, без угрызений совести.

Дин Молони сидел за большим дубовым столом, смотря через чистое сверкающее окно на улицу. В этот безоблачный день он мог отчётливо рассматривать всё, что принадлежало ему. Синее небо заполняло верхнюю часть окна, расплёскиваясь до границы, где его прерывали зелёные деревья. Его взгляд скользнул по пруду, на поверхности которого была заметна небольшая рябь. Его конюшни возвышались над видневшимся позади них забором, окружавшим всю территорию его земель. Ему нравилось сидеть здесь, наслаждаясь видом.

Его родители были бедными людьми. Они были счастливы уже тем, что у них был маленький дом и подержанная мебель. Дин всегда хотел большего. Он завидовал расточительному образу жизни, который вёл его дядя. Его дядя, Джон Молони, брат его отца, входил в организацию так долго, сколько Дин себя помнил. Ещё в юном возрасте Дин знал, что хочет последовать по его стопам. Его родители этому противились. Они гордились тем, что много и тяжело работали и шли прямо, не сворачивая на кривую дорожку. Когда он стал подростком, он начал работать на дядю. Перед тем как Дин взялся за эту работу, Джон предупредил его о важности быть осмотрительным. Дин с лёгкостью погрузился в этот образ жизни, стал кем-то вроде ученика для своего дяди. Только вот девять лет спустя тот погиб от руки случайного наркомана, пытавшегося его ограбить. Дин прокладывал свой путь наверх по головам более опытных и закалённых членов организации. Он выучился тому, как прикрывать свои дела легальным бизнесом, как собрать вокруг себя лучших людей и как удерживать их рядом.

Однажды он встретил свою будущую жену, так началась его семейная жизнь, ещё один важный шаг в его дальнейшей судьбе. Ничего не имело для него такого значения, как продолжение его гордого ирландского рода. И не было для него более счастливого дня, чем тот, когда на свет появились его близнецы. Он помнил, как бежал через холл и кричал всем, кто мог его услышать, что у него родились здоровые мальчик и девочка. Уже в тот момент он распланировал всю их жизнь. Его дочь будет принцессой, которая никогда ни в чём не будет испытывать нужды, а его сын будет натренирован настолько, чтобы после занять его место.

Дин посмотрел на фотографию в рамке, стоящую в углу его стола. Ничего не подозревающая счастливая семья смотрела на него с этого снимка. Ему бы хотелось схватить их, накричать на них, предупредить о нависающей над ними неминуемой опасности. Но было слишком поздно. Со смертью его сына, Дина младшего, пришла такая тьма, с которой он никогда прежде не сталкивался. Ненависть и гнев заполнили его сердце, превратив его в тёмного и жестокого монстра, каким он стал. Он мог думать только о мести, желал наказать всех, кто осмеливался жить без боли, особенно доктора Даниэля Фоллбрука. Этот человек и его недостаточные хирургические навыки забрали у него Дина младшего, и возмездие настигнет его. У Дина был план, очень сложный проект, меняющий жизни людей. Он

требовал терпения и множества манипуляций, но он срабатывал очень даже неплохо.

Фоллбрук забрал у него сына, так что Дин заберёт у него Тристана.

Он был счастлив в тот день, когда узнал об интересе, который проявлял Тристан Фоллбрук к его дочери Фионе. Ему пришлось проявить силу своего убеждения, и в нужное время она согласилась приглядеться к мальчику. Дин не хотел его смерти, это было бы слишком просто. Вместо этого он хотел вытащить парня из его спокойной, лишённой опасности жизни. Он хотел оторвать его от семьи и разрушить каждый кусочек его возможного успешного будущего. В то время Дин даже не представлял, насколько удачно сработает его план.

Он сам не заметил, как Тристан уже был по уши влюблён в Фиону. После этого было совсем не трудно вовлечь его в свой мир. Это был лучший результат из тех, на которые он мог надеяться. Всё складывалось прекрасно, всё — за исключением Фионы.

Она злилась на отца за то, что тот заставлял её быть с Тристаном. Когда она была моложе, она не возражала. Дин удерживал её хорошей платой, чем-то вроде взятки за участие в его плане. Когда они переехали в Калифорнию, она влюбилась в другого человека. Она просила своего отца, умоляла его позволить ей уйти. Но он не разрешил.

Дин получил то, что хотел. Он разрушил жизнь Тристана, но при этом потерял дочь. Фиона теперь очень редко общалась со своими родителями. Она вышла замуж за человека, которого её отец ни разу не видел, и они жили где-то в Северной Калифорнии. Его месть разрушила их отношения. Конечно, были электронные письма и фотографии, но они не были той семьёй, о которой он так мечтал.

Теперь, когда Фоллбрук покинул организацию, ему надо было решить, что с ним делать. Дин не забывал о нём, ожидая момента, когда тот окажется полезен. Его терпение заканчивалось, сейчас этот парень являлся одним из нескольких потерянных концов нитей, которые требовалось связать друг с другом.

Когда он получил фото девчонки от Морта, то не поверил своим глазам. С ней был Тристан. Его выдали татуировки.

Дин отстукивал ритм пальцами по поверхности стола и задумался, почему он раньше не видел связи между этими двумя. Когда он преследовал Эрла Делона, они были детьми. Доктор Фоллбрук попал под его радар только два года спустя, после того как шеф и его дочь исчезли. Потом прошло ещё шесть месяцев до того момента, как Фиона, придя домой, рассказала про мальчика по имени Тристан Фоллбрук.

Он не знал, что Фоллбрук был знаком с дочерью Делона, но, когда он узнал, что они скрываются вместе, то покопался в их прошлом и был поражён тем, что нашёл. Теперь он знал, как они связаны друг с другом, и мог использовать девчонку, чтобы причинить Тристану боль. Это было так легко. Он ухмыльнулся и удовлетворённо покачал головой. Он был настолько доволен тем, как всё складывалось, что ему хотелось кричать от радости. Конечно, он этого не сделал. Он был сдержанным человеком.

Стук в дверь прервал царящую в комнате тишину.

— Войдите, — сказал Дин.

— Морт передал, что он в трёх часах езды от нас, девчонка у него. Я направил его на Южный склад.

Дин кивнул.

— Спасибо, Барри.

Он показал знаком мужчине покинуть комнату и сел обратно в кресло.

Глава 20

Звёздная величина

Яркость небесного тела

Позвонив Тристану, Алекс сказал Монике, что едет в Новый Орлеан. Они понятия не имели, по своей ли воле Джосси покинула квартиру или же была похищена. Так или иначе, его не покидало чувство, что Джосси ещё жива. Моника не могла оставаться в стороне, ничего не предпринимая. Она приняла решение поехать вместе с ним.

Они вылетели в Новый Орлеан на следующее утро. Всю оставшуюся часть дня они с Тристаном разрабатывали возможные планы их совместных действий, которые варьировались от откровенно глупых до граничащих с самоубийством. Алекс пристально наблюдал за состоянием Тристана, которое бессистемно балансировало между безутешным горем по Джосси и настойчивой уверенностью в том, что она жива. Он походил на маленькую лодку, которую бушующее море кидало из стороны в сторону. Алекс с Моникой делали всё возможное, чтобы успокоить его. Битси и Даниэль выделили сыну и двум его знакомым комнату в их доме, предлагая тем всё, чем могли помочь.

Только после того, как Тристану позвонил один из людей Молони, он вновь обрёл способность контролировать себя. Барри дал ему знать, что Джосси ещё жива и её держат на складе Молони не улице Тчаупитаулас. Все трое оказались в машине ещё до того, как разговор по телефону закончился.

— Насколько далеко это место отсюда? — спросила Моника.

Она расположилась на самом краю сиденья, пальцами крепко вцепившись в переднее кресло. Тристан резко сорвался с места, и она практически налетела на дверь.

— Двадцать минут, — ответил он, — Пристегните ремни.

Моника кивнула и пристегнулась. Она прикрывала глаза и сдерживала дыхание, когда они пролетали на красный цвет. Каждый раз пересекая очередной перекрёсток, она выдыхала и произносила молитву.

— Какой у нас план? — спросил Алекс. — У меня нет с собой пушки, мужик. Не смог бы пронести мимо службы безопасности аэропорта, понимаешь?

Пальцы Тристана кружили вокруг руля, он вглядывался в приближающийся перекрёсток. Сильнее надавив на газ, он проигнорировал гудки и скрип покрышек, которые раздавались позади них.

— Есть пистолет под твоим креслом.

— О, да!

Алекс залез под сиденье и вытащил оружие. Он проверил обойму и вернул её на место.

— А что насчёт меня? — спросила Моника, когда они добрались до мостов Кресцент.

Широкая река Миссисипи пролегала под ними, в то время как Тристан и Алекс обменялись между собой многоговорящими взглядами.

— Ты останешься в машине, мамі. Мы не можем позволить себе беспокоиться и о тебе, и о Джо. — ответил ей Алекс.

— Что? Что за чушь! Я могу помочь. Я прекрасно умею отвлекать на себя внимание.

— Нет, — ответили мужчины одновременно.

Моника скрестила руки и смотрела в окно, когда они въезжали в Новый Орлеан. Это был красивый город, и ей захотелось когда-нибудь оказаться здесь при более счастливых обстоятельствах.

— Я был на этом складе когда-то, — сказал Тристан, — там есть два входа. По одному у каждого края стены здания и большая погрузочная платформа со стороны улицы. Лучше всего будет зайти через самую дальнюю дверь, поскольку её не видно из окон здания.

— Хорошо. Что дальше? Как думаешь, сколько у них там людей? — спросил Алекс.

— Не знаю. Не менее трёх. Все они будут вооружены. Но я надеюсь, что они всё ещё там.

— А что, если нет? — спросила Моника.

Тристан пронёсся через ещё один перекрёсток, едва-едва увернувшись от столкновения с фургоном.

— Это будет значить, что мы опоздали.

Их окружала тишина, и казалось, что из машины вытянули весь воздух. Окружающий мир пролетал мимо них в мареве из машин и зданий. Все мышцы Тристана были напряжены. Ему просто необходимо немедленно оказаться там.

Они припарковались в одном квартале от склада, на улице с жилыми домами. Тристан спрятал пистолет за ремнём джинсов и повернулся к Монике.

— Спасибо тебе, — сказал он, — за всё что ты делала для неё.

Моника покачала головой, проливая слезы, которая так старалась сдержать.

— И спасибо тебе, — сказал Тристан, повернувшись к Алексу. — Ты заботился о ней. Несмотря на всё, что случилось, знайте, что для Джосси вы оба были очень важны.

— Прекрати, — Моника плакала, — это не прощание.

— «Не бойтесь расставаний. Прощание неизбежно, перед тем как вы сможете встретиться снова», — процитировал Тристан, — Ричард Бах.

— «До тех пор, пока кто-нибудь вроде тебя не начнёт беспокоиться обо всей массе проблем в нашем мире, ничего не изменится в лучшую сторону. Ничего», — слегка улыбнувшись, сказала Моника. — Доктор Сьюз.

Тристан вылез из машины. Алекс последовал за ним. Перед тем как закрыть дверь, Тристан заглянул в машину.

— Оставайся здесь. Если мы не вернёмся через час, возьми мою машину и найди полицейских.

Тристан помахал связкой ключей перед Моникой, и она забрала их, не встречаясь с ним взглядом.

— Будьте осторожны, — пожелала она.

Обе двери хлопнулись, что заставило Моника подпрыгнуть на месте. Она чувствовала себя так, будто находится в ловушке, пока наблюдала за тем, как двое мужчин бегут по улице. Она следила за их продвижением в темноте, пока оба не превратились в тени, повернули за угол и исчезли из её поля зрения.

Пахло солидом и металлом, воздух был затхлым. Она могла расслышать звуки, которые издают буксирные катера, проплывающие мимо, и поняла, что они где-то рядом с рекой. Её руки и плечи были связаны верёвками, несмотря на то, что она уже давно отказалась от борьбы. Даже если она останется в живых, она уже втянула в это всех людей, кто окружал её. Она считала лампы, висевшие над их головами. Старалась рассмотреть слова, которые были напечатаны на сотнях ящиках и коробках, сваленных вокруг неё. В её голове крутилось такое огромное количество вопросов, и не было ни одного ответа.

Сваленные вокруг паллеты загоразживали ей весь вид, но она могла расслышать, как кто-то разговаривал недалеко, а также звук приближающихся шагов. Джосси старалась контролировать дыхание, пока её сердце бешено колотилось, будто отбивая обратной отсчёт в грудной клетке. Она ничего не могла поделать с ощущением, будто её лишили всего. После того как она обрела Тристана, а с ним и возможность на счастливую жизнь, она снова всё потеряет.

Крепкая хватка на её плече отвлекла Джосси от размышлений. Четверо мужчин стояли перед ней, включая и её похитителя. Она украдкой наблюдала за ними, пытаясь догадаться, кому из них будет поручено покончить с ней. Открывавшаяся перед ней сцена, казалось, была вырезана из фильма про гангстеров, а сама она была в роли девицы в беде.

— МакКензи Делон, как я рад увидеться с тобой снова. Добро пожаловать домой. — Одетый во всё чёрное мужчина насмешливо обращался к ней, обходя её по кругу. — Прошу простить нас за отсутствие фанфар в твою честь.

Джосси не отрывала от него своего взгляда так долго, сколько это было возможно, запоминая сердитый взгляд и ядовитые слова, срывающиеся с его губ. Он был маленького роста, с широкой грудной клеткой, рубашка не могла скрыть его мускулистых рук. Его кожа была бледной, почти что болезненного цвета, и выделялась на фоне черных волос и бороды. Глаза льдисто голубого цвета смотрели на неё, не отрываясь. В его голосе было столько ненависти и презрения, и создавалось ощущение, что только одни его слова могут причинить ей непоправимый вред. От этого человека исходило чувство превосходства, которое лишало любой уверенности в себе. Должно быть, это и есть Дин Молони. Встав прямо перед ней, он схватил её за подбородок и грубо повернул её лицо к свету.

— Такая красивая, — насмешливо произнёс он. — Хотя ты и похожа на Эрла.

Джосси прикусила губу, чтобы сдержать вырывающийся крик. Ей хотелось сказать, чтобы он не смел произносить имя её отца своим поганым ртом.

— Почему я всё ещё жива? — вместо этого спросила она.

— Потому что ты являешься заключительным аккордом, — ответил Молони.

— Что я вам сделала?

— Твой отец приостановил мой бизнес на полгода.

Джосси посмотрела на других мужчин. Все они выглядели скучающими и никак не шокированными происходящими перед ними драматическими событиями.

— Он мёртв. Возможно ли наказать его ещё больше?

— Его наказанием была гибель твоей матери. Хотя это и выглядело как автомобильная катастрофа. Правда, Барри? — спросил Молони.

— Очень печальное происшествие, сэр, — ответил Барри.

Злобная усмешка не сходила с лица Молони, и, если бы её руки не были связаны, Джосси бы постаралась стереть её с его лица. Гнев и боль заполняли её, пока она вдруг не почувствовала, что ещё чуть-чуть, и они разорвут её.

— Ты убил мою мать, — прошептала она, опустив голову, чтобы скрыть слезы.

— Да, — ответил Молони. — Твой отец думал, что сможет сбежать от меня. Я обнаружил, что он общался с федералами. Поэтому Эрл мёртв. Он не смог держать свой язык за зубами.

Джосси ничего не видела сквозь слёзы, но они не могли скрыть полный ненависти взгляд, обращённый на него. Этот человек был причиной всех трагических событий, причинивших ей такой огромный вред. Ей было плохо уже из-за одного его присутствия

рядом с ней.

— Почему я? Почему сейчас?

— Ты слишком много знаешь, — ответил он. — Ты видела, как мы выбивали правду из твоего отца. Ты умоляла нас остановиться. Ты так плакала, когда мы убили его. А потом ты сбежала, выставив меня и моих людей дураками.

— У меня амнезия! Я не помню ничего до того момента, как оказалась в Калифорнии. Я ничего не знаю. Ты убил всю мою чёртову семью и теперь тебе нужна я? Хорошо, сделай это, трус! Давай!

Молони рассмеялся, его смех разносился по всему зданию, отражаясь от металлических стен. Её рассказ об амнезии скорее смешон, нежели изобретателен, тщетная попытка сохранить свою жизнь.

— Как пожелаешь, — улыбаясь сказал Молони. — Барри.

Самый старший из его сообщников кивнул, достал пистолет из кобуры и направил его прямо на Джосси. Её глаза нашли его лицо, пытаясь увидеть в нём хотя бы след сомнения, но не заметила ничего подобного. Это её судьба. Покорившись ей, Джосси сделала глубокий вздох и закрыла глаза, ожидая момента, когда её жизнь закончится.

— Я люблю тебя, Тристан, — прошептала она, её губы едва двигались, когда она произносила свои последние слова.

— Брось свой чёртов пистолет, — прокричал Тристан.

Он появился позади Роба и Барри, его оружие было направлено на Молони. Он выступил вперёд, ясно обозначая свои намерения. Если умрёт Джосси, то и Молони постигнет та же участь.

— Как раз вовремя, Тристан, — сказал Молони.

Фрэнк потянулся за своим пистолетом, но почувствовал, как что-то металлическое прижимается к его виску.

— Я так не думаю, *cabrón*, — прорычал Алекс.

Джосси, шокированная появлением Тристана и Алекса, сидела, не произнося ни слова, и наблюдала за треугольником из пистолетов перед ней — пистолет Тристана направлен на Молони, Алекс целится в Фрэнка, а Барри до сих пор сфокусирован на ней. Она переводила взгляд с одного на другого, в конце концов остановившись на Тристане. Один только его вид, несмотря на обстоятельства, внушал ей спокойствие. Она видела его напряжённое лицо, и ей так хотелось, чтобы он посмотрел на неё.

— Я сказал бросить пистолет, или Молони схлопочет пулю, — обратился Тристан к Барри, но мужчина не шелохнулся.

Абсолютно ничего не боясь, Молони повернулся к Тристану, на его лице была улыбка Чеширского кота. Он оценивающе осмотрел парня и не смог не заметить страсть, горящую в его взгляде. Его план сработал просто идеально.

— Тристан, какое эффектное появление. Все ещё изображаешь из себя героя? Конечно, я знал, что ты придёшь. Но ты не выйдешь отсюда живым, — сказал Молони.

— Мне на это наплевать, пока она жива.

Тристан наконец посмотрел на Джосси, и его сердце, казалось, остановилось. Он избегал зрительного контакта с ней, чтобы оставаться сосредоточенным, но сейчас он чувствовал себя так, будто его мир перевернули с ног на голову. Любовь всей его жизни сидит, привязанная к металлическому стулу.

— Барри, брось свою проклятую пушку, — повторил Тристан.

Молони покачал в ответ головой, и их противостояние продолжилось.

Роб стоял, не двигаясь, наблюдая за разыгравшейся перед ним мизансценой. Он мог вытащить оружие и выстрелить в одного из них раньше, чем кто-нибудь поймёт, что случилось. Проблема в том, что теперь он не знал, на чьей он стороне. Небольшие уколы жалости, возродившиеся в нём, подталкивали его встать на сторону Тристана. Он представлял Монику, на которую направлено дуло пистолета, и это видение почти убивало его. И, тем не менее, если он предаст Молони, он не получит деньги. Он не хотел так рисковать.

— И что мы теперь будем делать? Ты хочешь обменять свою жизнь на её? — спросил Молони.

— Нет! — закричала Джосси, голос наконец-то вернулся к ней.

— Тише, Джосси, — сказал ей Тристан, стараясь не смотреть в её глаза, которые молили его не делать этого.

Она старалась освободиться от верёвок, которыми была крепко привязана к металлическому стулу, билась, стараясь отвлечь на себя внимание. Она абсолютно точно не могла позволить Тристану погибнуть.

— Нет, ты не можешь сделать этого! Убейте меня, трусливые ублюдки! Меня! Сделайте это, пожалуйста! — кричала она, слезы стекали по её лицу.

— Джосси, заткнись! — теперь Тристан кричал на неё, перенося свой вес с одной ноги на другую.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться, Молони. В этом случае преимущество за мной.

— У тебя ничего нет.

Молони усмехнулся и свистнул сквозь зубы. Звук пронёсся через всё здание, но ничего не случилось. Каждый оглянулся вокруг, стараясь уловить звуки приближающейся опасности, но их окружала тишина и пустота здания. Удивлённый, Молони снова подал сигнал, его глаза пытались что-то разглядеть в темноте.

— Кого-то ждёшь? — спросил Алекс.

Молони повернулся к Барри, ожидая от него объяснений.

— Они были на месте, когда я пришёл, — ответил Барри.

— Как я уже говорил, преимущество за мной, — сказал Тристан, — теперь брось его.

— Не так быстро Фоллбрук, — мягко произнёс Роб, направляя своё оружие в затылок Тристана. — Мне слишком сильно нужны эти деньги, чтобы просто так потерять их.

И хотя Робу не хотелось быть тем, кто убьёт Джосси, о Тристане он не мог сказать того же. Ему абсолютно наплевать на этого мальчишку. Тем более, он был уверен, что таким образом спасёт парня от смертельных пыток Молони.

— Роб? — донёся голос Моники и она неожиданно появилась между двумя кучами коробок. — Но почему? Я не... Что ты здесь делаешь?

— Роб? — произнесли в один голос Джосси с Тристаном, обратив своё внимание на блондина, у которого на данный момент в руках были все карты.

Моника нарушила приказ Тристана, потерпев чуть более пяти минут. Она нашла дорогу к нужному кварталу, внимательно рассматривая каждое здание, пока не нашла нужное. С того места, где она пряталась, Моника слушала весь разговор между мужчинами, ожидая возможности как-то помочь делу. Конечно, у неё не было оружия, но в её пользу был фактор внезапности.

Она не имела возможности видеть происходящее. Но услышав голос Роба, Моника была настолько потрясена, что прежде чем успела опомниться, раскрыла своё присутствие, чтобы увериться в том, что услышала. Её разум пытался разобраться в ситуации, мозг пытался найти логичное объяснение, почему её любовник находится среди этих людей.

— Моника? Что ты здесь делаешь? — прошипел Роб.

— У нас какие-то проблемы, Морт? — поинтересовался Молони.

— Ты Морт? Тот самый Морт, который охотился за Джосси? — спросил Тристан.

— Нет! Это неправда! — закричала Моника, она обхватила голову руками, вцепившись в волосы, всматриваясь в ничего не выражающее лицо Роба. — Роб, скажи им, что это неправда.

— Уходи отсюда, это не имеет к тебе никакого отношения, — отчеканил в ответ Роб, его пистолет, который на данный момент заметно дрожал, до сих пор был направлен на Тристана. — Фоллбрук, бросай пистолет. И ты тоже, большой парень, — приказал он, повернувшись к Алексу.

— Чёрт! — фыркнул Алекс.

Моника не могла поверить, что Алекс отступит первым. Тот сдался, не желая быть причиной гибели Тристана, особенно на глазах у Джосси. Он был уверен, что такого ужаса она не переживёт, даже если у неё получится выбраться живой из этой передраги. Тристан бросил оружие, звук удара пистолета о бетонный пол был знаком, что надежды выбраться отсюда живыми больше нет.

— Вот теперь я вижу, что всё идёт, как надо, — сказал Молони, победно потирая руки. — Вы трое, присоединяйтесь к девушке.

Алекс и Моника встали рядом с Джосси. Тристан кинулся к ней, запустив руки в её волосы, тихо прося у неё прощения.

— Прости меня, малышка. Мне так жаль. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — ответила Джосси.

— Довольно! — закричал Молони. — Я сделаю это сам.

Он достал свой девятимиллиметровый пистолет из кобуры и направил его прямо на Джосси. Раздался оглушительный выстрел, звук которого заполнил все тихое здание. Барри бросился в укрытие, исчезнув из вида. Джосси зажмурила глаза, готовясь к боли, которая почему-то всё никак не наступала.

Джосси открыла глаза и увидела Моника, лежащую прямо перед ней. Она приняла на себя пулю, предназначавшуюся Джосси. Она была маленькой, но быстрой. Её миниатюрное тело лежало у ног Джосси. Что-то красное растекалось вокруг неё, как будто пролитые чернила пропитывали бумагу.

Тристан кинулся к Молони, и выбил у того из рук оружие. Фрэнк поднял свой пистолет и выстрелил раз, перед тем как Алекс смог остановить его, пустив ему пулю в висок.

— Моника! — звала Джосси, её голос перешёл в агонизирующий крик, который, казалось, невозможно будет забыть до конца своих дней.

— Нет! Нет, нет, нет, нет! Моника! — кричал Роб, подбежав и упав перед ней на колени. — Зачем ты это сделала! Глупая женщина!

— Я должна была. Я спасла её, — еле слышно произнесла она, перед тем как рана начала препятствовать дыханию.

Кровь просочилась и измазала его джинсы, когда он поднял Моника на свои колени. Роб плакал, пока её дыхание становилось всё тише, а её взгляд был устремлён на него, он

молил о чуде. Но никто его уже не слышал. Тело Моники изогнулось от кашля, из-за которого в уголках её рта появились ручейки крови.

— Пуговка. Я люблю тебя, — прошептал он, аккуратно убрав упавшие на её лицо волосы.

Она попробовала улыбнуться, сделала прерывистый вздох и покинула этот мир.

Все участники событий теперь только беспомощно наблюдали со стороны, в то время как Роб подскочил и бросился прямо к Молони. Сцена, которая только что выглядела мучительно и печально, трансформировалась во что-то злобное и ненавистное. Тристан отошёл в сторону, а Роб достал пистолет и полностью опустошил всю обойму в Молони. Но ни один из этих выстрелов не дал ему искупления, не дал удовлетворения. Даже когда Молони лежал мёртвым у его ног, Робу хотелось растерзать его, вбить его кулаками прямо в землю. Он хотел купаться в его крови, но прекрасно понимал, что это не вернёт ему любимую женщину.

Роб бросил дымящийся пистолет на пол и исчез в темноте. Несколькими секундами позже звук закрывающейся двери вывел всех остальных из ступора.

— Тристан! — закричала Джосси.

Алекс повернулся и увидел Тристана, тот прислонился к деревянным ящикам, кровь пропитала его футболку. Алекс присел на колени рядом с ним, чтобы осмотреть рану.

— Кто тебя ранил? — спросил Алекс.

— Фрэнк.

— Ты в порядке? — опять прокричала Джосси.

— Это всего лишь царапина. Ранение мягких тканей, — сказал Тристан, обнадеживающе ей улыбнувшись

Алекс снял свою футболку и крепко обернул её вокруг бицепса Тристана.

— Это должно помочь, — предположил Алекс.

— Готов использовать в своё оправдание что угодно, чтобы только снять с себя футболку, правда, качок? — сказал Тристан.

Алекс отвязал Джосси от стула, его большие пальцы неловко боролись с узлами. Она упала на пол, рыдая над телом Моники. Джосси, казалось, боролась за каждый вздох, воздух ощущался, словно бритва, пронзающая её лёгкие. Она чувствовала себя недостойной и думала, сможет ли когда-нибудь вздохнуть и не быть пронзённой чувством вины.

Алекс помог подняться Тристану и вместе они пытались привести в себя Джосси. Она вцепилась в Тристана, рыдая у него она груди.

— Мне не хочется прерывать ваше воссоединение, но нам пора убираться отсюда, — сказал Алекс.

Звук громкого хлопка донесся до них из темноты. Все трое посмотрели друг на друга, в то время как Алекс достал пистолет и направил в ту сторону, откуда доносился звук. Другой хлопок. Джосси снова заплакала. Звуки раздавались один за другим, пока они не поняли, что это кто-то хлопает в ладоши. И вот он появился из дальней части склада. Он был в дорогом костюме и шляпе. Тени скрывали его лицо, была видна лишь его зловещая улыбка.

— Это на самом деле было очень занимательное представление, — сказал он с весёлой интонацией в голосе, был заметен его сильный акцент.

Все трое смотрели на него, не двигаясь, стараясь понять, кто стоит перед ними, и переживая, как это повлияет на дальнейшие события.

— Меня зовут Джино Галло. Вы сделали мне сегодня большое одолжение. — Он

щёлкнул пальцами, и позади него появился Барри. — Вы спасли этого мужчину от обязанности устранить своих бывших коллег. Ты должен быть им благодарен, Барри. Ты благодарен?

Барри кивнул, всё это время его взгляд был направлен на Тристана.

— Да, сэр.

— Конечно, мы вам немного помогли, ликвидировав людей Молони, которые должны были быть на подхвате. — сказал Галло.

— Что теперь? — спросил Алекс, казалось, совсем не обеспокоенный присутствием этого человека.

— Позвольте мне рассказать, что теперь будет, — сказал Галло, посмотрев на парня, который посмел обратиться к нему с вопросом. — Вы все покинете это место. Мои люди позаботятся о телах и уберут весь этот беспорядок. Вам не придётся бояться возмездия. Сейчас вся власть у меня. И я этого не допущу. А теперь идите, пока я не передумал.

Тристан, осознав насколько им повезло, подоткнул остальных к выходу. Они направились к двери, но Джосси стояла, не шевелясь. Она не могла оторвать свой взгляд от безжизненного тела Моники.

— Джосси, мы должны идти, — убеждал её Тристан.

Она кивнула и позволила ему увести себя.

— Спасибо, — прошептала Джосси своей подруге, пока её уводили на ночную улицу.

Глава 21

Борозды

Углубления на поверхности Луны, которые походят на каналы и каньоны

Стук в парадную дверь был едва слышен под проливным дождём, который бушевал на улице. Когда Даниэль Фоллбрук открыл ту самую дверь, ему понадобилось всего несколько мгновений, чтобы целиком оценить ситуацию.

— Битси! Принеси мою сумку! — громко дал указания Даниэль прямо с крыльца.

Он подхватил Тристана, помог зайти ему в дом и усадил сына за кухонный стол. Со стола быстро сорвали скатерть, и Тристан расположил свою раненную руку на прохладной дубовой поверхности. Джосси и Алекс заняли соседние свободные стулья и смотрели, как Даниэль помогает своему пострадавшему сыну.

— Что случилось? — спросил он.

— Стреляли с близкой дистанции, двадцать второй калибр, — ответил Тристан.

Даниэль снял жгут, сделанный из футболки Алекса, с руки Тристана и отрезал рукав его рубашки кухонными ножницами. Битси влетела в комнату, неся с собой сумку с медицинским оборудованием мужа, её шёлковое платье развевалось за ней, словно у неё за спиной были крылья.

— Тристан, дорогой, с тобой всё в порядке? — произнесла она со слезами на глазах.

Она стояла между двумя самыми важными мужчинами в её жизни, её руки тряслись, пока она пыталась перекрестить их обоих.

— Пуля прошла навывлет, — ответил Даниэль, — Я прочищу рану и наложу швы. Все будет хорошо.

— Ох, Слава Богу, — тихо прошептала Битси.

Только после этого она заметила, что на её кухне находятся ещё два человека. Крупный мужчина, раздетый по пояс, сидел за столом. Вода стекала по его мускулистому телу самым

соблазнительным образом. В любое другое время она бы напомнила ему о хороших манерах, о том, что он демонстрирует свою наготу прямо в её кухне. Но она решила, что в этот раз пропустит подобную бестактность, учитывая сложившиеся обстоятельства. Рядом с ним сидела красивая, но очень грустная девушка. Её волосы были гладкими и мокрыми, тяжёлые завитки прилипли к лицу и шее. Она сидела, обхватив себя руками.

— О Боже мой! МакКензи Делон, это ты? — спросила Битси.

Джосси взглянула на Битси, и её взгляд немедленно вернулся обратно к Тристану. У неё не было необходимости смотреть на женщину, стоявшую перед ней, чтобы понять, кто это. Джосси узнала линию этих скул и эту немного кривоватую улыбку, прямо как у её сына. Она помнила, как вьются эти волосы и точно знала, какая форма у её губ.

— Господи помилуй! Она выглядит, будто её съели аллигаторы и обгадили ею скалы, — тихо пробормотала Битси.

Даниэль и Тристан взглянули на неё, на их лицах читался неподдельный шок.

— Ох, прекратите на меня так смотреть! Бабушка Дукот всегда говорила, что «дерьмо» — ругательное слово, которое леди могут использовать.

Джосси застыла в попытке перевести дыхание. Её лёгкие горели, тело не слушалось. Голоса воспринимались как отдалённые неясные звуки, которые смешивались с быстрым стуком её пульса. У неё кружилась голова, тело как будто потеряло свой вес, её кидало то в жар, то в холод. Казалось будто кто-то колет орехи её головой, она мечтала, чтобы это всё наконец закончилось. И она желала, чтобы каждый раз, когда она закрывает глаза, она не видела тело Моники, лежащее у её ног, будто принесённое в жертву. Она так хотела, чтобы в итоге это всё оказалось лишь её сном.

В конце концов Джосси смогла сделать глубокий вздох, это помогло ей прийти в себя. С очередным выдохом воздух высвободил громкие рыдания, звуки которых только самой Джосси показались тихими. Битси обняла девушку. Она пробежалась руками по её мокрым волосам и поцеловала в макушку.

— Мы не знали, малышка. Мы не знали, что ты была там совсем одна, — говорила Битси.

Тристан немного успокоился, зная, что его мама приглядит за Джосси. Но он хотел бы, чтобы отец быстрее с ним закончил, и тогда уже его руки будут обнимать её вместо тоненьких трясущихся рук его матери.

Даниэль закончил заниматься раной Тристана и наложил повязку. Тристан согнул руку в локте и сгибал её, будто пробовал пользоваться ею в первый раз.

— Пап, осмотри Джосси, — сказал Тристан, — Она может быть в шоке.

Даниэль расположился рядом с Джосси, Тристан последовал за ним. Он встал на колени перед ней, вода с его мокрых джинсов образовала лужу на кафельном полу. Даниэль проверил её жизненные показатели, задал простые вопросы, на которые она отвечала на автомате.

— Она реагирует. Ей просто нужна сухая одежда и отдых.

— Где Моника? — спросила Битси.

Джосси крепко зажмурилась, и из неё вырвался очередной крик со слезами.

— Её больше нет. Она умерла, — сказала Джосси. — Это всё моя вина.

— Нет, это не так. Она спасла тебя. — сказал Тристан.

Он усадил Джосси к себе на колени и держал её, пока их дыхание не синхронизировалось. Один за одним, Алекс, Битси и Даниэль покинули комнату. Алекс

ничего не сказал, проходя мимо них. Он просто сжал плечо Тристана, сказав этим жестом всё, что хотел. *Мне так жаль. Я с вами.*

У Тристана замёрзли ноги, он чувствовал, как по ним бегают мурашки. Один из кухонных шкафов больно впивался ему в спину, но он не отпускал Джосси. Когда она наконец заснула, он отнёс её в свою комнату и обнял, укрывая от ночных кошмаров.

Двумя днями позже Джосси снова почувствовала себя человеком. Родители Тристана сочувствовали ей и были очень к ней добры. Казалось, что Битси одержима тем, чтобы накормить и развлечь своих гостей. Джосси чувствовала, что о ней здесь заботятся, что здесь она в безопасности. Она бы хотела, чтобы эти ощущения больше никогда не покидали её.

Она спустилась по лестнице и улыбнулась тому, что увидела. Тристан и Алекс обнимались. Тяжёлые испытания, которые они вместе прошли, сблизили этих двоих, и Джосси была этому очень рада. Для неё они оба значили целый мир.

— Это доказывает, что отношения, начавшиеся при таких травмирующих обстоятельствах, никогда не закончатся, — сказал Тристан, улыбаясь.

— Отношения? Я не хочу жениться на тебе. Ты не мой тип, *rapito*, — ответил Алекс, щипая Тристана за щёку, пока тот не скинул его руку.

— Ты уверен, что тебя не надо отвезти в аэропорт, милый? — спросила Битси.

— Не, я вызвал такси, — ответил Алекс.

Джосси перешагнула последнюю ступеньку и проскользнула между двумя мужчинами.

— Эх, *tami*. Что же мне теперь делать, а?

— Ты же знаешь, что можешь остаться здесь. Начать жизнь с чистого листа.

Став взрослым, Алекс всегда был свободен в своих передвижениях и имел возможность приходить и уходить тогда, когда сам того пожелает, он отвечал только перед своими наставниками на улицах. Всего один из дней недели не принадлежал ему. Воскресенье. В этот день его мать настаивала на том, чтобы он посещал церковь и встречался со своими братьями и их семьями. В прошлом Алекс ненавидел эти дни, чувствовал себя скованным традициями уходящего поколения. После всего того, что с ними здесь произошло, он понял всю важность подобных посиделок за барбекю, понял, что необходимо уделять время тем, кого ты любишь. Он больше никогда не будет воспринимать это как должное.

Алекс предчувствовал, что у Джосси нет причин возвращаться в Сан-Диего. Таким образом получается, что они расстаются, но он понимал её желание остаться. Это семья была единственной, которая у неё была.

— Неа, ты знаешь, этому городу не удержать меня.

Джосси кивнула и кинулась в его объятия. Её ноги не доставали до пола, когда он покачивал её взад-вперёд, пока снова не поставил её на горизонтальную поверхность.

— Спасибо тебе, Алекс, за всё. Никакими словами я не могу высказать, насколько я тебе бла...

— Не беспокойся, Джо, — сказал он с улыбкой, — Береги себя, *tososa*.

На улице просигналил автомобиль, и он ушёл.

Джосси сидела на краю кровати Тристана и не отрывала глаз от дизайнерской сумки, лежащей у её ног. Казалось, эта сумка полностью завладела её вниманием. Внутри была

одежда, две пары туфель, туалетные принадлежности, косметика и номер журнала «Elle» за этот месяц, скорее всего приобретённый в аэропорте. Это всё, что осталось Джосси от Моники Темплтон.

Она не знала, что делать с этой сумкой, старательно избегала мыслей об этом несколько дней, но надо было заканчивать. Джосси была переполнена гневом.

— Почему она? — прокричала Джосси в пустую комнату.

Она встала и пнула сумку, наблюдая, как та пролетела через всю комнату и ударилась об дверь.

— Она была хорошей, — сказала она.

Она опять подошла к сумке и пнула её снова.

— Это нечестно! — прокричала она, пнув сумку в третий раз.

В этот раз из неё высыпались туфли, журнал и зубная щётка. Джосси села на ковёр, рассматривая выпавшие предметы. Ей хотелось собрать их и выбросить. Но даже мысль о том, что она дотронется до них, вызывала у неё тошноту.

— Джосси? — раздался голос Тристана за дверью, — Что случилось?

— Я в бешенстве, — сказала она, подтянув к себе колени и уткнувшись в них подбородком.

Он появился перед ней и сел рядом.

— Я знаю. В этой ситуации злиться нормально. Это второй этап при переживании горя, — объяснил он.

Джосси закатила глаза и сфокусировалась на лаке на пальцах своих ног. Пурпурный.

— Я знаю, что заставит тебя почувствовать себя лучше, — сказал Тристан.

Он встал, достал из ящика стола её дневник и лёг на кровать.

— Давай, проверь меня.

— Это не поможет, — сказала она.

— Уверен, что поможет. Слушай, я специалист по отвлечению от плохих мыслей. Иди сюда, — позвал Тристан, похлопывая по кровати рядом с собой.

Джосси поднялась, легла на кучу подушек, перелистывая страницы своего дневника. Тристан лёг рядом с ней, головой к её ногам. Их тела прижимались к друг другу во всех возможных местах. Его пальцы лениво выводили узоры на её гладких ногах.

— Думаю, тебе придётся нелегко в этот раз, — сказала она.

— Малышка, уровень сложности для меня всегда одинаков.

— Хорошо, страница сто двадцать один, — сказала она, глядя на него из-за дневника и улыбаясь.

Тристан засмеялся и оставил поцелуй на её голени.

«В школе появилась новая девочка. Её зовут Даниэль Райан. Мы познакомились на уроке английского и сразу подружились». — Тристан повторял эти слова по памяти. Намеренно произнося их более высоким голосом. — «Она на самом деле очень милая, и её волосы такого потрясающего рыжего цвета, что даже кажется, что цвет ненатуральный. Но я никогда не спрашивала об этом. Я увидела, что она сидит совсем одна в кафетерии и пригласила её сесть с нами. Это была большая ошибка! Просто огромная! Она всё время улыбалась и флиртовала с Тристаном. Прямо на моих глазах. По-моему, к тому времени, как я закончила есть сэндвич, эта девчонка уже распланировала их свадьбу».

Джосси засмеялась и закрыла дневник.

— Я не говорила таким голосом, ты задница.

— А мне кажется, это звучало бы именно так, — сказал он, улыбаясь. — И, по-моему, на той странице был ещё рисунок собаки в свадебном платье.

— Ты помнишь всё. Это просто потрясающе.

— Это ты потрясающая.

— Такая же потрясающая, как Даниэль Райан?

Тристан поднял взгляд к потолку, будто пытался найти там ответ на её вопрос.

— Думаю, да. То есть, я хочу сказать, что у неё и вправду были очень красивые волосы.

И просто убийственные сиськи.

Джосси бросила в него дневник, попов прямо ему в грудь.

— Ауч, ты ранила меня, женщина.

— Это даже не сравнится с тем, что я собираюсь с тобой сделать.

Джосси встала на колени и оседала Тристана. Разумеется, он был сильнее неё, но он повиновался. Ощущения от того, как её тело прижимается к нему, заставляло его воображение продуцировать совершенно дикие образы.

— Ты же знаешь, что я одержу победу. Просто сдавайся, — передразнил он её.

— Извинись передо мной.

— Никогда. Сиськи Даниэль будут оскорблены и обижены, если я сейчас заберу свои слова назад.

Джосси легла на него, её губы были напротив уха Тристана. Их грудные клетки были прижаты друг к другу, сердца бились в унисон.

— Тебя больше волнуют буфера Даниэль Райан или то, что ты снова можешь оказаться внутри меня?

Тристан быстро сел, прижимая спину Джосси к подушкам. Он обернулся вокруг неё и поцеловал её в шею.

— Прости меня. Прости меня, — шептал он напротив её тёплой кожи.

Она улыбнулась в ответ и запустила свои пальцы ему в волосы.

— Так-то лучше.

— Я никогда больше не буду упоминать о Даниэль и о её шикарном бюсте.

Джосси шлёпнула по его плечам, на его лице расцветала ухмылка. С левой стороны уголок губ был приподнят выше. Эту улыбку Джосси знала очень хорошо. Она дразнила, приносила радость и что-то, чего ей всегда будет не хватать.

Позже той ночью, когда Джосси уже спала в его постели, Тристан вышел, чтобы покурить. Он сидел на заднем крыльце в темноте, разглядывая деревья. Как и в прошлый раз, когда он был здесь, Битси подкралась и села рядом с ним.

— Она так изменилась. Такая грустная, такая ранимая, но при этом очень сильная, — произнесла Битси.

Тристан кивнул и выдохнул дым.

— Она для меня всё, — ответил он.

Какое-то время Тристан чувствовал растерянность. После всего того, что с ним произошло, он не был уверен, что способен вернуться к прошлой жизни с семейными ужинами и визитами по праздникам. До того момента, как звук плача его матери не оторвал его от этих размышлений. Встретившись с её мокрыми от слёз глазами, стена, которую он выстроил между ними, разрушилась, и он притянул её в свои объятия.

— Тебя не было с нами так долго. Я не знала, увижу ли я тебя когда-нибудь снова, но я молилась каждый день, чтобы ты был в безопасности и счастлив. Ты бал счастлив, милый?

— «Причина, по которой людям так трудно быть счастливым в том, что они всегда видят прошлое лучше, чем оно было, настоящее хуже, чем оно есть».

— Расскажи об этом *своими* словами, — попросила она.

— Какое-то время я был счастлив. Фиона разбила моё сердце, как ты меня и предупреждала. Я не думаю, что она вообще когда-нибудь любила меня. Но сейчас у меня есть Джосси.

— И ты нашёл дорогу домой.

Тристан кивнул, перекинул свою татуированную руку через спинку сиденья и положил её на плечи матери.

Через окно Даниэль наблюдал за беседой жены и сына. Даже несмотря на то отчуждение, что возникло между ними, он мог почувствовать, что ситуация меняется в лучшую сторону. То, как они сейчас прислонились к друг другу, вызвало у него чувство облегчения. Тёплый свет, исходящий от его укрытия, очерчивал их силуэты в мягких золотых тенях. Он улыбнулся, что наконец возродилась та самая объединяющая всех сила, известная как семья.

Глава 22

Надир

Направление, указывающее непосредственно вниз под конкретным местом на небесном теле

— Я хочу, чтобы вы сдали свои работы к пятнице. Убедитесь, что вы тщательно исследовали, что лежало в основе борьбы между этими двумя обществами и не забудьте указать источники, которыми вы пользовались, — сообщил преподаватель, пока студенты покидали аудиторию.

Алекс заправил карандаш за ухо, тетрадь убрал подмышку. Он взглянул на аудиторию, до сих пор до конца не веря, что оказался здесь. Он находил довольно смехотворным тот факт, что проводит в обществе этих молодых впечатлительных ребят четыре дня в неделю. Когда-то он поклялся, что ноги его не будет больше ни в одном образовательном учреждении. Но в этом случае он сделал исключение.

Любовь и ободрение со стороны Эрин заставляло его поступать правильно, самосовершенствоваться. Он хотел быть всем, в чём она может нуждаться, и всем, что она заслужила. Не говоря уже о том, что в первый раз за свою взрослую жизнь, он выступал в качестве ролевой модели. Её сын, Паркер, наблюдал и часто повторял за ним. Для мальчика он был кем-то вроде супергероя, что делало Алекса более осмотрительным в поступках и словах. Ему нравилось, что Эрин не стремилась ничего в нём менять; она принимала все его плохие и хорошие стороны. Это была его идея — получить степень бакалавра в сфере управления бизнесом. Чёрт побери, можно сказать, что он управлял своего рода бизнесом всю свою жизнь.

Когда Алекс был моложе, он порой представлял, каково было бы жить такой добропорядочной законопослушной жизнью. Работать от звонка до звонка, платить налоги, накопить пенсию к старости. И хотя приверженность к социально одобряемому поведению могла привлечь очень многим, его это никогда не интересовало. Но мысли о том, что его жизнь будет одинокой, подавляли его. И когда в его жизни появился человек, перед которым он нёс ответственность, человек, который не побоится спросить с него, который требует большего от него, он достаточно легко смог внести изменения в свои жизненные

устремления.

На протяжении прошедшего года их с Эрин отношения развивались очень медленно, но первый раз в жизни Алекс не возражал против этого. Он любил её вспыльчивость, а она принимала его детскую непринуждённость. Секс был потрясающим, таким, какого у него до этого никогда не было. Эрин продемонстрировала ему, как согласовать их жизни на каждом уровне, и чем больше Алекс вливался в этот образ жизни, тем яснее он понимал, что для него теперь нет другого пути. Они были очень похожи друг на друга, но в тоже время очень разными. Неожиданно он понял, что теперь у него есть перспективы на будущее, и пускай он не до конца уверен в них, тем не менее совсем не страшится этого. Он на свободе, и он влюблён. Чего ещё может пожелать бандит из Логан Хайтс?

Алекс часто думал о Джосси и Тристане, поражаясь их силе, которая помогла им пережить те страшные события, выжить в таких сложных обстоятельствах. Он задумывался о том, где они сейчас и на что похожа их жизнь, но никогда не сомневался, что они вместе. Для него это был неоспоримый факт.

Скрываясь в тених одной из улиц Праги, Роб Неттлес достал из кобуры пистолет. Пульс отдавался в его голове, заглушая все прочие звуки. Указательный палец его правой руки подрагивал напротив курка, в то время как Роб укорял себя за подобное малодушие. Несколько раз приложившись головой о кирпичную стену, он старался взять под контроль свои эмоции, фокусируясь на неприятных ощущениях от кирпича, впивавшегося в его череп. Он должен быть в полном сознании, когда произойдёт то, что должно произойти. Это была его судьба, и это будет его смертью.

С того момента, как он потерял Монику, Роб сконцентрировался на уничтожении этого ублюдка. Он наткнулся на группировку, промышленную торговлей людьми и детским рабством. Он слышал про них от одного из новых поделщиков, когда вернулся на Манхэттен. До встречи с Моникой подобное обращение с людьми вызывало в нём негодование, но при этом ему никогда не хотелось вмешаться и что-то изменить. Теперь всё стало по-другому. Теперь сама мысль о том, что кто-то продаёт, покупает и жестоко обращается с детьми приводила его в ярость. Он воспринимал это как полное неуважение к тому, ради чего Моника так много и упорно работала.

Месяцами Роб пробивал себе путь к этой банде, изображая полное безразличие к страданиям невинных людей. Он вытерпел столько одиноких ночей, наполненных болью, что просто больше не мог и не хотел так жить. Если раньше он думал, что до встречи с Моникой его мир был беспросветным, то теперь, когда её больше нет, он стал абсолютно невыносимым.

Роб уже некоторое время планировал осуществить эту самоубийственную миссию, и он был непоколебим в своём решении. Получив наконец распорядок дня их босса, он ждал его в самом подходящем для засады месте. Этот человек будет уязвим всего несколько секунд, но с подготовкой Роба ему хватит этих секунд. Единственной проблемой будет то, что ему придётся иметь дело с охраной.

Звуки шагов просигнализировали, что они уже близко, и он с чувством презрения и ненависти к себе вынес себе смертельный приговор. Роб вышел из тени и успел нажать на курок до того, как был изрешечён пулями охранников. Но он улыбался, его дыхание менялось от тяжёлого до поверхностного. Он приветствовал свои палачей, с каждой пулей к

нему приходила боль, а с ней отпущение грехов. Он без слов молил о прощении, представляя улыбающееся лицо своей Пуговки. Роб готов был принять смерть и всё, что она могла ему предложить — мир конец сердечных мук.

— Почему они светятся? — спросила Джосси, прислонившись к шершавому стволу старого дерева, пробуя поймать светлячков.

— Это из-за химической реакции, которая называется биоллюминесценция. Фермент люцифераза взаимодействует с люцефирином, при наличии ионов магния, аденозинтрифосфата и кислорода продуцируется свет, — ответил Тристан, опустив руки на свои обтянутые джинсами бёдра.

Джосси закатила глаза и улыбнулась ему, показывая, что восхищается его поразительным интеллектом в такой же степени, как и его привлекательным лицом. Она заметила, что он наблюдает за ней, но больше не боялась осуждения или того, что он откажется от неё. Ей нравилось, что его взгляд чаще останавливается на ней, нежели на чём-нибудь ещё.

— Думаешь, мы когда-нибудь постареем настолько, что уже не сможем залезть на это дерево? — спросила она, посмотрев на землю.

— Ага, когда-нибудь этот день настанет. Но тогда мы придём и сядем под ним. Будем наслаждаться его тенью и думать о днях, которые провели на его ветвях.

— Хм, звучит многообещающе, — сказала она, наклонившись и поцеловав его в губы.

В этот момент они не кинулись безудержно лапать друг друга, не ждали друг друга действий, которые приведут их к чему-то большему, а просто невинно обменивались знаками, выражающими их любовь к друг другу.

— Как ты думаешь, моя память когда-нибудь восстановится? — спросила Джосси.

— Что ж, мы попробовали возродить воспоминания с помощью рассказов о прошлом, и это не сработало. В большинстве случаев память возвращается спонтанно. Но по прошествии такого длительного промежутка времени велика вероятность того, что твоя память никогда не восстановится.

Джосси вздохнула и посмотрела туда, где солнце исчезало за деревьями. Небо окрасилось в огненно-золотой и оранжевый цвета.

— Что ты по поводу этого чувствуешь? — спросил Тристан, в его голосе сквозило любопытство.

— Хм, я думаю, что всё в порядке. Я смирилась с этим очень давно. Тем более после всего, что тогда произошло в Нью-Йорке, я не хочу помнить детали. Сейчас у меня есть ты и твоя семья, и я чувствую себя прекрасно.

Когда по коже Джосси пробежали дрожь от прохладного ночного воздуха, они спустились по веткам дерева и направились в дом. Ужин был восхитительным, впрочем, как и обычно. Битси посещала кулинарные курсы и использовала Тристана и Джосси в качестве «подопытных кроликов».

— Где отец? — спросил Тристан, заглотив очередную порцию.

— Его вызвали, поэтому его не будет какое-то время. Я думаю, вы увидите с ним утром, — улыбаясь, сказала Битси. — Тристан, расскажи, как твои занятия?

— Великолепно. Я сдал тесты первого курса, так что с моим расписанием к этому времени в следующем году я буду уже выпускником.

Джосси улыбнулась ему, излучая гордость. Она не могла понять, каким образом Молони удалось сбить Тристана с истинного пути, как Тристан умудрился пожертвовать стольким. Затем она напомнила себе, что всё это произошло во имя его любви к девушке, и тогда ей стало легче понять его поступки.

— Просто замечательно, дорогой! А как у тебя дела, Джосси?

— У меня всё хорошо. Я работаю над настенной живописью для банка в деловом районе. Так странно заниматься этим абсолютно легально и посреди бела дня. Занятия по изобразительному искусству для меня сущий пустяк, а вот грёбанные общеобразовательные предметы просто убивают меня.

Джосси захлопнула ладонью рот и пробормотала извинения в адрес Битси.

Битси кивнула, и они продолжили ужинать. Когда с едой было покончено, а все тарелки вымыты, они втроём расположились перед телевизором.

— Вы навещаете нас недостаточно часто, — произнесла Битси во время рекламной паузы.

— Ма, не начинай снова, — попросил её Тристан.

Джосси захихикала, когда Битси одарила сына таким взглядом, который наверно присуш лишь матерям.

— Не «мамкай» мне здесь, Тристан. Я знаю, что занятия занимают у тебя много времени, но я ожидаю, что вы будете навещать нас хотя бы один раз за месяц. Вы живёте всего то через реку от нас. И ты мог бы чаще звонить.

— Хорошо, хорошо. Что слышно от отца?

— Он вернётся домой не раньше полуночи.

Битси огляделась вокруг, словно кто-то мог подсматривать за ними, и встала. Она медленно подошла к Тристану и Джосси, на её губах была прямо-таки дьявольская усмешка.

— Я могу поделиться с вами секретом? — прошептала она.

Они оба с любопытством смотрели на Битси, пока та расстёгивала свои джинсы.

— Мам! Какого чёрта ты творишь? — воскликнул Тристан в ужасе от того, что его мать раздевается прямо перед ним.

— Ох, да успокойся, Тристан. Я просто хотела показать вам это.

Битси слегка приспустила джинсы, и они смогли увидеть маленькое тату красного цвета в форме сердца на её левом бедре. Через сердце проходила лента на которой было написано «Даниэль».

— Срань господня! — не смог сдержать своих эмоций Тристан.

— Это потрясающе, — сказала Джосси, придвигаясь ближе, чтобы лучше рассмотреть. — Чёрт, да она настоящая!

Битси рассмеялась, натянула на себя джинсы и заняла своё место, более чем удовлетворённая результатом. Тристан сидел, не двигаясь, без слов таращась на то место, где до этого стояла его мать.

— Тристан? Ты чего? — спросила Джосси, толкнув его плечом.

— А, что? — спросил он, выйдя наконец из своего ступора.

— Только не говори ничего своему отцу, он пока ещё этого не видел.

Тристан кивнул, пытаясь уложить в своей голове тот факт, что он увидел татуировку на коже своей матери. Ему хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон. У Битси Дукот Фоллбрук, дочери мистера и миссис Самуэль Дукот III, победительниц подросткового конкурса красоты штата Луизиана, дебютантки клубов для представителей

высшего общества, была татуировка.

— Татуировка выглядит так, будто уже почти зажила. Как вы всё это время скрывали её от мужа? — спросила Джосси.

— Ну что ж, мне постоянно нужно было придумывать оправдания, почему у нас не будет секса. Так как обычно у нас с Даниэлем в достаточной степени здоровая сексуальная...

— О, Господи! — воскликнул Тристан, прикрыв глаза и выбежав из комнаты.

Обе женщины разразились приступом смеха над настолько неестественным для Тристана поведением. Они смеялись, пока их рёбра не начали ныть от боли, и всё равно остановиться было очень сложно.

Несколько часов спустя Тристан пристроился в кровати позади миниатюрного тёплого тела Джосси. Его комната выглядела так же, как во времена его учёбы в старших классах, только вид, который на данный момент открывался перед ним, был в разы лучше. Тонкая лямка майки Джосси сползла с её плеча, и ему нравилось, как этот предмет одежды смотрелся на фоне её прекрасной кожи.

Джосси довольно вздохнула и зарылась лицом в его грудь. Она вдыхала его запах, в то время как её пальцы скользили вдоль его талии, а затем вверх к его рукам. Она задержалась на небольшом шраме на его бицепсе, слегка надавила на него и продолжила своё исследование. Ощущения от его голой кожи под её руками вырывали из неё удовлетворённые стоны. Джосси не могла для себя представить более желанного места, кроме как быть в кольце его рук.

— Так странно быть с тобой в этой постели, — мягко прошептал он, уткнувшись в её волосы.

— Ты говоришь это каждый раз.

— Каждый раз именно это я и имею в виду.

Джосси погладила его предплечье и привстала, чтобы поцеловать его в подбородок. Приподняв ногу, она закинула её на его бедро.

— Ты когда-нибудь занимался сексом на этой кровати?

— Нет, — Тристан рассмеялся в ответ на этот вопрос.

На её розовых губах появилась коварная ухмылка, а её рука двинулась по направлению вниз. Она поцеловала его в местечко чуть ниже уха, её горячее дыхание обвевало его кожу.

— А ты хочешь? — промурлыкала она. — Мы бы могли разделить этот первый раз друг с другом. И этот первый раз я запомню.

Все причины, почему бы это могло быть плохой идеей, покинули голову Тристана, и до того, как один из них успел бы одуматься, Тристан подмял тело Джосси под себя.

— Ох, ты определённо запомнишь это, — ответил он, ухмыльнувшись. Тристан наклонился и накинулся на неё с поцелуями. Тихие стоны, которые она издавала, вызывали в нём желание целиком поглотить её.

— Я люблю тебя. Так сильно, как до луны и обратно.

— Твоя любовь составляет всего 447 800 миль? Моя любовь к тебе больше чем число гуголплекс.

— Не существует такого числа, — хихикая, ответила Джосси.

— Существует. Это самое большое число, у которого есть название.

Тристан проложил дорожку из поцелуев по её шее до ключицы и вернулся обратно к губам. Джосси запустила руки в его отросшие волосы, наводя на его голове полный

беспорядок. Он простонал в одобрении и толкнулся бёдрами. Начав с её ног, он покрыл всё её тело поцелуями, восхищаясь ею. Он покусывал её кожу, проводил языком линии по тем местам, которые, по его мнению, были обделены вниманием. В его теле не было ни одной части, которая бы не жаждала Джосси.

— Прекращай меня дразнить, — попросила она.

Для них это был новый «первый раз», что-то, что они разделят друг с другом, что-то, о чём смогут вместе вспоминать. Он хотел отчётливо помнить каждый момент и поэтому не торопился. Тристан желал, чтобы эти воспоминания навсегда остались в памяти Джосси.

После того, как испытанное физическое наслаждение окончательно истощило их, они растянулись на прохладных простынях. Их тела переплелись друг с другом. Пальцы Тристана бродили по пресыщенному телу Джосси. Когда его рука пропутешествовала от её колена вверх к бедру, облака разошлись, и через окно лунный свет осветил их обоих. Это напомнило ему, как он увидел Джосси в лунном свете на перилах пожарной лестницы её дома не так давно. Как и тогда, этот свет раскрыл их друг другу, связал их вместе.

Джосси вздохнула и прижалась ближе к Тристану. Она пробежалась своей рукой по его бедру, по его пальцам, вокруг его бицепсов. Она наблюдала, как постепенно замедляется его дыхание, как он всё глубже впадает в сон. Его лицо и тогда было идеальным — волосы, в которые она так любила запускать свои пальцы, глаза, которые видели всё, несмотря на то, как много она когда-то пыталась от них скрыть, и губы, которые без устали повторяли ей слова обожания. Ощущение от его тела, обёрнутого вокруг неё, были опьяняющим, и она не могла вспомнить, хотела ли хоть когда-нибудь кого-нибудь или чего-нибудь так сильно, как хотела Тристана. Ещё более интригующим был для неё внутренний мир этого потрясающего и сложного мужчины. Его феноменальная память, интеллект, его несокрушимая любовь и преданность такой девушке, как она, делало Тристана её идеальным и прекрасным наркотиком.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net